

HISTORIA ROSSICA

studia europaea

РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОМ
КОНФЛИКТЕ
XVIII ВЕКА

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1756–1763)
И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Studia Europaea

Коллектив авторов

**Россия в глобальном конфликте
XVIII века. Семилетняя война
(1756–1763) и российское общество**

«НЛО»

Коллектив авторов

Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война (1756–1763) и российское общество / Коллектив авторов — «НЛО», — (Studia Europaea)

ISBN 978-5-44-482158-0

Первый по-настоящему глобальный конфликт Нового времени – Семилетняя война (1756–1763 гг.) – занимает скромное место в отечественной историографии. Участие России было отмечено блестящими триумфами над самой грозной в Европе прусской армией, но драматические повороты политики привели к тому, что эти победы остались без видимых результатов, а война оказалась невостребованной в национальной исторической памяти. Между тем колоссальные военные усилия России отразились на социальных, культурных, экономических процессах, которые во многом повлияли на развитие страны в последующие десятилетия. Международный авторский коллектив ставит перед собой задачу не просто пробудить у читателя интерес к эпохе и открыть новые источники, но и показать Семилетнюю войну как часть европейской истории России. Книга создает объемный образ военной эпохи и рассказывает о различных ее сторонах – от армии, дипломатии, внутренней политики и экономики до информационного освещения войны, самосознания ее участников и современников.

ISBN 978-5-44-482158-0

© Коллектив авторов

© НЛО

Содержание

Проблемы и методы	5
Максим Юрьевич Анисимов, Денис Анатольевич Сдвижков	5
Доминик Ливен	23
Мариан Фюссель	34
Международные отношения: политика и экономика	50
Максим Юрьевич Анисимов	50
Мария Александровна Петрова	58
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война (1756–1763) и российское общество. Коллективная монография

Проблемы и методы

Максим Юрьевич Анисимов, Денис Анатольевич Сдвижков
РОССИЯ И МИР В ЭПОХУ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ¹

I

Война была и, увы, в обозримом будущем, похоже, останется в числе главных вех истории. Осмысление хода и последствий войн составляет сущностную часть исторической рефлексии и исторической памяти и для людских сообществ, и для отдельных людей. Семилетняя война занимает в российской историографии скромное место, но все же нельзя сказать, что это совсем непаханая историческим плугом целина. Поэтому выход новой книги требует пояснить предполагаемый прибавочный продукт знания и резоны издателей. Стремление пробудить интерес к эпохе, конечно, среди них присутствовало. Но смысл нашего обращения к предмету не только в напоминании об очередной «забытой войне». Состав авторов и темы, выходящие за пределы истории Российской империи, подсказывают, что наряду с расширением фактических знаний, открытием новых источников задача состояла в изменении перспективы и создании контекста для этих знаний.

С оформлением национальной модели истории войны оказались встроены в нее. Однако война по определению вовлекает как минимум две, а чаще несколько действующих сторон, которые, как ни цинично это может звучать, вступают во взаимодействие друг с другом. Как любил говорить фронтовик Ю. М. Лотман, любая война – это диалог, где «стороны обмениваются не только пушечными ядрами и ружейными выстрелами, но и смыслами»². В такой оптике война, во-первых, рассматривается как предмет культурной истории вместо военной – или того, что называется «новая военная история» (см. статью М. Фюсселя в наст. кн.). Для нашего XVIII столетия в этой связи первостепенна переоценка взаимосвязей войны и Просвещения: «Война не была Другим для века Просвещения, она неразрывно связана с ним»³. Во-

¹ Ч. I и III написаны Д. А. Сдвижковым, ч. II и IV – М. Ю. Анисимовым.

² Цит. по: Лейбов Р. 1812: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, II. (Новая серия). Тарту, 1996. С. 68–104, здесь с. 97.

³ Füßel M. Der Preis des Ruhms. Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges. München, 2019. S. 18; Gat A. The Origins of Military Thought from the Enlightenment to Clausewitz. Oxford, 1989; Pichichero Ch. The Military Enlightenment. War and Culture in the French Empire from Louis XIV to Napoleon. Ithaca, 2017; для России Miakinkov E. War and Enlightenment in Russia: Military Culture in the Age of Catherine II. Toronto, 2020.

вторых, вместо линейной национальной перспективы, где приоритетны результаты войн для конкретных стран, акцент переносится на процессы, которые за эти рамки выходят.

Внимание здесь привлекают действующие лица иного порядка, нежели современное национальное государство: с одной стороны, в рамках постнациональных моделей, – империи с их «большими играми» и стратегиями на обширном временном и территориальном протяжении⁴; с другой, в рамках исторической антропологии, – социальные сообщества и отдельные люди. Последнее позволяет раскрыть личный фактор, особенно важный для феномена войны, в котором рельефно выступает пространство случайного, непредсказуемого, «контингентного», увидеть взаимосвязи и переплетения истории в причудливых биографиях эпохи, на которые повлияла война, – офицеров, пленных и «перемещенных лиц», дезертиров, коммерсантов...

Семилетняя война хорошо иллюстрирует все сказанное. Это последняя большая война Старого режима, которая стала фактически первой мировой войной в Новое время. На европейском континенте она зафиксировала состав «концерта» великих держав, игравшего ключевую роль вплоть до XX в. Вне Европы с этой войны определились контуры будущего колониального, да и постколониального мира. При этом историография Семилетней войны складывалась в рамках национальных традиций; действующими лицами в ней выступали представленные тогдашними кабинетами прототипы национальных государств. Поскольку историю пишут победители, ключевую роль Семилетняя война играла в исторической памяти двух ее главных бенефициаров: Великобритании (создание «первой» Британской империи) и Пруссии («миф основания» Пруссии как великой державы, ставшей ядром объединенной Германии). С крахом прусско-германской традиции после 1945 г. англосаксонское доминирование в этой истории на несколько десятилетий стало почти таким же безраздельным, как британского флота на морях после 1763 года.

По той же причине невостребованности в национальной исторической памяти в России Семилетняя война хотя и не игнорировалась, но явно не была в фаворитах. Внимание историков к ней сосредоточилось на дипломатии и вкладе в то, что называлось национальным военным искусством. Война как событие глобальное применительно к России подразумевала преимущественно этап на «пути Москвы в Европу»⁵; причем этот путь стал подгоняться всеми заинтересованными сторонами под позднейшую схему противостояния «России и Запада». Крайнее выражение такая схема нашла в «извечном» русско(славянско)-немецком противостоянии, а роль зачинщика в нем отводилась Пруссии как «колыбели немецкого милитаризма»⁶.

Мы же хотели показать или хотя бы наметить перспективу Семилетней войны как «переплетенной истории», фрагмента европейской истории России. Как и коллеги 110 лет назад, исследовавшие Наполеоновскую эпоху, «мы думали, что только поставленная в рамки европейской истории, изучаемая в тесной связи со всей эпохой, [эта война] может быть понята и оценена надлежащим образом»⁷. Изучение следующей за Семилетней большой войны в Европе может служить примером решения этой задачи и в современных исследованиях, когда Доминик Ливен пишет о «военно-экономической деятельности» России в 1812–1815 гг. как «вкладе в становление нового европейского порядка»⁸.

⁴ *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and its Rivals. New Haven, 2001; *Scott H. M.* The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge, 2001; *LeDanne J. P.* The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford, 2004.

⁵ *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952.

⁶ См.: *Müller M. G.* Rußland und der Siebenjährige Krieg: Beitrag zu einer Kontroverse // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Bd. 28. H. 2. 1980. S. 198–219, 201; *Schulze-Wessel M.* Russlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart, 1995.

⁷ *Джизвилегов А. К., Мельгунов С. П., Пичета В. И.* Отечественная война и русское общество. Т. I. М., 1911. С. IV.

⁸ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 11. См. статью Д. Ливена в наст. кн.

Такая оптика подразумевает взгляд на войну как тотальное событие. Военные усилия, *war effort*, охватывают разные, но взаимосвязанные аспекты от личных судеб до глобальных сетей и структур, включая финансы, экономику, логистику. Тематика статей в книге призвана отразить это многообразие, привлекая материалы по сопредельным с Российской империей территориям. К сожалению, по независящим от издателей причинам часть зарубежных авторов отозвала свои статьи, но тем более ценно участие оставшихся и заново присоединившихся к нам исследователей. Прежде чем перейти к главной части книги, подведем промежуточный итог нашим знаниям о России и мире в эпоху Семилетней войны в Европе и за ее пределами.

II. РОССИЯ И СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ЕВРОПЕ

Государство Гогенцоллернов в начале XVIII в. поддерживало лояльные отношения с Петром I. Берлин входил в состав антишведской коалиции и по итогам Великой Северной войны 1700–1721 гг. получил часть Шведской Померании с главным городом Штеттином. Восшествие на престол молодого прусского короля Фридриха II в 1740 г. изменило прежние отношения. Разгромом австрийцев в Первой Силезской войне 1740–1742 гг., ставшей частью масштабной Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг., Фридрих II доказал, что, опираясь на подготовленную еще его отцом армию, Пруссия способна заявить претензии на роль державы великой, или, как тогда говорилось, «первого ранга». В Петербурге были неприятно поражены как самоуправством страны, ранее рассматриваемой в роли тихого податливого союзника, так и сокрушением пруссаками австрийцев – главных союзников России по противостоянию с Турцией и контролю над Речью Посполитой. В центре Европы появилась новая сила, способная бросить вызов и самой России в сферах ее влияния – Балтийском регионе и Речи Посполитой. Ситуация здесь менялась в тот момент, когда у России назревала война на севере со Швецией, и при крайней слабости правительства в стране: Первая Силезская война началась почти сразу после смерти Анны Иоанновны и воцарения ее годовалого внучатого племянника Иоанна Антоновича.

Русские власти, недовольные успехами пруссаков, опасались в этих условиях втягиваться в войну между двумя своими союзниками, Веной и Берлином, хотя и рассматривали варианты оказания помощи австрийцам атакой в Восточной Пруссии. Начавшаяся в 1741 г. русско-шведская война перечеркнула эти планы и дала Петербургу повод отказаться от помощи Австрии из-за необходимости вести собственную войну. Переворот с восшествием на трон Елизаветы Петровны, произошедший 25 ноября 1741 г., не изменил ситуации. Только завершив войну со Швецией победным Абоским миром 1743 г., правительство Елизаветы Петровны могло уделить больше внимания остальным европейским делам.

Война между Пруссией и Австрией к этому времени завершилась. Отбиваясь от нескольких врагов сразу, наследница Габсбургов Мария Терезия, имевшая тогда лишь один неоспариваемый титул – королева венгерская, согласилась на предложение Фридриха II прекратить войну в обмен на передачу Пруссии уже завоеванной пруссаками богатой и густонаселенной провинции Силезии. Казалось, ситуация в центре Европы снова вернулась в устраивавшее русский двор положение. В 1743 г. был подписан новый союзный договор России и Пруссии: как потом говорил его подписант, елизаветинский канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин, этим договором обеспечивалось неучастие Берлина в оказании помощи шведам в войне с Россией.

Но Фридрих II снова удивил всех. Увидев, что, избавившись от угрозы его непобедимых армий, австрийцы перехватили инициативу в продолжающейся Войне за австрийское наследство, выбили французов и баварцев из австрийских земель, заняли баварскую столицу Мюнхен и отгнали французов за Рейн, прусский король снова решил вступить в войну и ударить по Австрии. В 1744 г., пользуясь отвлечением основных сил австрийцев, Фридрих II атаковал владения Марии Терезии под предлогом оказания помощи императору Священной Римской

империи, которым тогда был баварский курфюрст. Для прохода к австрийским границам Фридрих II вторгся в земли Саксонии. Саксонского курфюрста окончательно признали в 1735 г. польским королем под именем Августа III при помощи русских штыков, и он был союзником России. В Первую Силезскую войну Август III входил в число врагов Марии Терезии, но после выхода Пруссии из войны подписал с ней и с Елизаветой Петровной союзные договоры.

Действия Фридриха II, легко нарушившего свой столь недавно подписанный договор с Марией Терезией и вторгнувшегося в российскую сферу влияния, куда входила Саксония и особенно связанная с ней личной унией Речь Посполитая, стали катализатором изменения отношения к нему в Петербурге. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин начал убеждать Елизавету Петровну в опасности усиления Пруссии и необходимости приведения ее в прежнее положение второразрядного германского княжества. Вначале без видимого результата: русско-австрийские отношения ухудшились накануне нового вторжения Фридриха II в австрийские владения из-за обвинений бывшего австрийского посла в Петербурге маркиза А. О. Ботта д'Адорно в участии в «заговоре Лопухиных» против Елизаветы Петровны, притом что Мария Терезия желала получить какие-либо весомые доказательства этих обвинений, кроме слов уже арестованных русских «оппозиционеров». Кроме того, прусский король по-прежнему не знал поражений, а Петербург не хотел выглядеть агрессором в Европе, учитывая, что сам Август III, запросив русской помощи по союзному договору, не сопротивлялся проходу пруссаков через его земли даже для вида, хотя и отправил затем свои войска на помощь австрийцам.

Осенью 1745 г. ситуация в центре Европы подошла к закономерной кульминации: Пруссия и Саксония вступили в открытую, «прямую», как тогда говорили, войну друг с другом, с печальными последствиями для последней. Пруссаки наносили саксонцам и австрийцам поражение за поражением, быстро приближаясь к саксонской столице – Дрездену. В Петербурге поняли, что крах Саксонии может привести к ее отходу от опоры на Россию и распаду польско-саксонской личной унии. А это, в свою очередь, могло повлечь новую войну за польское наследство, которую Россия уже вела в 1733–1735 гг., как раз посадив на польский престол Августа III. Елизавета Петровна вынесла на обсуждение совещания своих верховных сановников вопрос о войне с Пруссией ради оказания помощи Саксонии. Те выступили за войну; императрица приказала готовить вспомогательный русский корпус к походу в Европу и привести армию в боеготовность в целом. Решение не было секретным, о нем сообщили и прусским дипломатам, чтобы повлиять на желание Фридриха II оставить Саксонию ее курфюрсту. Прусский король, понимая, что русские будут готовиться долго, закончил войну на своих условиях и, разбив австрийцев и саксонцев, вступил в Дрезден. Дрезденский мир, подписанный в декабре 1745 г. пруссаками, саксонцами и австрийцами, подтверждал переход Силезии к Пруссии в обмен на прекращение войны, а также возвращение Саксонии Августу III. Других приращений, кроме Силезии, Фридрих II не желал, рассчитывая тем самым исключить Россию из числа своих врагов. Однако единожды решившая «сократить силы» прусского короля Елизавета Петровна осталась верна этому решению до самой смерти.

Осознавая, что обладающий военным талантом и вышколенной армией, агрессивный, беспринципный, циничный Фридрих II не только является угрозой российскому влиянию в ближайшем «предполье» России – Польше, Швеции, Турции, Крыму, но в случае войны России с любым соседом готов тут же воспользоваться этим для ослабления Петербурга и возможного отторжения от России ее территорий, особенно прибалтийских провинций, русский двор решил использовать любой повод к войне с ним.

По тогдашним представлениям, прямо проводить агрессивную политику в отношении другого государства без потери уважения других было невозможно. С этим столкнулся Фридрих II, в итоге оказавшийся один против мощной коалиции своих врагов, и российский двор не собирался повторять его ошибок. Мастер дипломатических и придворных интриг, канцлер Бестужев-Рюмин предложил Елизавете Петровне «голландскую модель» участия в междуна-

родных делах: Россия добивается своих целей под чужим именем, она не начинает и не объявляет никому войны, а лишь выполняет союзнический долг, оказывая военную помощь по подписанному ранее договору. Это позволяло скрыть свои планы в Европе и избежать мести других стран – война со стороны России должна выглядеть как вынужденная. Зато на мирном конгрессе по итогам войны Россия наравне с союзниками оказывалась в числе участников подписания общего мира.

В рамках принятой политики Петербург заключает союзный договор с Австрией в 1746 г. и три субсидные конвенции с Великобританией в 1747 г. (в этот год была подписана конвенция о содержании русского корпуса на английские субсидии в Ливонии на текущий 1747 г., затем новое соглашение об этом же на 1748 г., а также русско-англо-голландская конвенция об отправке другого русского корпуса на Рейн). Все эти соглашения объединены обязательством России оказать военную помощь своим союзникам в случае нападения на их владения Пруссии в обмен на выплату крупных денежных сумм. Бестужевская идея войны «под чужим именем» получала дополнение «и за чужой счет». В этом же ключе с 1753 г. готовится новая субсидная конвенция с англичанами, по которой русские войска должны были оказать помощь британцам, если Пруссия нападет на принадлежащий английскому королю Ганновер. Однако интересы Британии смещаются к войне за колонии, главной угрозой становится Франция. В Лондоне считали, что русским все равно, против кого посылать свои войска в случае атаки на Ганновер, но для Петербурга врагом могла быть только Пруссия, воевать же с французами ради англичан не имело смысла. С большим трудом после долгих переговоров в 1755 г. была подписана русско-английская конвенция, при этом российская сторона при ратификации конвенции императрицей в марте 1756 г. прикладывает к ней декларацию о действительности русской помощи только в случае нападения на Ганновер Пруссии. Однако англичане не желают ее принимать, уже получив страховочный вариант: в 1756 г. подписана Вестминстерская конвенция с Пруссией, по которой обязательства оказания помощи Ганноверу берет на себя Фридрих II.

Прусский король внимательно следил за развитием англо-французского конфликта в колониях, прекрасно понимая, что он перекинется в Европу: Вена, все эти годы проводившая военные реформы, не оставляла цели возвращения Силезии, теперь опираясь на помощь союзной России. В своем так называемом «Первом политическом завещании» 1752 г. Фридрих II верно оценил интересы России в Польше и на Балтике. Но, интригуя там против русских «на всякий случай», чтобы Петербургу было не до европейских дел, почему-то так и не понял, что именно он оценивается в Петербурге как угроза этим интересам, а русский двор является его упорным тайным врагом. Русское участие в противоборстве с Пруссией Фридрих объяснял английскими, а потом австрийскими деньгами, ради которых продажный канцлер Бестужев-Рюмин и настроил Елизавету Петровну против него. Искренне полагая, что английские деньги решают в Петербурге все, Фридрих II пошел, по его же словам, на соглашение с Англией, рассчитывая не только обезопасить себя от англичан, но и освободиться этим от русской угрозы.

Воззрения Фридриха II, не видевшего и не понимавшего интересов Российской империи в Европе, оказали значительное влияние на историков, в том числе русских, которые вслед за прусским королем оценивали участие России в Семилетней войне как вынужденное оказание союзной помощи Австрии, результат личной обиды Елизаветы Петровны на насмешки над ней Фридриха II, торжество австрийских дипломатов, втянувших продажного канцлера Бестужева-Рюмина в войну с Пруссией. Истинные цели участия России в войне, как и долгая подготовка к ней, оказались скрыты в российских архивах.

В 1912 г. Императорское Русское историческое общество опубликовало первую часть протоколов Конференции при Высочайшем дворе, постоянного совещательного органа, созданного Елизаветой Петровной для подготовки и ведения войны с Пруссией в марте 1756 г. Первые заседания определили цели русского участия в войне: «всегда главное намерение

к тому клониться имеет, чтобы, ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор возвращением ему Силезии усилия, сделать союз его противу турок больше важным и действительным; одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные хлопоты и беспокойства пресеклись, но может быть и способ достался бы коммерции Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»⁹. Но в отличие от секретных протоколов и решений Конференции, для своих подданных и для всего мира уже после начала войны Петербург объявил причиной войны против Пруссии необходимость оказания союзной помощи подвергшимся агрессии Австрии и Саксонии.

Первая мировая война, Русская революция, изоляция Советского государства в первые десятилетия его существования, Вторая мировая война, да и просто языковой барьер мешали иностранным историкам познакомиться с подлинными причинами русского участия в Семилетней войне. Только после Второй мировой войны, в условиях широкого распространения советского влияния в Европе, английский историк Г. Баттерфилд выступил с речью, оформленной затем в виде брошюры, в которой сообщил о вышеописанных решениях Конференции при Высочайшем дворе и намеренно провокативно назвал Россию «главным виновником» или «настоящим виновником» Семилетней войны¹⁰. Эссе Г. Баттерфилда, как и вышедшее в это же время в Западной Германии масштабное исследование В. Медигера¹¹, положили начало революции в представлении исторической науки о причинах участия и роли России в начале Семилетней войны. Оказалось, что, помимо всем известных противоречий между Австрией и Пруссией в Германии, а Великобританией и Францией – в колониях, существовали мощные российско-прусские противоречия в восточной части Европы, которые и определили двор Елизаветы Петровны во враги формирующейся новой великой державы с центром в Берлине.

Интересно, что иностранная историческая наука куда полнее представляла себе роль России в начале Семилетней войны, чем отечественная. Вероятно, общее первое впечатление о том, что это была «чужая» и «ненужная» для России война, повлияло на то, что о Семилетней войне, в которой русская армия столкнулась с лучшей армией тогдашней Европы, было написано в нашей стране до недавних времен всего две монографии. Первая из них, трехтомная работа полковника Генерального штаба Д. Ф. Масловского «Русская армия в Семилетнюю войну», была опубликована в 1886–1891 гг.¹² Будучи профессиональным военным, Д. Ф. Масловский и посвятил свое исследование действиям русской армии. Его книга издана в немецком переводе и хорошо известна за рубежом, представляя собой русский взгляд на эту войну.

В 1940 г., в условиях новой масштабной войны в Европе, начатой Берлином, в советском Воениздате вышла книга Н. М. Коробкова, историка еще дореволюционной школы, «Семилетняя война (Действия России в 1756–1762 гг.)»¹³. Н. М. Коробков, используя материалы нынешних РГВИА и РГАДА, вышедшую к тому времени литературу на нескольких европейских языках, создал достойное научное исследование, в основном посвященное ходу военных действий русских.

В 2014 г. вышла монография М. Ю. Анисимова «Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг.», основанная на материалах Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, продолжающее исследование автора «Российская дипломатия в Европе в

⁹ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // СИРИО. Т. 136. СПб., 1912. С. 33.

¹⁰ *Butterfield H.* Reconstruction of an Historical Episode: The History of the Enquiry into the Origins of the Seven Years' War. Glasgow, 1951. P. 8, 29.

¹¹ *Mediger.* Moskaus Weg.

¹² *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну: В 3 т. М., 1886–1891.

¹³ *Коробков Н. М.* Семилетняя война (Действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940.

середине XVIII в.: от Ахенского мира до начала Семилетней войны». В 2020 г. свет увидела книга «Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)», дополнившая прежние работы освещением первых лет внешней политики этой императрицы, предопределивших войну против Пруссии¹⁴.

С 2013 г. С. В. Доля выпускает альманах «Кружева и сталь», посвященный разным аспектам Семилетней войны в глобальном масштабе и включающий в себя разные по содержанию и жанру статьи, а также переводы не публиковавшихся до того источников на русском языке¹⁵.

Постсоветское время открыло науке целый ряд и неизвестных ранее мемуаров русских участников Семилетней войны. Продолжатели дела дореволюционных публикаторов исторических свидетельств опубликовали в альманахе «Российский архив» мемуары военного инженера М. А. Муравьева, участника сражений при Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе¹⁶; отдельной книгой вышли объемные мемуары фельдмаршала А. А. Прозоровского¹⁷. Ранее историки знали только мемуары А. Т. Болотова – непрофессионального военного, бывшего в Семилетней войне поручиком и покинувшего армию после манифеста о вольности дворянской Петра III, что позволяло Д. Ф. Масловскому пренебрежительно отзываться о его свидетельствах. Однако мемуары офицеров, в том числе будущего фельдмаршала, во многом согласуются с Болотовым в оценке боеспособности российской армии на первом этапе Семилетней войны и причин отступления фельдмаршала С. Ф. Апраксина из Восточной Пруссии.

Изданы и мемуары Алексея Климова, в годы Семилетней войны попавшего в прусский плен, так и не успев добравшись до своего полка¹⁸. Д. А. Сдвижков сделал интереснейшую находку в немецких архивах, обнаружив чудом сохранившиеся письма русских офицеров домой через три недели после сражения при Цорндорфе. Курьер с этими письмами был перехвачен пруссаками, и благодаря этому мы можем увидеть целый срез жизни офицеров воюющей русской армии в 1758 г. Все письма русских офицеров, остзейских немцев и грузинских гусар опубликованы Д. А. Сдвижковым, предварившим публикацию собственным исследованием о людях российской армии в Семилетней войне¹⁹.

Побеждая Фридриха II, российская армия обрела уверенность, что способна победить любого из возможных противников. Однако путь к этой уверенности, как часто случалось в истории, был долгим. Власти страны рассчитывали лишь на вспомогательную роль армии в этой войне, сама армия, долго не воевавшая, не имевшая опытных военачальников, опасалась непобедимых пруссаков. Первое столкновение в 1757 г. с небольшими прусскими силами, защищавшими Восточную Пруссию, в сражении у Гросс-Егерсдорфа едва не закончилось катастрофой. Русское командование, не разведав положение противника, неожиданно столкнулось с ним ранним утром, когда он готовился к продолжению марша. Но, потеряв управление, русская армия не развалилась и не побежала, солдаты и их непосредственные командиры приняли бой в тяжелых условиях и сумели опрокинуть противника. После сражения росло недоверие солдат и офицеров к командованию, достигшее своего апогея при решении командующего армией фельдмаршала С. Ф. Апраксина отступить из Восточной Пруссии после этой победы. В Петербурге, столь же потрясенном неожиданным результатом этого похода, приняли решение

¹⁴ Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012; Анисимов М. Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014; Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

¹⁵ Доля С. В. Кружева и сталь. Заметки о Семилетней войне 1756–1763 годов. Вып. I–IX. М., 2013–.

¹⁶ Записки М. А. Муравьева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. V.

¹⁷ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004.

¹⁸ Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века) / Подг. текста, статья и комментарии Е. Д. Кукушкиной. СПб., 2011.

¹⁹ Сдвижков Д. А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М., 2019.

сменить командующего и любой ценой показать противникам и союзникам, что российская армия верна своему долгу и отступление – лишь недоразумение.

Антипрусская кампания 1757 г. получилась обескураживающей и для союзников России. Несмотря на огромный перевес, союзники не добились ничего. Фридрих II разгромил франко-имперскую армию в битве при Росбахе. Потерпев первое поражение в карьере полководца в сражении с австрийцами при Колине, прусский король взял реванш над ними в битве при Лейтене, восстановив территориальный статус-кво на начало года. В Померании выдвинувшиеся вперед шведы при известии об отступлении русских спешно вернулись обратно в свои владения. Оказалось, что силы трех великих держав и их союзников ничего не смогли сделать с Пруссией, а значит, война будет долгой. Французы после битвы при Росбахе отказались от планов отправки войск против прусской армии, сосредоточившись на противостоянии ганноверцам и их английским союзникам. Борьбу с основными силами Пруссии продолжали только Австрия и Россия.

Новый российский командующий из шотландцев, осевших в немецкоязычной Лифляндии, В. В. Фермор, до того больше известный как военный инженер, сумел навести порядок в упавшей духом армии, укрепить дисциплину, избавить от мешавших ее быстрому движению обозов и суровой зимой 1757–1758 гг. двинуться в новый поход на Восточную Пруссию. Сам по себе поход зимой представлял по тем временам большую трудность, войска предпочитали не воевать, располагаясь на зимние квартиры, но русская армия, добывавшая необходимое снабжение на территории противника, с честью выдержала это испытание. Прусских войск в провинции уже не было, и без сражений русские заняли Восточную Пруссию, организовав в ней собственное управление и оставаясь там до самого выхода России из войны в 1762 г.

Остальные сражения русская армия вела уже за пределами Польши в центральных владениях Фридриха II, бранденбургских и померанских землях, куда еще нужно было пройти через обширную территорию Речи Посполитой. Помимо серьезных проблем с военной логистикой в чужом государстве, позднее прибытие русских на театр военных действий позволяло Фридриху II встречать своих врагов поодиночке.

В кампанию 1758 г. русская армия подошла через Польшу к Одеру только в августе, в то время как Фридрих II воевал с австрийцами еще с весны. В. В. Фермор, хотя не имел осадных орудий, подверг успешной бомбардировке прусскую крепость Кюстрин. В это время прусский король, взяв с собой лучшие полки, стремительно двинулся из Силезии к Кюстрину. Фермор отошел от города и занял выгодные позиции восточнее, у деревни Цорндорф. Быстро переправившись через Одер, Фридрих II обошел позиции Фермора с тыла и заставил его повернуть фронт на 180 градусов, лишив его преимуществ прежней позиции. 14 (25) августа состоялось сражение при Цорндорфе, считающееся не только «самым странным» сражением Семилетней войны (по причине независимости его хода от воли обеих командующих армий), но и самым кровопролитным по соотношению участников сражения и понесенных потерь вплоть до Первой мировой войны. Фридрих II, представлявший своими самыми главными врагами австрийцев, решил раз и навсегда избавиться от русских, нанеся им такое поражение, которое их ужаснет, и в Петербурге поспешат заключить с ним мир. Король настраивал своих солдат на жестокую месть, приказав не брать русских в плен. Как и при Гросс-Егерсдорфе, русские солдаты и младшие офицеры по собственной инициативе пошли в атаку. После первого успеха, отбросив прусских пехотинцев, потерявшие строй солдаты подверглись мощнейшему удару прусской тяжелой кавалерии, однако даже в этих условиях русские не дрогнули и не побежали, а, собравшись в группы по несколько человек, мужественно встретили лавину прусской конницы. Их отчаянное сопротивление не позволило пруссакам опрокинуть всю армию. После схожих событий на обоих флангах сражение окончательно превратилось в обоюдную резню, войска смешались и не контролировались не только русским командованием, но и прусским. Лишь опустившаяся ночная темнота прекратила сражение, и ночью солдаты обеих армий

искали остатки своих полков на том же поле дневного боя. Утром, заново выстроившись, русские и пруссаки провели орудийную перестрелку, но на большее сил уже ни у кого не было. Отойдя в свои лагеря, обе армии отпраздновали победу, после чего русская армия через Померанию отправилась обратно в Польшу, не имея сил для продолжения наступления к Берлину. Таким образом, не победив в самом сражении, Фридрих II все же добился своего, сняв в кампанию этого года угрозу русского вторжения в Бранденбург, и отошел в Саксонию, где потерпел поражение от австрийцев у Хохкирха. Отдельный русский корпус попытался взять прусскую крепость-порт Кольберг на балтийском побережье Померании, но без успеха и вместе с главной армией ушел на зимние квартиры в нейтральной Речи Посполитой.

Кампания 1758 г. продемонстрировала примерное равенство сил пруссаков и их противников. Отчаянные сражения, помимо потерь, не принесли воюющим армиям итоговой победы. После боя армии отходили восстанавливать силы, и противники никак не преследовали отступавших, что будет происходить и в дальнейшем. Война, которую ее участники изначально планировали как быструю, превращалась в войну на истощение.

Кампанию следующего года русский двор снова решил провести, атаковав бранденбургские владения. Новым командующим был назначен генерал-аншеф П. С. Салтыков. Фридрих II заранее отправил в Польшу корпус графа Дона с целью разбить отдельные русские части, только готовившиеся к выступлению, однако пруссаки не успели подойти вовремя и, увидев собранную русскую армию, численно превосходившую корпус, начали отступать. Дойдя до прусских границ, корпус получил нового командира, присланного Фридрихом II для того, чтобы тот, наконец, дал бой русским, силы которых прусский король по-прежнему недооценивал. Генерал Ведель тут же попытался разбить армию Салтыкова, атаковав его позиции у Пальцига, но, несмотря на отчаянные атаки, потерпел поражение и был отброшен. Русские двинулись к Франкфурту-на-Одере для соединения с союзными австрийцами. Фридрих II, раздосадованный неудачей Веделя, понял, что ему снова придется самому идти против русских.

Как и в прошлом году, с лучшими полками прусский король стремительно двинулся из Силезии к Одере, где соединился с корпусом Веделя. Салтыков тем временем занял Франкфурт-на-Одере и тоже усилил свою армию подошедшим ему навстречу австрийским корпусом генерала Лаудона численностью 18 500 человек. Узнав о подходе Фридриха II, Салтыков отступил за Одер и занял прибрежные высоты у селения Кунерсдорф. Фридрих II, как и в прошлом году стремительно переправившись через Одер, снова обошел позиции русской армии с тыла, таким образом прижав ее к реке. Битва при Кунерсдорфе 1 (12) августа 1759 г. стала триумфом русского оружия. Фридрих II атаковал оборонявшихся русских солдат, но все атаки в конце концов захлебнулись в ружейном и орудийном огне стоявших на холмах русских и австрийцев. Не помогла и последняя надежда короля – тяжелая кавалерия генерала Зейдлица. Когда резервы Фридриха II были исчерпаны, русская и австрийская кавалерия ринулась в контратаку, поддержанную всей армией, прусская армия рассыпалась и побежала. Сам Фридрих II едва не попал в плен к казакам. Покинув поле боя, он отправил письмо своему министру, в котором сообщил, что у него от всей армии осталось лишь 3 тысячи человек и он считает все потерянным, ожидая гибели своей страны.

Однако король с удивлением увидел, что последнего удара никто не наносит. Ни армия Салтыкова, ни австрийская армия фельдмаршала Дауна в Силезии не двигались с места и не шли на беззащитный Берлин. Оба союзных командующих предоставляли друг другу право захвата Берлина и завершения войны, ссылаясь один – на потери из-за двух сражений, второй – на необходимость прикрывать Силезию из-за присутствия там других прусских войск. В итоге Фридрих II вызвал резервы, из гарнизонов крепостей и резервов подвезли пушки, разбежавшиеся у Кунерсдорфа солдаты возвращались к нему, и вскоре прусский король вновь командовал армией, способной защитить свою столицу. Впрочем, этого так и не понадобилось, так как Даун остался в Силезии, а Салтыков в итоге вернулся на зимние квартиры в Польшу.

Триумфальная победа над самим королем не принесла союзникам победы в войне. Впрочем, австрийцы и имперцы в сентябре этого года добились капитуляции прусского гарнизона саксонской столицы Дрездена и удержали город за собой до конца войны.

В кампанию 1760 г. русская армия уже не имела сражений. Фридрих II, узнав на собственном опыте ее силу, больше не нападал на нее, а сами русские, как и прежде, избегали активных действий. Кроме того, прошлогодняя победа при Кунерсдорфе резко подняла в Европе престиж русской армии, и было желательно сохранить его, не доверяясь превратностям новых сражений. Армия произведенного после Кунерсдорфа в фельдмаршалы П. С. Салтыкова так и промаршировала вблизи того же Одера, не атаковав прусские войска. Отдельный русский корпус при поддержке Балтийского флота снова попытался взять Кольберг, но осаду прервал прусский корпус генерала Вернера, неожиданно появившийся у города и заставивший десант в панике погрузиться на корабли и отойти в море.

Русские сумели взять реванш за эту неудачу, на короткое время захватив Берлин. Пользуясь отсутствием основных прусских сил, небольшой кавалерийский корпус генерала Тотлебена пытался с ходу прорваться в Берлин, но штурм был отбит гарнизоном города и приданным ему полевым корпусом. К Тотлебену подошли русский корпус генерала Чернышева и австрийский корпус генерала Ласси. В условиях численного превосходства противника прусский корпус отошел от города, не имевшего значительных укреплений, и горожане сдали прусскую столицу генералу Чернышеву. Взяв с города контрибуцию, освободив находившихся там пленных и разрушив прусские военные фабрики, союзники быстро отошли от Берлина, узнав, что к нему спешит со своей армией сам Фридрих II. Не имевшая особых военных результатов Берлинская экспедиция принесла моральные и дипломатические плоды, снова показав Европе возможности русских солдат. Главная же армия, так ничем и не отметившись, отступила на зимние квартиры в Польшу. Уже после ее ухода состоялось последнее крупное сражение Семилетней войны – у Торгау. Фридрих II в кровопролитном упорном сражении победил австрийскую армию фельдмаршала Дауна. Большие потери пруссаков вынудили и Фридриха II отказаться от решительных атак на армии своих противников.

Кампания русской армии 1761 г. проводилась уже при новом командующем – фельдмаршале А. Б. Бутурлине, бывшем фаворите Елизаветы Петровны в бытность ее юной цесаревной. Не имея опыта командования, Бутурлин также стремился избегать сражений, чтобы не подвергать угрозе высокий престиж русской силы в этой войне, а также, возможно, не веря в силы своих солдат в наступательном бою (все свои 4 сражения в войне русская армия провела в оборонительных порядках, отражая атаки пруссаков). Однако в самом конце этого года в Петербурге готовились к празднованию новой победы – после упорной осады, уже третьей в этой войне, капитулировал гарнизон прусской крепости Кольберг, сдавший город-порт отдельному русскому корпусу генерал-поручика П. А. Румянцева. Падение Кольберга не только лишало Фридриха II контроля над Пруссией Померанией, но и давало в распоряжение русской армии мощный тыловой хаб – теперь появлялась возможность морем доставлять подкрепления и военные припасы из русских портов на Балтике куда быстрее и прямо к Заграничной армии, а не тянуть их долгими дорогами через Польшу. Расположение русского корпуса в Кольберге и окрестностях позволяло впервые начать новое наступление в направлении Бранденбурга уже весной, совместно с австрийцами и шведами.

Конец 1761 г. принес Фридриху II и другие потери: австрийский генерал Лаудон, захватив с собой четыре роты русских гренадеров, стремительным ночным штурмом взял крепость Швейдниц, что оставляло за австрийцами на зиму половину Силезии. Имперские войска отрезали прусские войска от Франконии. Фридрих II, силы которого истощались, уже не разрабатывал план кампании на 1762 г. Ожидая неминуемого поражения, он поручил своему министру ждать до середины февраля 1762 г., после чего начинать переговоры с противниками, стремясь сохранить как можно больше территорий для своего племянника-наследника. Последней

надеждой короля было выступление Османской империи против Австрии, которое по всем известиям из Константинополя не смогло бы состояться в ближайшее время.

Но 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) скончалась российская императрица Елизавета Петровна. На престол вззошел ее племянник Петр III, давний поклонник Фридриха II, «государь с истинно немецким сердцем», как назвал его прусский король в личном письме. Петр III всю жизнь любил только свою родину, герцогство Гольштейн-Готторп, и, став российским императором, действовал в его интересах, считая войну против Фридриха II нужной только австрийцам. Петр III решил прекратить войну против Пруссии и начать против Дании с целью возвращения захваченного у Гольштейна Шлезвига. В этом император искал союзника в Пруссии, собираясь ради него толкнуть Османскую империю против австрийцев, отказавшись от антитурецкого союза с Веной. Петр III подписал сепаратный мир с Фридрихом II, вернув ему все занятые русскими территории. После мира был заключен и военный союз Петербурга и Берлина, русский корпус генерал-поручика Захара Чернышева присоединился к прусской армии. Потеря самой грозной силы антипрусской коалиции перевернула ход войны. Фридрих II перешел в наступление и сумел выбить австрийцев из южной Силезии, вернув Швейдниц. В это время в русской столице произошел переворот, Петр III был свергнут и быстро умер при невыясненных обстоятельствах, и на престол вступила его супруга Екатерина II. Европа вновь замерла в ожидании того, куда теперь двинется Россия. Новая императрица, заняв престол под манифест против «поруганной славы» России и мира с ее врагом, в дальнейшем предпочла отстраниться от Семилетней войны, сохранив мир с Пруссией, подтвердив все его условия, но не ратифицировав союз с Фридрихом II.

Без России прошли не только мирные переговоры англичан и французов, решившие Парижским миром 1763 г. судьбу колоний (Франция лишалась своей первой колониальной империи, передав англичанам Канаду и поставив французские владения в Индии под английский контроль), но и переговоры австрийцев и саксонцев с пруссаками в Губертусбурге. По мирному договору 1763 г. Фридрих II отдавал остававшуюся у него половину Саксонии ее курфюрсту, австрийцы возвратили пруссакам единственное занятое ими прусское владение – Глац и признали окончательный переход Силезии под власть Берлина.

III. РОССИЯ И СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ГЛОБАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Мы отдаем себе отчет, что исследовательское внимание к «глобальному» близко к тому, что в глобализированном языке именуется «хайпом», но постараемся показать конструктивную сторону этой моды.

Хотя все или по крайней мере многие из нас читали в детстве Фенимора Купера, мало кто отдавал себе отчет, что события «Последнего из могикиан» не только являются частью одной и той же войны, но и совпадают по времени с походом Апраксина и битвой при Гросс-Егерсдорфе в Восточной Пруссии. Цепь событий связала русского мужика с ружьем, «месившего своими башмаками литовскую грязь» (А. А. Керсновский), с трапперами и краснокожими в мокасынах. Теоретически мы знаем, что мировой пожар занялся за пределами Европы: то ли летом 1754 г. со стычки в долине реки Огайо между отрядом секунд-прапорщика Жюмонвиля и «маиора Васгинтона»²⁰ (Джорджа Вашингтона, на самом деле уже ставшего подполковником), то ли еще раньше с не прекращавшихся после 1751 г. стычек французов и англичан в Карнатике в Южной Индии. Однако непосредственное значение взаимосвязь этих событий имела только для французов и британцев, которые могли сказать устами Уильяма Питта – старшего, что «Америка завоевывалась в Германии», и видеть в Семилетней войне эпизод «второй Сто-

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1754. 6 сент. № 71. См.: Ушаков В. А., Бродская К. М. Первые сведения о Джордже Вашингтоне в России // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 230–237.

летней войны» (1689–1815) между Англией и Францией. Остальные действующие лица играют подчиненную роль (как старые колониальные империи Испания и Португалия) или смотрят на эти события как бы боковым зрением.

К последним относится и Российская империя. В коротком времени Россия была вовлечена только в информационные потоки с заокеанской войны. Но в длинном контексте последствия имели огромное значение и для нас: в прямой связи с этой войной был вскоре последовавший конфликт, который привел к отдельному государственному существованию США; политический и финансовый кризис Франции, вылившийся в Великую французскую революцию; наконец, англосаксонское доминирование в Америке, а затем и во всем мире, определяющее его до сих пор (см. статью Д. Ливена в наст. кн.).

Неевропейского театра военных действий как такового у России не было. В отсутствие океанского флота и мировых претензий континентальная империя вполне довольствовалась ролью «региональной державы», не собиралась обмывать сапоги гренадеров ни в Индийском, ни в Атлантическом океане и специально оговаривала свое ограниченное вмешательство в переговорах о военных союзах. Однако уже в силу геополитического положения глобальный аспект войны не мог не сказаться на Российской империи, которая, по словам М. В. Ломоносова (1748),

Седит и ноги простирает / На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас; / Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет, / Возлегли локтем на Кавкас²¹.

В отличие от «трансатлантической» истории Семилетней войны²², «трансевроазиатский подход», вовлекающий Россию, был заявлен в литературе совсем недавно²³. Между тем Семилетняя война вписана в принципы политики Российской империи, выходящие за рамки и данной конкретной эпохи, и европейского театра военных действий.

В военно-стратегическом отношении эта политика обеспечивалась войнами «малой кровью на чужой территории» XVIII в., которые позволяли империи контролировать сопредельные территории и тем успешно обезопасить собственную. Возвышение Пруссии расценивалось – и, как выяснилось много позже, не без оснований – в качестве угрозы «гласису» своей имперской крепости.

Стратегия практиковалась на всех рубежах империи; войны были по форме (и так и именовались) «походами»: экспедиции, ограниченные обычно летними кампаниями с последующим возвращением войск в пределы империи. Последними перед Семилетней войнами стали Русско-австро-турецкая 1735–1739 гг. и Русско-шведская 1741–1743 гг.; подобными же экспедициями было «точечное вмешательство» вспомогательных русских корпусов в двух Рейнских походах 1735 и 1748 гг. С этим опытом Российская императорская армия вступила и в Семилетнюю войну.

Стратегия была оправдана, пока боевые действия велись в «буферной зоне» между империями – в Финляндии, Прибалтике, украинских и крымских степях, на Кавказе, куда экспедировались и войска противника (Швеции, Турции, Персии). Но война непосредственно на вражеской территории, в Пруссии, при большей массе задействованных войск оказалась иной. Она выявила слабости логистики, трудности снабжения войск и неумение организовать его в завоеванных областях (особенно ярко проявившееся в первой кампании 1757 г.), а также проблемы координации военных усилий с союзниками, которых требовала эта война. Тактика «набегов» не создавала достаточного давления на противника, который находился на своей земле.

²¹ Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М. В. ПСС. Т. VIII. М.; Л., 1959. С. 222.

²² См.: Schumann M., Schweizer K. W. (Eds) *The Seven Years' War: A Transatlantic History*. London; New York, 2010. Авторы, впрочем, считают частью этой истории и Российскую империю.

²³ Danley M., Speelman P. (Eds) *The Seven Years' War: Global Views*. Leiden, 2012. P. XXXVIII.

Другой прямо заявленной Россией, но мало принимаемой в расчет исследователями целью войны, выходящей за пределы Европы, был контроль и расширение торговых путей. Идеал елизаветинского меркантилизма – превращение России в транзитную страну для контактов как Севера с Югом, так и Запада с Востоком. Поощрение торговли надо рассматривать в общей системе мер до войны и во время нее, направленных на повышение финансовой стабильности государства для обеспечения прежде всего дорогостоящих военных действий²⁴. Ослабление Пруссии, размен ее земель с Польшей и предполагавшееся, очевидно, при этом соглашение с Портой должны были в идеале, как упоминалось выше, соединением «коммерции Балтийского моря с Черным» фактически возродить путь «из варяг в греки» и тем самым привести под контроль России всю «левантскую», то есть средиземноморскую, коммерцию в этой части Европы. Более реалистичными выглядели цели, оформившиеся уже в ходе войны с занятием российской армией Восточной Пруссии, которые, как утверждал английский посланник в Петербурге, включали «явное намерение России контролировать навигацию в Балтике, а затем подчинить себе всю торговлю севера [Европы]»²⁵. Помимо традиционных для первой половины XVIII в. товаров русского экспорта речь шла и о все возраставшем вывозе на внешние рынки зерна, который вскоре должен был получить для России стратегическое значение.

Что касается коридора с Запада на Восток, то до открытия Суэцкого канала было еще более ста лет, и Россия середины XVIII в. в гораздо большей степени играла роль транзитной страны в торговле между Западной Европой и Азией, чем позднее и теперь. Динамика процессов была напрямую связана со становлением мировой торговли и колониальной политики. Это особенно касалось торговли (шелком) с Персией, в которой были заинтересованы англичане²⁶, караванной торговли со Средней Азией через Астрахань и Оренбург с перспективой распространения коммерции «во всей полуденной Азии до самой Индии»²⁷, которая Великобританией, наоборот, вряд ли приветствовалась. В меньшей степени глобальную роль играла русская торговля с Китаем, на которой сказывались государственное вмешательство (государственные караваны и монополии на торговлю «мягкой рухлядью», т. е. мехами, и ревенем), а также конкуренция морского пути.

Роль России в системе глобальной торговли иллюстрируют статьи Ф. Герман и П. Демченко в наст. кн. Речь прежде всего идет об отношениях России с англичанами, которые к Семилетней войне аккумулировали в своих руках более половины русской внешней торговли²⁸. В результате в Африке оказывались гвозди из русского железа, русский поташ шел на порох, который королевский флот использовал для потопления союзных России французских кораблей²⁹. Да и в целом «сохранение и расширение английского флота» – решающего средства завоевания глобального господства – «покоилось в значительной мере на одних лишь русских произведениях»³⁰, подразумевая корабельный лес, пеньку, парусину, железо. Насколько критична была эта зависимость, очевидно из нежелания британцев вопреки всем мольбам Фридриха II посылать эскадру на Балтику, так как в этом случае Петербург грозил разорвать дипломатические и торговые отношения³¹.

²⁴ Ср.: Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; London, 1985. P. 54–55, 238, 323.

²⁵ Memoirs and Correspondence <...> of Sire Robert Murray Keith <...>. Vol. 1. London, 1849. P. 40.

²⁶ Об их попытках организовать самостоятельную торговлю с Персией и Средней Азией через Каспий и Волго-Балтийский путь накануне Семилетней войны см.: Hanway J. An Historical Account of the British Trade Over the Caspian Sea <...>. London, 1753.

²⁷ Рычков П. И. Топография или описание Оренбургской губернии. Ч. II. СПб., 1762. С. 7.

²⁸ Кулишер И. М. История русской торговли. Петербург, 1923. С. 190.

²⁹ Cressy D. Saltpeter: The Mother of Gunpowder. Oxford, 2013. P. 147.

³⁰ Кулишер. С. 191.

³¹ Schumann, Schweizer. P. 159–161.

В целом время Семилетней войны открывает собой «первую эпоху глобального империализма»³², которая выходит за рамки двустороннего дележа мира на океанах и в которой Россия активно участвует, сдвигая свои границы на юге и востоке. Втягиваясь в европейскую войну, Россия должна была не упускать из виду баланса сил по всему своему юго-восточному периметру – от Украины до казахских степей и Сибири – с Османской империей, Персией и Китаем, где непосредственно до того шли боевые действия или нарастала напряженность. Огромная протяженность сухопутных границ с могущественными и на тот момент еще вполне конкурентоспособными при столкновении с европейской армией державами – Османской и Цинской империями – не могла не влиять на планирование и организацию участия России в Семилетней войне.

Множественность фронтов всегда была существенной угрозой армии и стране, принужденных к ним; в Семилетней войне на этом строилась и стратегия коалиции против Пруссии, и стратегия Британии в борьбе с Францией. Неудивительно, что ту же тактику пытались применить и в отношении России. Притом что, в отличие от Пруссии, преимущество внутренних линий коммуникации в России нивелировалось огромными расстояниями и скудной логистикой, вдохновленные военные импровизации в стиле Фридриха II тут не проходили. Требовались долгосрочное планирование и подготовка: не случайно передислоцирование полков из южной и восточной частей страны на запад развернулось еще с начала 1750-х гг.

Если на Кавказе со смертью в 1747 г. воинственного Надир-шаха ситуация несколько разрядилась, то османы после Русско-австро-турецкой войны 1735–1739 гг. оставались грозным противником. Не имея по условиям Белградского договора 1739 г. флота на Черном море и достаточной защиты крепостей, Россия в течение Семилетней войны жила в постоянном напряжении по поводу возможности открытия Османской империей и Крымским ханством «второго фронта»: «Мы принуждены <...> брать в уважение <...> сколь многократно находилась империя наша в крайней опасности, когда б Оттоманская Порта вознамерилась нам войну объявить, и мы неотменно принуждены были б столько ж против нее обороняться, сколько опасаться с прусской стороны»³³.

И эти опасения были отнюдь не беспочвенными. Фридрих II через своих эмиссаров (самым известным из них был Готфрид Фабиан Гауде alias Карл Адольф фон Рексин) и при посредничестве английского посланника делал все возможное, чтобы подбить султана выступить против своих недавних противников. Отдельные усилия Пруссия предпринимала для вовлечения в войну Крымского ханства, которое само инициировало контакты с Фридрихом³⁴. После смены правящего султана на воинственного Мустафу III Константинополь колебался; победы Фридриха были самым весомым аргументом для союза с ним: по свидетельству Рексина, после Росбаха и Лейтена на улицах и в кофейнях османской столицы кричали: «Бранденбург! Бранденбург!»³⁵

Вопреки Клаузевицу, в данном случае скорее дипломатия представлялась продолжением войны, а не наоборот. Курс акций воюющих государств при Высокой Порте рос и падал в зависимости от исхода батальей. Российский резидент в Константинополе А. М. Обресков писал в Петербург: «Ежели между тем временем оружие вашего императорского величества и высоких ваших союзников над помянутым прусским королем никакого знатного аванжа не одержат,

³² Bayly C. A. The First Age of Global Imperialism, c. 1760–1830 // The Journal of imperial and Commonwealth history. Vol. 26 (1998). P. 28–47.

³³ Рескрипт Конференции П. С. Салтыкову от 31.03.1760 (*Коробков Н. М.* (ред.) Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. М., 1948. С. 557).

³⁴ См.: *Мундт Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого: пролог столкновений между Россией и Турцией // ИТУАК. 1909. № 43. С. 1–88; *Анисимов* 2014. С. 340–375.

³⁵ *Aksan V. H.* An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 65; *Kühnel E.* Erinnerungen an eine Episode in der Türkenpolitik Friedrichs des Großen // Oriens. Bd. 5. № 1. 1952. S. 70–81. Под Бранденбургом подразумевается Пруссия.

не можно надежно уповать в желаемом предупредить»³⁶. Именно подоспевшие поражения пруссаков, и прежде всего разгром при Кунерсдорфе, охладили военный пыл в Константинополе и подтвердили, что победоносная армия – лучший аргумент империи. Осенью 1759 г. чрезвычайный посол из Санкт-Петербурга кн. Г. И. Шаховской получил на аудиенции от султана заверение «о содержании вечного мира: ежели с нашей (российской. – Д. С.) стороны чего не будет, то и он содержать будет»³⁷.

В то же время отток наиболее боеспособных частей Российской императорской армии к западной границе и за нее вызывал структурные проблемы безопасности, резко снижая возможности правительства во «внутренней войне» (С. М. Соловьев) с разбоями и волнениями (см. статью Д. А. Сдвижкова в наст. кн.) и по всему периметру границ, ограничивая пространство для маневра военным и дипломатам вне европейского театра военных действий. Резиденту в Константинополе фактически приходилось блефовать, утверждая, что Россия отправляла на войну лишь четверть своей армии³⁸; успешным такой блеф мог быть лишь при явном отсутствии у турок разведывательных данных. В действительности еще до войны даже гарнизонные полки были обескровлены ради формирования нового Обсервационного корпуса и командировками по внутренним надобностям вместо полевых полков, существенно страдала от падежа кавалерия, истощались финансы. С враждебным Крымом и турецкими крепостями по Черноморскому побережью империя оставалась на этом направлении чрезвычайно уязвимой. Выставить в таких условиях на юге отдельную полноценную армию, как это было, например, перед наполеоновским нашествием, Россия вряд ли бы смогла.

В итоге Мустафа III ограничился заключением весной 1761 г. договора об установлении дипломатических и торговых отношений с Пруссией, не вступая с ней в военный союз. Тем не менее даже такое сближение вызывало в России серьезные опасения. Насколько они были распространены, можно видеть по частному известию в письме июня 1761 г. из действующей армии вице-полковника Лейб-кирасирского полка Я. И. Толстого о дошедших до него панических отголосках большой политики: «Сей час палучил я печальную ведомость, дай Боже, чтоб неправда была: прусак подбил турка; из области цесарской пришло двести тысяч. Ежели то правда куда от такой напасти спасти себя...»³⁹

Несмотря на фантастичность слухов, цифры случайным образом близки к реальным планам Фридриха. Загнанный в угол к концу 1761 г., он был готов поставить все на турецкую карту как свой последний козырь: согласно прусским пожеланиям января 1762 г., 30 000 крымцев и 80 000 турок должны были весной вторгнуться на Украину, в то время как 120 000 главной турецкой армии предназначались для похода на Венгрию для соединения с пруссаками в районе Пресбурга (Братиславы). А если, писал король, «турки не поддержат меня немедленно весной, я буду уничтожен»⁴⁰. Лишь последовавшая смерть Елизаветы Петровны и резкий разворот России к союзу с Пруссией перечеркнули эти планы. Уже готовых выступить против России крымцев пруссаки подбивали идти в Венгрию, но Константинополь, от которого зависел Крым, колебался. А со следующим переворотом в Петербурге и восшествием на престол Екатерины II прекратилась и начавшаяся было подготовка Османской империи к борьбе с «немцами» (как турки называли австрийцев).

Помимо этой угрозы, Российскую империю постоянно держала в напряжении и опасность возникновения «третьего фронта» на востоке – в той самой степи, которая «Хину отде-

³⁶ Цит. по: Анисимов 2014. С. 360.

³⁷ Журнал путешествия <...> кн. Г. И. Шаховского из Москвы в Константинополь (ОР РНБ. Ф. IV.4–5. Ч. II. Л. 15, запись от 16.11.1759).

³⁸ Анисимов 2014. С. 362, 365.

³⁹ Я. И. Толстой – Е. А. Толстой. Б. м. 03.06.1761 (Письма Якова Ивановича Толстого и Екатерины Алексеевны Толстой, 1739–1763 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1393. Л. 210).

⁴⁰ Фридрих II – А. фон Рексину, Бреслау. 27.12.1761 // РС. Bd. 21. № 13365. S. 146.

ляет». Разведывательно-аналитические документы Пруссии свидетельствуют и в этом случае об интересе к горячему материалу на восточных рубежах России: случившееся накануне Семилетней войны (1755–1756) башкирское восстание Батырши привлекло пристальное внимание главного тогдашнего «кремленолога» Берлина, известного автора мемуаров о России Кристофа Германа Манштейна, собиравшего информацию о пограничных степных народах у бывшего российского генерал-аншефа Джеймса (Якова) Кейта⁴¹. Однако ровно к началу войны летом 1756 г. волнения, в подавлении которых было задействовано более 30 тысяч человек пехотных, драгунских полков и иррегулярных сил, удалось замирить: прежде всего потому, что общего восстания степных народов против России не вышло, а выступления башкир переросли в их конфликт с «киргиз-кайсаками» (казахами)⁴².

Между тем далее на восток освоение Россией Сибири и постепенное проникновение в казахские степи столкнулись в эту эпоху с одновременной экспансией с противоположного направления в 1720–1760-х гг. мощной империи Цин. Нарастание напряженности достигло своего пика в эпоху третьей Ойрато-маньчжурской войны, почти совпавшей (1755–1759) с Семилетней (см. статью Д. Ливена в наст. кн.). Ослабление присутствия России из-за сосредоточения с начала 1750-х гг. полков на западе было при этом если не первостепенным, то, во всяком случае, одним из факторов, облегчившим активизацию циньского Китая и падение в ходе этой войны Джунгарского ханства (1758) с последовавшим массовым истреблением местного населения и созданием китайского Туркестана. Синыцзян (буквально – «Новая граница») поглотил большую часть бывшего Джунгарского ханства, что определило судьбы региона вплоть до настоящего времени.

Цинские войска стояли вдоль границы с Россией по Иртышу, а преследуя беженцев, не раз и нарушали ее; по поводу выдачи беженцев в Пекине даже прямо угрожали России войной. Русские власти осознавали, что при исчезновении буфера между двумя империями и утверждении в казахских степях Китая русские приграничные территории «подвержены будут всекрайней опасности»⁴³. Но на более активную политику и тем более вмешательство в полыхающую рядом войну не было ни военных сил, ни политической воли. При этом продолжающиеся конфликты из-за джунгарских событий продолжали отвлекать русские военные ресурсы, столь необходимые на западе: в апреле 1758 г., например, Конференция при Высочайшем дворе решает для защиты от нападений китайцев послать на сибирские линии 1000 яицких и оренбургских казаков, а также драгунский полк из Уфы⁴⁴. Одновременно с этим в Сибирь был направлен генерал-майор И. И. Веймарн, главный квартирмейстер в апраксинском походе 1757 г., попавший в немилость из-за его провала. Командование над войсками в Сибири он получил «по происшедшему с Китайским двором по зенгорским (джунгарским. – Д. С.) делам несогласию и опасению к нападению китайцев на сибирские границы»⁴⁵. В целом в условиях изнурительной войны на западе все эти меры были недостаточны и бессистемны, численность регулярных и иррегулярных войск с российской стороны уступала цинским и не отвечала изменившимся стратегическим задачам. Организация защиты границ империи на Урале и в Сибири падает уже на екатерининское время, когда было решено «всегда иметь вблизи границ

⁴¹ GStAPK, I. HA Rep. 96 N 608 J (фонд «Военные обращения в России»). Bl. 53–55.

⁴² См.: Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016. С. 347–367.

⁴³ Сообщение сибирского губернатора В. А. Мятлева в СПб., июнь 1756 г., см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983. С. 296, 301. В общем: Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA; London, 2010.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 4 (1). Л. 21. Ср. статью Д. Ливена в наст. кн.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 888. Л. 2, 2 об., цит. по: Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.). Дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 2018. С. 100, 103.

столько войска, чтобы китайцы не могли ни на что покушаться»⁴⁶. Причем составить новые полки там должны были переселенные после войны из Польши русские выходцы; командовать ими в Сибири поехали многие из «деобилизованных» после «Прусской войны» офицеров, а руководить вновь образованным Сибирским корпусом направлен еще один участник Семилетней войны, генерал-поручик И. И. Шпрингер⁴⁷.

IV. ИТОГИ

Парижский и Губертусбургский мир де-факто сформировали новый европейский порядок. Британия становилась самой мощной колониальной державой и «владычицей морей», Франция потеряла роль европейского гегемона, Австрия и Пруссия сохраняли равновесие в делах нынешней Центральной Европы. Россия своими военными успехами обеспечила себе статус европейской великой державы, способной решать не только приграничные дела, и сохранила этот статус до самого конца Российской империи.

При всем, можно сказать, эпохальном значении Семилетней войны для России, в коллективной памяти она практически не представлена, за исключением участников самих походов и сражений – солдат Заграничной армии и казаков, сложивших о войне свои песни, и некоторых офицеров, в мемуарах для потомков. Для остальной России это была далекая война, проходившая за сотни километров от российских границ, с непонятными целями и отсутствующими материальными результатами. По этим же причинам Семилетняя война надолго была забыта и в историческом сознании России, хотя военные историки и отмечали ее роль в становлении армии, которая под предводительством Суворова побеждала затем французские войска в Италии и Швейцарии. Сам будущий генералиссимус русской армии сделал первые шаги в качестве боевого офицера именно в Семилетней войне. Фельдмаршалами в последующие царствования стали и другие генералы и офицеры Заграничной армии 1757–1762 гг.: П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев, А. М. Голицын, И. П. Салтыков, И. К. Эльмпт, В. П. Мусин-Пушкин, М. Ф. Каменский, А. А. Прозоровский. Последний в начале своих автобиографических «Записок» писал о Семилетней войне: «Сия война была для меня первым училищем, в котором я положил основание воинского искусства»⁴⁸. В Семилетней войне российские солдаты осознали собственную силу, которую так и не смогла сломить лучшая армия тогдашней Европы. По словам английского военного историка К. Даффи, «принимая во внимание достоинства врага и масштаб битвы, сражение при Кунерсдорфе является величайшим русским ратным подвигом XVIII в.»⁴⁹. Дж. Блэк считал, что русский «военный успех против Пруссии был внушительным, более престижным, чем победы против Польши, Швеции и Турции. Это было отражением экономического, административного и дипломатического развития страны. Военный успех стал и результатом этих процессов, и фактором, который более всего довел их до сознания Западной Европы <...>. К концу войны (Семилетней. – М. А.) российская армия была самой сильной в Европе»⁵⁰. Слабым местом российской армии осталось лишь отсутствие умелого и решительного командующего, что было исправлено уже в начале следующей войны России – Русско-турецкой 1768–1774 гг., когда армию возглавил самый перспективный из молодых генералов Семилетней войны, П. А. Румянцев.

⁴⁶ Трубевиц Х. Посольские и торговые отношения с Китаем (до XIX века). М., 1882. С. 58; ПСЗ-I. № 11979 (29.11.1763).

⁴⁷ Дмитриев. С. 116 et passim (выведенные за штат и в гарнизоны бывшие участники Семилетней войны предпочитали вновь получить офицерскую должность в полевых полках и жалованье, пусть и в Сибири).

⁴⁸ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 41.

⁴⁹ Duffy C. Russia's Military Way to the West: Origin and Nature of Russian Military Power 1700–1800. London, 1981. P. 111.

⁵⁰ Black J. Eighteenth-Century Europe 1700–1789. London, 1990. P. 311–312.

Семилетняя война имела и другие долгосрочные последствия. Сохранившая статус великой державы Пруссия со столицей в Берлине в итоге объединит под своей властью всю Германию, русские и немецкие войска сойдутся на полях сражений в Первую и Вторую мировые войны. И только после Второй мировой войны военное могущество Берлина будет сломлено, Восточная Пруссия передана СССР (России) и Польше, как и планировалось Елизаветой Петровной почти двумя веками ранее. Западногерманский историк Й. Куниш считал вступление советских войск в Берлин в 1945 г. «драматической кульминацией» политики сокращения могущества прусского милитаризованного государства как лейтмотива европейской политики: «чудо Бранденбургского дома», хотя и на две сотни лет, лишь отсрочило этот финал⁵¹. Его соотечественник В. Баумгарт тоже отмечал удивительную схожесть русских планов 1756 г. и советских устремлений конца Второй мировой войны⁵².

По мнению Д. Ливена, «Семилетняя война, по сути, стала важным этапом на пути к созданию существующего и по сей день глобального либерального порядка с доминированием англоязычных стран. Первая и Вторая мировые войны, так же как и холодная война, представляли собой неудачные попытки разрушить этот порядок. Иными словами, мы до сих пор ощущаем на себе последствия войны 1756–1763 гг.»⁵³ – войны, которой и посвящена наша книга.

⁵¹ *Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettpolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München; Wein, 1978. S. 23.

⁵² *Baumgart W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges: Zum gegenwärtigen Forschungsstand // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Bd. 11. 1972. S. 159.

⁵³ *Ливен Д.* Россия и европейские великие державы: Семилетняя война в глобальном контексте // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 17.

Доминик Ливен **СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА: КРАТКИЙ ОБЗОР**

Задача данной статьи – рассмотреть Семилетнюю войну в максимально широком контексте, включая изучение отдельных держав, европейской международной политики и глобальных последствий войны. Статья начинается с рассмотрения военных целей государств и того, почему они их достигли или не достигли. Затем я комментирую среднесрочные и долгосрочные результаты войны с точки зрения отдельных великих держав, европейской системы международных отношений и связей между европейской и мировой историей. Главное внимание в статье уделено «долгому XVIII веку» (1688–1815), однако некоторые темы и сравнения оставались актуальными и в XX в., а в некоторых случаях – до сегодняшнего дня. Это относится и к двум наиболее значительным последствиям войны. Первым стало выживание Пруссии как великой державы и будущего ядра объединенной Германии с преобладанием протестантов. Вторым – англоязычное, а не франкоязычное доминирование в Северной Америке и Индии. Огромное долгосрочное значение этих двух последствий является главной причиной того, что важная роль в войне других стран, и особенно России, нередко преуменьшалась. Сложно не видеть устойчивую, хотя и не всеобщую, тенденцию в западной историографии принижать роль России в европейских международных отношениях, которая заметна даже в контексте 1813–1814 гг., когда Россия играла ведущую роль в континентальной коалиции, свергнувшей Наполеона. Неудивительно, что следы той же предвзятости можно обнаружить и относительно Семилетней войны, в которой роль России была очень важной, но не столь выдающейся⁵⁴.

Пруссия – единственная великая держава, для которой Семилетняя война стала буквально борьбой за существование. До 1740-х гг. Пруссия была одним из многих немецких государств второго ранга. Численность ее населения едва превышала население Саксонии, а экономика оставалась аграрной и отсталой. В отличие от прусского монарха, курфюрсты Саксонии и Ганновера обладали дополнительным статусом соответственно королей Польши и Великобритании. Однако присоединение Силезии, богатейшей провинции Габсбургов, во время Войны за австрийское наследство дало Пруссии возможность претендовать на статус великой державы. В демографическом, экономическом и стратегическом плане Силезия стала самым важным владением Гогенцоллернов. Тем не менее даже с учетом Силезии Пруссия оставалась намного слабее в экономическом и демографическом плане, чем Франция, Великобритания, Австрия и Россия. Более того, прусское господство в Силезии было под угрозой после того, как императрица из династии Габсбургов Мария Терезия сделала возвращение провинции приоритетом своей дипломатической и военной политики. Пользуясь просчетами Фридриха и мастерством Венцеля Кауница, ее министра иностранных дел, в 1756 г. Мария Терезия создала коалицию, в которую вошли Франция, Россия, а затем к ней примкнула Швеция. По численности населения союзники превосходили Пруссию в десять раз, имея возможность выставить на поле боя в три-четыре раза больше солдат. В случае победы Австрия надеялась получить Силезию, а Россия – право аннексировать Восточную Пруссию, которую она намеревалась передать Польше

⁵⁴ Охватить весь объем исследований в одной сноске невозможно, поэтому я ограничусь ссылками на небольшое количество работ на иностранных языках, которые могут быть неизвестны и интересны русскому читателю. Общий обзор Семилетней войны см. в: Szabo F. *The Seven Years' War in Europe 1756–1763*. London, 2008; Schumann M., Schweizer K. *The Seven Years' War. A Transatlantic History*. Oxford, 2008. Для более широкого представления о военном искусстве, военно-фискальном государстве и политике великих держав: Child J. *Armies and Warfare in Europe, 1648–1789*. Manchester, 1982; Duffy C. *The Military Experience in the Age of Reason*. London, 1987; Harding R. *Seapower and Naval Warfare 1650–1830*. London, 2002; Scott H. M. *The Birth of a Great Power System*. Harlow, 2006; Storrs C. (Ed.) *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe*. Bodmin, 2009; Blanning T. *The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789*. Oxford, 2002 – последняя великолепно сочетает войну, внутреннюю и внешнюю политику с общеевропейскими тенденциями культуры.

в обмен на герцогство Курляндское. Шансы были явно не в пользу Пруссии, и при поражении статус и власть Гогенцоллернов упали бы даже ниже Вельфов или Веттинов⁵⁵.

Чудесное спасение Пруссии было отчасти обусловлено структурными факторами. Находясь между Францией, Австрией и Россией, Фридрих II пользовался преимуществами внутренних операционных линий. География и расстояние затрудняли координацию действий его противников; мешали и другие трения, присущие коалиционным войнам. Французские, габсбургские и российские военачальники, в большинстве своем гордые аристократы, нередко считали совместные действия унижительными для своего достоинства. Их военные системы до определенной степени испытывали влияние разных традиций, культур, преимуществ и недостатков. Кроме того, в отличие от 1813–1814 гг., коалицию не объединял страх перед огромной потенциальной мощностью противника. Пруссия Фридриха, в отличие от империи Наполеона, не имела шансов стать гегемоном Европы. Для Франции главным врагом были англичане, а не Пруссия. Даже австро-русский альянс страдал от соперничества геополитических амбиций и стратегических приоритетов. Авторитет же Фридриха как монарха и главнокомандующего был исключительно высоким. Его решения принимались и исполнялись немедленно; никто из неприятельских военачальников не имел такого веса; зачастую у российских, французских и габсбургских армейских командиров были связаны руки борьбой партий при дворе и в армии.

Большое значение имели и личные качества. Хотя Фридрих II в Семилетней войне проиграл почти столько же сражений, сколько выиграл, все же он несомненно был лучшим полководцем, чем любой из австрийских, российских или французских военачальников. Его быстрота, решительность и тактические таланты позволяли ему выигрывать ключевые сражения против зачастую имевших численное преимущество неприятельских армий. Его «косые атаки» на фланги и тылы часто приводили противника в замешательство, особенно в первые годы войны. При этом нельзя не упомянуть тот факт, что в 1756 г. прусская армия была лучшей в Европе, с хорошо обученными полками, которые маневрировали на поле боя быстрее, гибче и слаженнее, чем их противники. Скорость и мощь залпов прусской пехоты были непревзойденными. Огневая мощь и умение застать противника врасплох, как правило, решают исход сражений – прусская армия начала войну с преимуществом в обоих отношениях. Это сыграло значительную роль в 1757 г., когда поражение Фридриха, казалось, было неизбежным. Однако австрийские и российские войска, с которыми сталкивался Фридрих, также были хорошо обученной и грозной силой. По мере продолжения войны, когда потери пруссаков росли, а противники приспособились к прусской тактике, Пруссия потеряла свое изначальное тактическое преимущество.

Пожалуй, главным потрясающим достижением пруссаков было то, что они выжили в войне, которая превратилась в многолетнюю борьбу на истощение. Не стоит забывать о факторе удачи, всегда важном и в политике, и в еще большей степени среди неопределенности войны. Зимой 1761–1762 гг. измотанная Пруссия была на грани катастрофы. Фридриха спасла от нее лишь смерть императрицы Елизаветы Петровны. Примерно треть общих расходов Пруссии на войну обеспечила безжалостная эксплуатация Саксонии; еще примерно двадцать процентов, вероятно, дали британские субсидии. И все-таки нагрузка на страну была огромной: жертвами войны стала примерно десятая часть населения. Войны XVIII в. раньше было модно называть «королевской забавой» и противопоставлять «тотальной войне», порожденной Французской революцией и подхваченной Наполеоном. Но ни один житель Пруссии или Саксонии времен Семилетней войны не согласился бы с таким мнением. По-настоящему героическое сопротивление Фридриха и его армии создало многие из мифов основания прусской монархии

⁵⁵ Для ознакомления с историей Пруссии см.: *Clark C. Iron Kingdom. The Rise and Downfall of Prussia 1600–1947. London, 2006*, особенно гл. 6–7. Более детальный анализ личности Фридриха II, его армии и Пруссии в Семилетней войне см.: *Showalter D. E. The Wars of Frederick the Great. Harlow, 1996*. Отдельно о Фридрихе II: *Blanning T. C. W. Frederick the Great. London, 2015* и *Showalter D. Frederick the Great. A Military History. Barnsley, 2012*.

и особенно укрепило союз между Гогенцоллернами и землевладельческим дворянством. Более половины офицеров в армии Фридриха периода войны, в основном дворяне, были убиты или ранены. Яркая память об общих жертвах, героизме и победе стала основной составляющей союза династии с дворянством, но оказала влияние и далеко за пределами высшего класса. Протестантская идентичность также сыграла свою роль: война велась против католических Франции и Австрии, а также православной России. В 1807–1815 гг. вожди Пруссии могли опереться для мобилизации своего общества в борьбе с могущественной империей Наполеона на развитую патриотическую традицию.

То, что Пруссия выстояла, стало для императрицы Марии Терезии большим потрясением и разочарованием. Ее генералы не смогли воспользоваться преимуществами, предоставленными в их распоряжение искусной габсбургской дипломатией. И это несмотря на обширные военные, налоговые и административные реформы за десятилетие, предшествовавшее войне: армия Габсбургов в 1756 г. почти во всех отношениях намного превосходила силы, унаследованные Марией Терезией, когда она взошла на трон в 1740 г. В ряде случаев в 1756–1761 гг. габсбургские генералы побеждали Фридриха на поле боя, не имея преимуществ в численности. Однако основная проблема заключалась в том, что победа на поле боя никогда не использовалась в полной мере. Отчасти это связано с характером сухопутной войны XVIII в. в Европе. Сезоны кампаний были, как правило, довольно короткими, а обученные солдаты – слишком ценным товаром, чтобы рисковать ими в зимних операциях. Передвижение замедляли длинные обозы, необходимые для питания и снабжения армий. Большую часть войны армии Габсбургов действовали на своей или союзной (саксонской) территории либо в Силезии, которую они надеялись вернуть. Безжалостно грабить земли и население в прусском стиле они не могли. К тому же много времени и энергии было посвящено осаде крепостей, которые позволяли наступающей армии иметь надежные войсковые базы и продовольственные магазины на враждебной территории⁵⁶.

Прежде всего, Габсбургская армия действовала осторожно и была привержена оборонительной тактике, что оставалось ее отличительной чертой вплоть до 1918 г. В определенной степени австрийские командиры испытывали страх перед Фридрихом после его выдающихся побед 1740-х гг. Но проблема заключалась в том, что стратегические цели Австрии были наступательными: они требовали вторжения и завоевания вражеской территории. Этот стратегический императив сводился на нет осторожностью и оборонительными соображениями австрийской оперативной и тактической линии. Глядя на военную культуру Австрии с 1740-х гг. до 1918 г., справедливо будет отметить, что осторожность была оправдана наличием потенциальных врагов со всех сторон империи, совокупные ресурсы которых значительно превосходили ее собственные. Однако в Семилетней войне такая проблема не стояла. Союз с Францией означал, что впервые в истории Габсбургам не нужно было заботиться о защите своих владений в Нидерландах и Италии. Нейтралитет Османской империи подразумевал отсутствие угрозы на юге.

То, что Пруссия выстояла, было при этих условиях тем большим разочарованием. Дополнительным тревожным признаком финансовой и административной слабости империи стала угроза банкротства, которая в конце 1760 г. заставила Марию Терезию сократить военные расходы. До конца своего правления Мария Терезия выступала против любых войн. Ее сын, Иосиф II, и первый министр, князь Кауниц, правили более агрессивно, но эта агрессия редко оправдывала себя. Когда в 1780-х гг. Иосиф начал радикальную программу внутренних реформ,

⁵⁶ В качестве краткого введения в историю Австрии этой эпохи: *Ingrao C. The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge, 1994.* О военной мощи Австрии: *Wess Mitchell A. The Grand Strategy of the Habsburg Empire. Princeton, NJ, 2018* и *Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence 1683–1797. Harlow, 2003.* Об армии: *Duffy C. The Austrian Army in the Seven Years' War, 2 vols. Rosemount, IL, 2010.* О Марии Терезии: *Stollberg-Riling B. Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. München, 2017.*

она провалилась отчасти потому, что его амбициозная внешняя политика втянула Австрию во внешние кризисы и войны.

Решение императрицы Елизаветы о вовлечении в Семилетнюю войну России было вызвано прежде всего опасениями, что Пруссия сменит Швецию в качестве главного соперника России на восточном побережье Балтийского моря. Более того, существовала угроза союза Пруссии и Швеции ради попытки лишить Россию прибалтийских территорий, завоеванных Петром Великим. Опасения подкреплялись родством монархов – Фридрих II был шурином шведского короля. Антипрусская позиция не пользовалась безоговорочной поддержкой российских элит: существенная часть их выступала за союз с Пруссией, эта партия объединилась вокруг наследника престола, великого князя Петра Федоровича. Преследуемую им политическую линию принято связывать с его личными симпатиями к Фридриху II и собственными узкодинастическими интересами в роли герцога Голштинского. Однако пропрусская партия основывалась не только на этом. Вполне справедливо утверждать, что союз с Фридрихом был лучшим способом предотвратить любую возможность шведско-прусской угрозы и обеспечить безопасность балтийских владений России без огромных затрат на войну. Именно эта политика, известная как «северная система», и стала доминировать в первое десятилетие правления Екатерины II⁵⁷.

Фундаментальные разногласия во внешней политике на высшем государственном уровне существенно мешали военным усилиям России в 1756–1762 гг. Военачальники в действующей армии нервно оглядывались через плечо на перемены в политике двора. После случившегося с Елизаветой Петровной в сентябре 1757 г. удара ее здоровье так и не восстановилось, и полководцы старались не оказаться в опале у ее преемника. Смерть императрицы в январе 1762 г. привела к резкому развороту российской политики и союзу с Пруссией. Ощущение того, что интересы России были преданы в обмен на мелкие голштинские династические амбиции, повлекло за собой свержение и убийство Петра III после пяти месяцев пребывания на троне. Его преемница Екатерина II разорвала союз с Пруссией, но не стала снова вступать в войну на стороне Австрии. Таким образом, по крайней мере на поверхности представляется, что политические разногласия в верхах лишили Россию плодов ее жертв и побед.

Второй ключевой слабостью России в Семилетней войне, помимо политики, была логистика. К 1758 г. российские войска действовали в Померании и Бранденбурге, далеко от границ своей империи, вследствие чего их линии снабжения стали бесконечно длинными. Интересно провести сравнение с ситуацией 1813–1814 гг., когда в том же регионе оперировали гораздо более многочисленные российские силы. В оба периода перед российским командованием стояла задача снабжения армии в регионе, который был намного беднее Силезии, Саксонии или Вестфалии, где на протяжении большей части Семилетней войны вели свои кампании австрийцы и французы. В 1813–1814 гг. Польша была завоеванной территорией, которую можно было эксплуатировать в плане снабжения, а Пруссия выступала в роли союзника, и ее власти эффективно сотрудничали с российскими снабженцами в обеспечении довольствия армии, в которой пруссаки видели освободительницу. Тогда как в 1756–1762 гг. Польша была нейтральной, а Пруссия – вражеской. Кроме того, хотя русские занимали с 1758 по 1762 г. Восточную Пруссию, режим оккупации был гораздо менее жестким, чем у Фридриха II в Саксонии. Отчасти это объяснялось стремлением российских командиров показать, что они – вопреки распространенному за рубежом мнению – цивилизованные европейцы. Кроме того,

⁵⁷ Участие России в Семилетней войне все еще чрезвычайно слабо освещено в западной литературе. В английской эта тема наиболее адекватно изложена в гл. 4–6 *Duffy C. Russia's Military Way to the West. London, 1982.* Для более подробного исследования глобальной стратегии и военной мощи России см.: *Fuller W. C. Strategy and Power in Russia 1600–1914. New York, 1992.* Лучшее из имеющихся иностранных исследований по русской внешней политике фридрицианской эпохи: *Mediger W. Moskaus Weg nach Europe. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Berlin, 1952.* Отличное более широкое исследование — *Scott H. M. The Emergence of the Eastern Power, 1756–1775. Cambridge, 2001.*

поскольку русские намеревались аннексировать Восточную Пруссию (хотя бы только для того, чтобы обменять ее на Курляндию), это, вероятно, повлияло на их стремление успокоить провинциальное дворянство, сохранить местную экономику и население. Так или иначе, проблемы со снабжением привели к тому, что в конце каждой кампании русская армия отступала на зимние квартиры далеко на восток. Это сокращало сезон кампаний, уменьшая давление на Фридриха и умножая уже существующие трудности координации с австрийцами.

Политика и логистика были гораздо большими препятствиями для военных действий России, чем недостатки собственно в армии. Однако имели место и последние. В отличие от 1813–1814 гг., самым слабым родом войск русской армии в Семилетней войне была кавалерия. В этом смысле война началась в неудачный момент, поскольку большая часть регулярной кавалерии была направлена в 1755–1756 гг. в Уральский регион для подавления восстания башкир. Более общий характер носили проблемы с лошадьми. К концу Наполеоновских войн благодаря распространению коневодства и частных конных заводов тяжелая русская кавалерия была, вероятно, лучшей в Европе. Средняя же (драгунская) и легкая кавалерия опиралась на обширную и хорошо организованную сеть торговцев лошадьми и степные породы, тогда как в 1756 г. в России не было настоящих кирасирских полков, а многочисленные драгунские имели плохих лошадей. С другой стороны, русская артиллерия в Семилетней войне не уступала любой в Европе, а русская пехота заслужила всеобщее уважение за свою храбрость, дисциплину и выносливость на поле боя. По признанию самого Фридриха, русские части сохраняли порядок и боеспособность даже после потерь, которые означали бы разгром других европейских армий. И хотя ни один из верховных русских главнокомандующих не был выдающимся полководцем, многие среди младших генералов были превосходны.

Главным проигравшим в Семилетней войне стала Франция. С середины XVII в. она была ведущей державой Европы: большинство войн в Западной и Центральной Европе в течение столетия до 1750 г. были связаны с французской мощью и опасениями, которые она вызывала. Из Войны за испанское наследство (1703–1714) Людовик XIV вышел, посадив своего внука на испанский престол, с львиной долей владений испанской империи, несмотря на противостоящую ему коалицию великих держав. В Войне за австрийское наследство (1741–1748) французские армии под блестящим командованием Морица Саксонского заняли большую часть Нидерландов, нанеся поражение англичанам и голландцам и подтвердив репутацию Франции как ведущей военной державы Европы. Поэтому поражение Франции на суше и на море в Семилетней войне стало тем большим потрясением для европейцев и, что особенно важно, для французских элит. Ответственность за крах и унижение многие возлагали на решение Людовика XV положить конец многовековой вражде Франции с Австрией, подписав в 1756 г. оборонительный союз с Веней⁵⁸.

На самом деле решение короля имело смысл. К 1750 г. Франция столкнулась с растущим соперничеством со стороны Великобритании за колониальное и морское превосходство. Отвечая на этот вызов, она не могла параллельно проводить агрессивную экспансионистскую политику на Европейском континенте. Одна из основных максим европейской геополитики с XVI по XX в. гласила, что территориальная экспансия вне пределов Европы намного проще, чем внутри континента. Интенсивная конкуренция между европейскими великими державами, начавшаяся в XVI в., породила самые грозные военные и финансовые машины в мире. Любое государство, стремившееся к расширению в пределах Европы, неизбежно сталкивалось с жест-

⁵⁸ Лучшее исследование о Франции в Семилетней войне: *Dziembowski E. La guerre de Sept Ans 1756–1763*. Paris, 2018. Более общий политический контекст см. в: *Jones C. The Great Nation. France from Louis XV to Napoleon 1715–1799*. London, 2002. О французской армии в Семилетней войне: *Kennett L. The French Armies in the Seven Years' War*. Durham, NC, 1967. О флоте: *Dull J. The French Navy and the Seven Years' War*. London, 2005 и *Pritchard J. Louis XV's Navy 1748–1762*. Montreal, 1987. О войне в контексте французской политики: *Riley J. The Seven Years' War and the Old Regime in France*. Princeton, NJ, 1986 и *Antoine M. Louis XV*. Paris, 1989.

ким противодействием коалиции могущественных соперников, тогда как в Африке, а после 1750 г. в Африке и в Азии империализм европейских держав находил меньшее противодействие. Поэтому к 1750 г. наибольшие ставки во Франции делались на конкуренцию с Британией за доминирование в торговле, колониях и на океанах за пределами Европы. Союз с Австрией задумывался для того, чтобы не завязнуть в войне на два фронта и дать Франции возможность сконцентрировать свои ресурсы против Британии.

Напав на Австрию летом 1756 г., Фридрих II нарушил французские расчеты: задуманный как чисто оборонительный, союз с Веной потребовал теперь активных действий. Правительство Людовика XV бросило все свои силы в попытке уничтожить прусского агрессора. Мария Терезия обещала Франции отдельные территории южных Нидерландов в том случае, если Пруссия потерпит поражение и Силезия будет возвращена Габсбургам. При этом не допустить присутствия Франции на этих территориях было главнейшим приоритетом английской оборонной стратегии. Порты региона и господствующие ветры создавали гораздо более подходящую площадку для вторжения в Англию, чем базы в Бретани и Нормандии. И еще: с учетом того что Австрия теперь была союзником, а пруссаки сражались за свое существование в Центральной Европе, у французов были все основания надеяться, что их армии смогут без особых проблем захватить Ганновер (курфюрстом которого был король Британии). Даже потеряв колонии, Франция могла бы легко вернуть их в ходе мирных переговоров в обмен на нидерландские территории или Ганновер. По расчетам правительства в 1756 г., французские армии должны были быстро избавиться от Фридриха II, захватить Ганновер, а затем перенаправить все ресурсы на морскую и колониальную войну с Британией.

Учитывая расклады сил, расчет был разумным и даже, казалось, оправдывался первыми месяцами войны, успешными для Франции и союзников. Путь к катастрофе начался с разгрома Фридрихом союзной армии, вдвое превосходящей его по численности, при Росбахе в ноябре 1757 г. Вскоре Франция сократила свое участие (и возможные приобретения) в Европе, но в течение следующих четырех лет большая армия, которую она направила на завоевание Ганновера, все так же безуспешно пыталась выполнить свою миссию. Между тем с 1758 г. и до конца войны Франция терпела поражения от британцев на море и в своих колониях. К 1761 г. остатки французского флота едва могли позволить себе выходить в море, и не только в результате поражений, но и из-за финансового банкротства государства. К концу войны британцы завоевали Канаду и некоторые ключевые острова в Вест-Индии. Они практически вытеснили французов с Индийского полуострова, захватив Бенгалию, самую богатую индийскую провинцию, в качестве базы, с которой они постепенно распространили свое влияние на всю Южную Азию. Поражение такого масштаба подрывало бы легитимность любого режима, особенно такого, который считал себя самой мощной державой Европы. Некомпетентные командующие, раздираемый конфликтами офицерский корпус и зачастую недисциплинированные солдаты представляли собой мрачную картину. Некоторые из главных (и неудачливых) полководцев были протеже мадам де Помпадур, фаворитки Людовика XV. Другие ее протеже в финансовом мире, банкиры братья Пари, сколотили состояние на снабжении французских армий. Поражения, некомпетентность, коррупция и распушенность нравов оставили в сознании французской элиты неизгладимые ассоциации с Людовиком XV. Семилетняя война сыграла большую роль в делегитимизации династии Бурбонов и послужила одной из причин Французской революции.

Пруссия и Британия стали главными победителями в этой войне. Если для первой победа значила выживание, то для Великобритании она ознаменовалась важными территориальными завоеваниями за пределами Европы. Война проиллюстрировала основной геополитический принцип, упомянутый ранее в этой статье: жирные куски за океаном можно было получить значительно проще. Британские войска, завоевавшие Канаду, на европейских полях сражений были бы просто незаметны. Традиционно роль военной магистрали выполняла степь: армии кочевников передвигались по ней необычайно быстро и свободно. Теперь такой

супермагистралью стали океаны, позволявшие британскому флоту наносить удары по французской торговле, колониям и морским побережьям. Неповоротливость европейских армий сильно контрастировала с невероятной мобильностью, дальностью действия и эффективностью британских военно-морских сил. Господство на морях защищало Британию от вторжения, концентрировало в ее руках всю мировую торговлю и препятствовало Франции усиливать свои гарнизоны в Америке, Вест-Индии или Индийском океане. Морская, торговая и финансовая мощь поддерживала систему государственного долга, позволяя финансировать войну гораздо эффективнее Франции. Британские политические механизмы привели к власти Уильяма Питта и на четыре с лишним года обеспечили ему практически полный контроль над военными усилиями страны. Он координировал их, обладая стратегической проницательностью и взрывной силой воли, вместе со своими талантливыми помощниками. Британские колонисты в Северной Америке далеко превосходили по численности французских, но Питт был первым, кому хватило решительности и гибкости, чтобы полностью реализовать это преимущество для имперских завоеваний⁵⁹.

Военное завоевание – только первый этап в создании империй. Необходимым и зачастую более трудным вторым шагом является политическая консолидация. Британцы усвоили этот урок в Северной Америке, когда послевоенные усилия по укреплению имперской власти привели к восстанию американских колоний. В какой-то степени со схожей проблемой столкнулся и Наполеон в Европе в 1800–1814 гг. В случае Великобритании, как и многих других великих держав, проблема отчасти коренилась в политических конфликтах, связанных с управлением огромными долгами, образовавшимися в результате Семилетней войны. Одной из причин восстания американских колонистов была попытка Великобритании заставить их участвовать в обслуживании этих долгов. На протяжении всей истории империям было трудно контролировать богатые колонии с частичной автономией, удаленные на большие расстояния. При этом лояльность к метрополии значительно возрастала, если колонистам угрожала соперничающая империя. До 1756 г. такой угрозой в Северной Америке были французские силы, особенно в союзе с многочисленными индейскими племенами, искавшими у Франции поддержки против постоянно растущего потока британских поселенцев на их землях. После 1763 г. эта угроза была устранена, а усилия самой британской короны по защите земель коренных жителей от посягательств поселенцев усилили недовольство колонистов⁶⁰.

Великобритания проиграла Американскую войну за независимость в том числе из-за сложности развертывания военных сил на другом побережье Атлантики в масштабах, достаточных для контроля большого населения и удержания огромной территории. Не менее важно вступление в конфликт Франции, желавшей отомстить за поражение в Семилетней войне. В этот раз британские ресурсы были разделены между борьбой с американцами на суше и с франко-испанской коалицией в Европе и на море. Это единственный случай конфликта времен Второй столетней войны (1688–1815) между Британией и Францией, когда Франция не воевала одновременно с континентальной державой. Поражение Британии было далеко не тотальным: несмотря на потерю американских колоний, она отстояла Канаду и Гибралтар, а к 1782 г. британский флот восстановил свое превосходство на море. И тем не менее в первой половине 1780-х гг. безопасность Великобритании оказалась под большей угрозой, чем в любое другое время вплоть до 1930-х гг. В союзе против Британии объединились Франция, Испания

⁵⁹ О Британии в Семилетней войне в общем контексте: *Simms B. Three Victories and a Defeat*. London, 2003 и *Anderson F. The Crucible of War*. New York, 2001 с отличным описанием самой войны. Общее описание эпохи войны в Британии см. в: *Middleton R. The Bells of Victory. The Pitt-Newcastle Ministry and the Conduct of the Seven Years' War, 1757–1762*. Cambridge, 1985; отличное исследование контекста и хода войны на море: *Rodger N. A. M. The Command of the Ocean. A Naval History of Britain 1649–1815*. London, 2004.

⁶⁰ Я прослеживаю динамику становления и консолидации империй в: *Lieven D. Empire. The Russian Empire and its Rivals*. London, 2000.

и Нидерланды – вторая, третья и четвертая по мощи военно-морские державы Европы. В самом разгаре была гонка морского вооружения, гораздо более напряженная, чем англо-германское соперничество перед Первой мировой войной. Положение Великобритании в Америке и Вест-Индии ослабила Американская война за независимость, а потенциальный союз французских и голландских флотов и баз в Индийском океане (Маврикий, Капская провинция, Цейлон) представлял серьезную угрозу британским позициям в Индии. От опасной ситуации Британию спасло французское банкротство и вызванный этим внутривнутриполитический кризис. Одним из результатов этого кризиса стала неспособность поддерживать профранцузскую партию голландской политики в борьбе с англо-прусской интервенцией в поддержку Оранского дома. В результате это привело к отказу Нидерландов от французского союза.

В отличие от англичан, русские не получили никаких территориальных приобретений в результате Семилетней войны. Тем не менее они значительно выиграли от участия в ней, хотя и не всегда явным образом. До 1756 г. многие европейцы пренебрежительно относились к российской армии и рассматривали Россию как второразрядную державу и даже как вспомогательную силу, чьи войска могли быть наняты для обслуживания британской или австрийской политики. Действия армии в Семилетней войне стали основой для признания европейцами того, что Россия теперь является великой державой, способной оказывать решающее влияние на международные отношения в Центральной и даже Западной Европе. В 1761–1762 гг. и в Берлине, и в Вене осознали, что судьба Пруссии зависит от России. Екатерина II и ее советники дополнили военную мощь дипломатической тонкостью и проницательным пониманием политики великих держав на континенте. При Екатерине русские грамотно использовали ряд ключевых преимуществ, таких как давняя вражда Британии с Францией или Австрии с Пруссией. Россия могла лавировать между ними. Кроме того, находясь на периферии Европы, она смогла отвоевать обширные и богатые территории у своего более слабого соседа, Османской империи. Завоеванные Екатериной «украинские» земли со временем стали основой сельского хозяйства империи, ее угольной и металлургической промышленности. Уже при кончине Екатерины в 1796 г. массовая колонизация и быстрое развитие городов, коммуникаций и портов преобразовали пустую степь присоединенных территорий и сделали Россию доминирующей державой на Черном море. Сочетание географической удаленности, военной мощи и тонкой дипломатии препятствовало другим европейским державам ставить препоны расширению России.

Российские войска, громившие турок с 1768 по 1792 г., получили важнейшие уроки в сражениях Семилетней войны, копируя и в конце концов даже превосходя ведущего полководца Европы и его прусскую армию. Шесть лет, прошедшие между окончанием Семилетней войны и началом русско-турецких войн, дали армии время на восстановление и усваивание этих уроков. Например, за время войны русские сформировали и обучили превосходную легкую пехоту, а их кавалерия к 1768 г. была намного лучше, чем в 1756-м. То же касалось и генеральского состава, среди которого особенно выделялись Петр Румянцев и Александр Суворов. Оба, помимо прекрасных командирских качеств на поле боя, тщательно продумали то, как адаптировать уроки, полученные в европейской войне 1756–1763 гг., к совершенно другой местности и противнику, с которым они столкнутся в южной степи и на побережье Черного моря. Их военные познания, опыт войны и врожденная гениальность отразились в сложном стратегическом и логистическом планировании и использовании на поле боя различных тактических формирований, например подвижных каре и атакующих колонн. Благодаря им русская армия значительно превосходила своего турецкого противника, войскам которого не хватало подготовки, дисциплины и сплоченности, позволявших европейским армиям максимально использовать огневую мощь и ударную силу на поле боя.

После Семилетней войны международные отношения в Европе трансформировались в единую систему. Если первые два десятилетия XVIII в. Война за испанское наследство в Западной Европе и Северная война в Восточной шли параллельно и почти не пересекались, то в

Семилетнюю войну были активно вовлечены все крупные державы, причем и Россия, и Британия внесли существенный вклад в ее исход на территории германских земель. Даже колониальная морская война Великобритании с Францией и Испанией была тесно связана с конфликтом на континенте. Пять великих держав, определившихся по итогам Семилетней войны, продолжали быть центральным элементом европейских международных отношений вплоть до 1914 г.⁶¹

Тем не менее баланс сил в Европе по итогам Семилетней войны оставался хрупким. В период с 1763 по 1786 г. Франция, как уже было сказано, предприняла едва не увенчавшуюся успехом попытку оспорить морское и колониальное господство, достигнутое Великобританией в результате войны. Эти усилия были возобновлены с удвоенной силой в ходе революционных и Наполеоновских войн с 1793 по 1815 г. К 1812 г. казалось, что многополярная европейская система пяти держав, возникшая в 1763 г., исчезнет под давлением французского империализма. Даже в 1756–1763 гг. Франция оставалась потенциально самой могущественной страной Европы по своим размерам, благосостоянию и культурности населения. Революция разрушила институты, привилегии и традиции, которые сдерживали мобилизацию ее потенциальной мощи, а высвобожденные этим процессом силы были упорядочены и подчинены военно-политическому гению Наполеона. Манера ведения войны Наполеоном разрушила преграды для достижения полной победы во время кампаний Семилетней войны: гораздо более крупные армии действовали теперь со скоростью, гибкостью и разрушительной силой, намного превосходящими армии 1756–1763 гг. Однако в итоге четыре другие великие державы объединились для борьбы с Наполеоном в 1813–1815 гг. Венский конгресс в составе держав-победительниц создал то, что можно назвать европейской международной системой в полном смысле этого слова, – не просто баланс сил в рамках пентархии, но и ряд правил, норм и общих представлений, которые придали международным отношениям определенную стабильность и последовательность.

Революционные и Наполеоновские войны подтвердили ключевой геополитический урок Семилетней войны: гораздо легче построить империю за пределами Европы, чем внутри Европейского континента. Завоевав то, что можно назвать каролингским ядром Европы (Франция, Германия, Нидерланды, Северная Италия), Наполеон столкнулся с величайшей проблемой европейской геополитики – существованием двух сильнейших центров на западной и восточной периферии континента, Британии и России. Каким бы ни было их недоверие друг к другу, эти две державы объединялись для противостояния любому потенциальному европейскому императору, чья власть могла представлять угрозу их безопасности и амбициям. Мобилизовать достаточные силы каролингского ядра, чтобы одновременно одолеть англичан и русских, было очень сложно. Проблема усугублялась тем, что для вторжения в Британию требовались прежде всего мощные военно-морские силы, а для нейтрализации ядра русской мощи к югу и востоку от Москвы – военно-логистические. Однако поражение Наполеона не было предрешенным, и только боевые качества российской армии вкупе с умелым руководством Александра I, Барклай-де-Толли и Кутузова сломили его попытки подчинить себе последнюю независимую великую державу континентальной Европы в 1812 г. После этого правители России воспользовались временной слабостью Франции для контрнаступления в Центральной Европе и создания коалиции, которая в итоге и свергла Наполеона⁶².

Главным победителем в революционных и Наполеоновских войнах снова вышла Великобритания. Пока Наполеон героически пытался создать империю в Европе, британцы успешно укрепляли глобальное морское господство, поглощая – прямо или косвенно – ключевые части

⁶¹ Классика истории системы международных отношений после 1763 г.: *Schroeder P. M. The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford, 1994.*

⁶² Подробно о европейской геополитике и поражении Наполеона я пишу в: *Lieven D. Russia against Napoleon. The Struggle for Europe. 1807–1814. London, 2009.*

французской, голландской и испанской заокеанских империй. Британская морская мощь блокировала французский империализм в Европе, и это стало одной из фундаментальных причин поражения Наполеона. На решающем уровне глобальной стратегии режим поздних Бурбонов в реальности превосходил революционную и наполеоновскую Францию. В сценарии успеха Франции Бурбонов совершенно справедливо делался расчет на исключение европейского фронта благодаря союзу с Австрией и на концентрацию всех ресурсов в морской и колониальной войне с Британией. Революционная Франция, возобновив вековой конфликт с Габсбургами, обрекла себя на поражение. В каком-то смысле Мария-Антуанетта могла посмеяться последней.

Европейская система, зародившаяся в ходе Семилетней войны и усовершенствованная на Венском конгрессе, просуществовала до 1914 г., в какой-то степени даже до конца Второй мировой войны. Создать европейскую империю Германии помешали те же геополитические факторы, которые мешали Наполеону, хотя в ее случае ключевую роль также сыграло американское вмешательство. После 1945 г. Пруссия исчезла с географической карты, и Германия решительно отвернулась от прусской и фридрицианской традиций. Но многое из ключевого наследия Семилетней войны остается значимым по сей день. Наиболее существенно англоязычное доминирование в Северной Америке. Хотя на протяжении большей части XIX в. Великобритания и США были соперниками, к 1890-м гг. началось их сближение. Объединение огромных ресурсов Соединенных Штатов и Британской империи в рамках одновременно геополитического, этнолингвистического и идеологического блока стало ключом к победе в двух мировых войнах. Великобритания и ее бывшие доминионы оставались ближайшими союзниками США в холодной войне, их солидарность лежит в основе нынешнего мирового порядка.

Сложившийся мировой порядок, в котором доминируют англоязычные страны, сегодня испытывает растущее давление, прежде всего со стороны Китая. С точки зрения современности никакая всемирная история 1750-х гг. не может не упомянуть о завершении в это время завоевания и аннексии маньчжурской династией Цинь обширного региона, известного сегодня как Синьцзян. Единственной европейской державой, сыгравшей хотя бы косвенную роль в этом завоевании, была Россия. По соглашению между Россией и Китаем русские закрыли свою границу для монгольских кочевников, спасавшихся от наступления Цинь, тем самым лишив их стратегической глубины, необходимой для продолжения войны. Китайское завоевание Синьцзяна было частью глобального процесса, когда оседлые общества расширялись за счет кочевников, что в конечном итоге часто приводило к истреблению последних.

Тем не менее завоевание Синьцзяна потребовало колоссальных ресурсов и планирования. Так же как их предки, империя чжурчжэней в XII в., силы Цинь в 1660 г. завоевали северный Китай, но не имели реальной власти к югу от реки Янцзы. В 1670-х гг. молодому императору Канси удалось завоевать южный Китай в ходе рискованной кампании, которая едва не потерпела неудачу и легко могла бы привести к свержению его династии. Без богатых ресурсами южного Китая династия Цинь могла оказаться неспособной захватить и удержать Синьцзян. Современная Китайская Народная Республика в территориальном отношении является наследницей именно маньчжурской империи Цинь, а не гораздо меньших по территории этнических китайских империй и династий Сун и Мин. Из перспективы будущего завоевание Китаем Синьцзяна можно считать таким же важным событием 1750-х гг., как и выживание Пруссии. Китайскую и прусскую истории объединяет то, что обе они подчеркивают важность личности в истории. Если бы авантюра Канси не удалась, сегодняшний Китай мог бы быть гораздо меньше, а без Фридриха II Пруссия не выиграла бы Семилетнюю войну. Настоящую статью, в значительной степени посвященную обсуждению структурных и геополитических факторов большой длительности, логично на этом завершить⁶³.

⁶³ Об экспансии Китая на запад: *Purdue P. C. China Marches West. The Qing Conquest of Central Eurasia.* Cambridge, MA,

Мариан Фюссель
МИР В ОГНЕ. К ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1756–1763)⁶⁴

How fatal a war has this been! From Pondicherry to Canada, from Russia to Senegal, the world has been a great bill of mortality!⁶⁵

1. ВВЕДЕНИЕ

В 1755 и 1756 гг. на севере Германии землетрясения и нашествия мышей толковали как предвестников грядущей более масштабной и на сей раз рукотворной катастрофы – Семилетней войны⁶⁶. Представлялось, что хаос в природе возвещает хаос среди людей. Восприятие таких феноменов как знамений было стандартной моделью интерпретации в раннее Новое время, хотя к середине XVIII столетия она уже вызывала критику у тех, кто отвергал наивное суеверие простецов⁶⁷.

Семилетняя война стала событием глобального масштаба с театрами военных действий в Европе, Северной и Южной Америке, Западной Африке и Южной Азии⁶⁸. В ней соединились две линии конфликтов, идущие от Войны за австрийское наследство (1740–1748): с одной стороны, колониальное соперничество между Англией и Францией, с другой – восходящий к аннексии Фридрихом II Силезии в первых двух силезских войнах антагонизм между Пруссией и Австрией. Из-за переплетения этих двух конфликтов военные действия распространились по всему миру и были закончены лишь в 1763 г. мирными договорами в Париже и Губертусбурге⁶⁹.

Пока в 1755 г. холодная война между британцами и французами в лесах Северной Америки перерастала в горячую, мир с ужасом взирал на природную катастрофу невиданных масштабов. 1 ноября 1755 г. столица Португалии, Лиссабон, была почти полностью уничтожена цунами и пожаром. Вызвавшее их землетрясение ощущалось и в германских землях, но несравненно более драматическая участь Лиссабона превратилась в медийное событие европейского масштаба⁷⁰. Однако уже в 1757 г., как показывает анализ каталога Лейпцигской ярмарки, рукотворная катастрофа войны практически затмила в публицистике землетрясение⁷¹. Через

⁶⁴ Настоящий текст представляет собой расширенную версию статьи, впервые опубликованной в журнале *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* 11/12. 2020. S. 605–619.

⁶⁵ «Что за гибельная война! От Пондишери до Канады, от России до Сенегала весь мир превратился в один большой список потерь!» (Хорас Уолпол – Хорасу Манну, 10.05.1759 // Walpole H. *The Letters of Horace Walpole*, Fourth Earl of Orford / Ed. by P. Toynbee. Vol. 4. Oxford, 1903. P. 260).

⁶⁶ Füßel M. *Der Preis des Ruhms. Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges*. München, 2019. S. 110–112. Очевидно, землетрясения особенно ощущались в Ахене, ср.: Janssen J. *Die historischen Notizen des Bürgermeisterei-Dieners Johannes Janssen // Ariovist von Fürth H. (Hrsg.). Beiträge und Material zur Geschichte der Aachener Patrizier-Familien*. 3 Bde. 1882–1890. Bd. 3. Aachen, 1890. S. 1–390; о Мюльхаузене в Тюрингии в этой связи см.: Jordan R. *Chronik der Stadt Mühlhausen in Thüringen*. Bd. 3. 1600–1770. Mühlhausen, 1906. S. 188 ff.

⁶⁷ Ср., например: Bähr A. *Der grausame Komet. Himmelszeichen und Weltgeschehen im Dreißigjährigen Krieg*. Reinbek, 2017.

⁶⁸ Хорошая обзорная работа: Danley M. H., Speelman P. J. (Eds) *The Seven Years' War. Global Views*. Leiden; Boston, 2012.

⁶⁹ См. в общем о мирных договорах: Füßel. *Preis des Ruhms*. S. 450–469.

⁷⁰ Lauer G., Unger T. (Hrsg.) *Das Erdbeben von Lissabon und der Katastrophendiskurs im 18. Jahrhundert*. Göttingen, 2008.

⁷¹ Ср.: Löffler U. *Lissabons Fall – Europas Schrecken. Die Deutung des Erdbebens von Lissabon im deutschsprachigen Protestantismus des 18. Jahrhunderts*. Berlin; New York, 1999. S. 517–525, 631–647.

несколько лет Вольтер в своем «Кандиде» упомянул оба этих события как потрясение привычного образа мира⁷².

Толкования знамений в связи с землетрясением и нашествием мышей могут служить примером «лабораторной ситуации» в Семилетнюю войну, в ходе которой пересекались друг с другом традиции и инновации, домодерное и модерное⁷³. Они же открывают темы и перспективы исторической антропологии, которая интересуется историей трансформации моделей восприятия, действий и интерпретаций, представляющихся нашему современному миру иными, чужеродными⁷⁴. Впрочем, в определении «исторической антропологии» и ее программы исследователи далеки от единодушия⁷⁵. Слишком разнятся между собой даже в пределах одной Германии местные школы исторической антропологии, скажем, в Берлине, Фрайбурге или Геттингене; у каждой из них свои справочники и своя научная периодика⁷⁶. Нет недостатка и в программных заявлениях⁷⁷. Историческая антропология – это междисциплинарное поле, формирование которого находится в постоянном развитии. Репертуар ключевых понятий и вопросов постоянно расширяется, так что даже в рамках одного течения уровни дискуссий 1985, 1995 и 2015 гг. могут существенно различаться. В начале 1980-х на первом плане были вопросы теории действия об агентности (*agency*) исторических акторов, особенно в гендерном плане, а материальное ограничивалось в основном экономикой; в 1990-х гг. фокус был дополнительно направлен на медиа, репрезентации и перформативные практики, а в 2000-х гг. среди прочего – на вопросы симметричной антропологии, соотношение природы и культуры, глобальную историю и возвращение материальности историчного⁷⁸. Это перечисление лишь выборочное и ни в коем случае не означающее смену одного другим, но постоянное расширение, при котором всегда оставались актуальными и прежние вопросы. Если, к примеру, материальным вещам в праксеологическом смысле приписываются качества, определяющие разворачивание действия, то старый вопрос об агентности/*agency* обретает новую динамику⁷⁹. Классические дихотомии вроде микро- и макроистории, о которых шли дискуссии в 1980-х гг., отнюдь не потеряли актуальности, но с проекцией их на глобальный контекст лишь еще более усложнились⁸⁰.

Существенно для профиля и сущности исторических подходов и определение их границ. В случае исторической антропологии в 1980-х гг. таковыми были социальная и политическая история, в 1990–2000-х гг. же стали скорее обращать внимание на отличие от новой культурной истории, которую историческая антропология в широком понимании стремилась считать

⁷² Вольтер. Кандид, или Оптимизм // https://imwerden.de/pdf/voltaire_candide.pdf (дата обращения 27.09.2022).

⁷³ Ср. уже в: Salewski M. 1756 und die Folgen. Einleitung in den Schwerpunkt // Historische Mitteilungen 18. 2005. S. 1–6, здесь S. 3.

⁷⁴ Ginzburg C. Geschichte und Geschichten. Über Archive, Marlene Dietrich und die Lust an der Geschichte // Spurensicherungen. Über Verborgene Geschichte, Kunst und soziales Gedächtnis. München, 1988, S. 7–28, здесь S. 26.

⁷⁵ Tanner J. Historische Anthropologie. Version 1.0 // Docupedia-Zeitgeschichte, 03.01.2012. http://docupedia.de/zg/tanner_historische_anthropologie_v1_de_2012. DOI: <http://dx.doi.org/10.14765/zzf.dok.2.278.v1> (дата обращения 30.05.2020).

⁷⁶ Ibid. С 1992 г. в издательстве De Gruyter выходит журнал Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie, с 1993 г. в издательстве Böhlau – журнал Historische Anthropologie. Kultur – Gesellschaft – Alltag.

⁷⁷ Ср., например: Dressel G. Historische Anthropologie. Eine Einführung. Wien u. a., 1996; van Dülmen R. Historische Anthropologie. Entwicklung – Probleme – Aufgaben. Köln; Weimar; Wien, 2000; Tanner J. Historische Anthropologie zur Einführung. Hamburg, 2004; Winterling A. (Hrsg.) Historische Anthropologie. Stuttgart, 2006.

⁷⁸ О тенденциях развития см. также: Burschel P. Wie Menschen möglich sind. 20 Jahrgänge «Historische Anthropologie» // Historische Anthropologie 20 H. 2. 2012. S. 152–161.

⁷⁹ Füßel M. Die Materialität der Frühen Neuzeit. Neuere Forschungen zur Geschichte der materiellen Kultur // Zeitschrift für Historische Forschung 42 H. 3. 2015. S. 433–463.

⁸⁰ Ghobrial J.-P. (Ed.) Global history and microhistory (Past & Present 242, Issue Supplement 14). Oxford; New York, 2019; Bertrand R., Calafat G. La microhistoire globale. Affaire(s) à suivre // Annales HSS 73/1. 2018. S. 3–18; Medick H.: Turning Global? Microhistory in Extension // Historische Anthropologie 24 H. 2. 2016. S. 241–252; Trivellato F. Is There a Future for Italian Microhistory in the Age of Global History? // California Italian Studies 2 H. 1. 2011 (escholarship.org; дата обращения 28.05.2020).

своей⁸¹. Несмотря на высокую степень теоретизации – ибо историческая антропология несомненно представляет собой один из наиболее теоретизированных подходов к истории, – ее контуры лучше всего определяются в историографической практике⁸². Применяемый в настоящей статье подход следует традиции исторической антропологии, выросшей из социальной истории, которая понимает себя в общем и целом как историю социальных практик⁸³. Соответственно далее на примере Семилетней войны будет намечено, какие вопросы может задавать историческая антропология войны и как она может работать с эмпирическим материалом. Эту цель я прослеживаю в три этапа: вначале характеризую некоторые основные результаты смены перспективы (2.), затем перехожу к тематическим полям истории повседневности войны (3.), чтобы, наконец, задаться вопросом, что может дать историко-антропологический подход для анализа Семилетней войны в глобальном аспекте (4.).

2. СМЕНА ПЕРСПЕКТИВ: К ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВОЙНЫ

Войны представляют собой в общем центральную область историко-антропологических исследований, поскольку служат экзистенциальным вызовом жизненному миру человека и одновременно требуют последовательной историзации⁸⁴. Так, в целом ограниченные военно-исторические исследования склонны скорее к биологизирующей антропологии⁸⁵. Историческая же антропология стремится прежде всего историзировать такие темы, как труд, питание, пол, тело, насилие, страдание, болезнь и смерть, а также медийность, религиозность, материальность и глобальность, но эта задача ставит перед ней и определенные эмпирические вызовы⁸⁶. Среди них феномен, который можно назвать «парадоксом Зиммеля». В своей статье об историческом времени на материале Семилетней войны философ и социолог Георг Зиммель ставит вопрос о том, насколько близко мы можем подойти к исторической практике, не теряя при этом из виду ее историчности⁸⁷. Как он пишет, каждый отдельный удар саблей в битве при Кунерсдорфе 1759 г. в микроперспективе ничем не отличается от любого другого удара саблей как составной части военного насилия. Но в чем особенность Кунерсдорфской битвы, или, шире, что характерного в исторической антропологии именно Семилетней войны?

До сих пор основной методологический путь исторической антропологии составляла, как правило, микроистория – история отдельной деревни, отдельного военного кровопролития, отдельного индивидуума⁸⁸. Но как мы попадем отсюда на более высокую агрегирующую ступень? Возможным способом может служить последовательное игнорирование онтологического различия между микро- и макроуровнем и фиксация в духе плоских онтологий⁸⁹ разнообра-

⁸¹ Medick H. Historische Anthropologie // Jordan S. (Hrsg.) Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe. Stuttgart, 2002. S. 157–161, здесь S. 160.

⁸² Ср.: Chvojka E., van Dülmen R., Jung V. (Hrsg.) Neue Blicke. Historische Anthropologie in der Praxis. Wien; Köln; Weimar, 1997.

⁸³ Ср.: Füßel M. Praxeologische Perspektiven in der Frühneuezeitforschung // Brendecke A. (Hrsg.) Praktiken der Frühen Neuzeit. Akteure – Handlungen – Artefakte. Köln; Weimar; Wien, 2015. S. 21–33.

⁸⁴ Gestrich A. Friedensforschung, Historische Anthropologie und neue Kulturgeschichte // Eckern U., Herwartz-Emden L., Schultze R.-O. (Hrsg.) Friedens- und Konfliktforschung in Deutschland: Eine Bestandsaufnahme. Wiesbaden, 2004. S. 98–115.

⁸⁵ Ibid. S. 100. Ср., например: Keegan J. Die Kultur des Krieges. Reinbek bei Hamburg, 1997. S. 126–149.

⁸⁶ Ср. спектр тем у: Dressel. Historische Anthropologie. S. 71–155.

⁸⁷ Simmel G. Das Problem der historischen Zeit (1916) // Idem. Goethe. Deutschlands innere Wandlung. Das Problem der historischen Zeit. Rembrandt (Gesamtausgabe 16). Frankfurt a. M., 2003. S. 287–304.

⁸⁸ Ulbricht O. Mikrogeschichte: Menschen und Konflikte in der Frühen Neuzeit. Frankfurt a. M., 2009.

⁸⁹ Философский термин *flat ontology* (М. Де-Ланда, Г. Харман и др.) для обозначения подхода, в котором все объекты признаются онтологически явлениями одного порядка. – Прим. ред.

разных переплетений сюжетных линий и отдельных практик⁹⁰. В этом случае отдельный случай грабежа встраивается в более широкий процесс циркуляции товаров и ресурсов, отдельная пропагандистская листовка – в целую дискурсивную формацию, баталия – в совокупность различных практик насилия от малой войны до осады. «Большое» в этом случае не отличается по своему онтологическому статусу от «малого», различия зависят скорее от эпистемологического вопроса о видимости восприятия⁹¹. Например, такая битва, как Кунерсдорфская, сама по себе «невидимая», поскольку складывается лишь из множества отдельных действий⁹².

В то время как в макроисследованиях Семилетней войны недостатка нет, почти все они до сих пор оперировали классической историей в стиле *battles and treatises* – главных битв, великих людей, центральных решений⁹³. Постановка проблем в духе исторической антропологии реализовалась, скорее, в форме статей и, как правило, на материале отдельных кейсов⁹⁴.

В то же время историческая антропология не застрахована от одной из ловушек «культурных поворотов», а именно смещения перспективы и предмета, оптики и топики⁹⁵. Так, безусловно, не всякое исследование об экономике, материальной культуре или смерти обязательно встроено в историко-антропологическую перспективу; это касается и большинства цитируемой здесь литературы по Семилетней войне. Однако вопросам об альтернативных акторах, практиках и традициях всегда была присуща критическая смена перспективы: от истории элит – к повседневности простых людей, от фиксации на письменных источниках – к широкой палитре исторического материала, от евроцентризма – к глобальным переплетениям и циркуляции и т. п. Если эти перспективы свести только к предметам, историческая антропология потеряет свой критический заряд. Иначе говоря, с рассмотрением новых тем должно фундаментально поменяться и представление о масштабных исторических контекстах: война предстанет тогда не последовательностью военных событий и договоров, а экзистенциальной борьбой за выживание, которая разыгрывается не только в политических кабинетах, но и на каждом отдельном крестьянском дворе⁹⁶. Сведение же повседневности лишь к одной в ряду прочих тем приводит к тому, что хотя раздел о ней и включается в большие нарративы, но никак на них не влияет. После разделов о политической истории просто следует в конце еще один, об истории жизненного опыта (*Erfahrungsgeschichte*). Это в любом случае лучше, чем совершенно игнорировать историю военной повседневности, но в конечном итоге приводит к своего рода компартиментализации, изолированному рассмотрению, а отсюда к нейтрализации критических импульсов истории повседневности и жизненного опыта⁹⁷.

⁹⁰ Schatzki T. R. Praxistheorie als flache Ontologie // Schäfer H. (Hrsg.) Praxistheorie. Ein soziologisches Forschungsprogramm. Bielefeld, 2016. S. 29–44.

⁹¹ О преодолении дихотомии микро/макро и различии между эпистемологическими и онтологическими проблемами ср.: Hoebel T., Knöbl W. Gewalt erklären! Plädoyer für eine entdeckende Prozesssoziologie. Hamburg, 2019. S. 127–155.

⁹² Ср.: Ginzburg C. Mikro-Historie. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiß // Historische Anthropologie 1. 1993. S. 169–192, здесь S. 184.

⁹³ Stellner F. Sedmiletá válka v Evropě. Praha, 2000; Szabo F. A. J. The Seven Years' War in Europe, 1756–1763. Harlow, 2008; Baugh D. A. The Global Seven Years' War, 1754–1763. Britain and France in a Great Power Contest. Harlow, 2011; Dziembowski E. La Guerre de Sept Ans. Paris, 2015; Bremm K.-J. Preußen bewegt die Welt. Der Siebenjährige Krieg 1756–63. Darmstadt, 2017.

⁹⁴ Ср., например, статьи о «культуре» войны в: Hofstra W. R. (Hrsg.) Cultures in Conflict: The Seven Years' War in North America. New York, 2007; De Bruyn F., Regan S. (Eds) The Culture of the Seven Years' War: Empire, Identity, and the Arts in the Eighteenth-Century Atlantic World. Toronto etc., 2014; Externbrink S. (Hrsg.) Der Siebenjährige Krieg (1756–1763). Ein europäischer Weltkrieg im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 2011.

⁹⁵ Wilder G. From Optic to Topic: The Foreclosure Effect of Historiographic Turns // The American Historical Review 117. Vol. 3. 2012. P. 723–745.

⁹⁶ Ср. яркий пример на материале Тридцатилетней войны: Medick H. Der Dreißigjährige Krieg. Zeugnisse vom Leben mit Gewalt. Göttingen, 2018.

⁹⁷ Об альтернативном взгляде на проблематику «разделения труда» с точки зрения структур ср.: Hausen K. Historische Anthropologie – ein historiographisches Programm? // Historische Anthropologie 5 H. 3. 1997. S. 454–462, здесь S. 460.

При этом требуется все же чем-то ответить на вероятный упрек из перспективы структурной или макроистории, утверждающей, к примеру, что Семилетняя война была «в действительности борьбой финансовых и экономических систем, развитости современных государственных администраций, а также военной выносливости»⁹⁸. Это утверждение не является ошибочным само по себе, но с точки зрения исторической антропологии оно остается неудовлетворительным без микроисторического прочтения «черного ящика» экономических систем и государственной администрации⁹⁹. Необходимо определить акторов администрирования и финансирования с их конкретными практиками, иначе в противном случае грозит опасность опредмечивания структур и соотношений, превращения их в субъекты, как это очевидно происходит в формуле «борьбы систем»¹⁰⁰. В то же время следует избегать отнюдь нередкой у исторических антропологов склонности выплеснуть с водой ребенка, поспешив вовсе исключить кабинетную политику и общие стратегии из поля зрения, поскольку это будет способствовать критиковавшейся выше «компартиментализации». Как превратить кабинетную политику в тему для исторической антропологии? Различные наработки для этого уже есть в области новой истории дипломатии, которая затрагивает, к примеру, символическую коммуникацию, восприятие или неформальные сети¹⁰¹. Мое дополнение ориентировано, с одной стороны, на социологию организаций, предлагая обратить внимание на социальную логику фантазмов постановлений (*Verfügungsphantasmen*), то есть определяющих действия фикций управляемости и сферы действия решений, и на пробел между планированием и срывом плана. С другой стороны, можно учесть импульсы из истории знания, рассматривая кабинет и политические действия как своего рода ситуацию лаборатории¹⁰². Вместо того чтобы опираться на индивидуальных главных исторических акторов, таких как Питт, Шуазель, Кауниц, Фридрих II и т. п., следует рассматривать процессы решения под углом зрения социальной антропологии как коллективный акт¹⁰³. Здесь также речь идет о практиках, социальный смысл которых требуется расшифровать, а не предполагать как данность. Многочасовая речь в парламенте была в том числе телесным, перформативным актом; на процессы принятия решений могли влиять страхи, эмоции и антипатии; технические системы записи, документация списков и дел порождали особые условия и влияли со своей стороны на решения¹⁰⁴. Аналогично науке внешнюю политику следует понимать не как бесплотную игру расчетов, но привязывать к ее конкретным мерам реализации. Если посмотреть с другой стороны, «кабинетный стол» должен играть роль не только как метафора, но и как материальная составная часть комплексных политических установок (*setting*)¹⁰⁵. И лишь в том случае, если удастся проработать на микроуровне политиче-

⁹⁸ Heinrich G. Friedrich II. von Preußen. Leistung und Leben eines großen Königs. Berlin, 2009. S. 203.

⁹⁹ Ср., например: Neu T. Global Credit. Die britische Finanzlogistik als fraktales Phänomen am Beispiel des Siebenjährigen Krieges // Füßel M. (Hrsg.) Der Siebenjährige Krieg 1756–1763. Mikro- und Makroperspektiven (Schriften des Historischen Kollegs 105). Berlin; Boston, 2021. S. 75–93.

¹⁰⁰ Ср.: Sieder R. Sozialgeschichte auf dem Weg zu einer historischen Kulturwissenschaft // Geschichte und Gesellschaft 20 H. 3. 1994. S. 445–468, здесь S. 447.

¹⁰¹ Ср. обзорно: Köhler M. Neue Forschungen zur Diplomatiegeschichte // Zeitschrift für Historische Forschung 40 H. 2. 2013. S. 257–271. Для Семилетней войны: Externbrink S. Friedrich der Grosse, Maria Theresia und das Alte Reich: Deutschlandbild und Entscheidungsprozesse in der Außenpolitik Frankreichs im Siebenjährigen Krieg. Berlin, 2006.

¹⁰² Идеи из области теории организации ср.: Ortmann G. Katzensilber. Organisationsrituale und nachträgliche Sinnstiftung // Paragana 12 H. 1/2. 2003. S. 539–556. О лабораторном исследовании в истории науки ср.: Knorr Cetina K. Die Fabrikation von Erkenntnis. Zur Anthropologie der Naturwissenschaft. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 2002.

¹⁰³ Так, уже давно в политике Питта был выявлен *team work*, ср.: Middleton R. The Bells of Victory. The Pitt-Newcastle Ministry and the Conduct of the Seven Years' War 1757–1762. Cambridge etc., 1985. Методологически инновационный пример этнографии: Latour B. Die Rechtsfabrik. Eine Ethnographie des Conseil d'État. Konstanz, 2016.

¹⁰⁴ О *paper work* списков: Charters E. Empire und Manpower. «Soldaten zählen» im Siebenjährigen Krieg // Füßel. Der Siebenjährige Krieg. S. 59–73.

¹⁰⁵ Понятие *setting* заимствовано из теории акторов и сетей, ср.: Akrich M., Latour B. Zusammenfassung einer zweckmäßigen Terminologie für die Semiotik menschlicher und nicht-menschlicher Konstellationen // Belliger A., Krieger D. J. (Hrsg.) ANThology. Ein einführendes Handbuch zur Akteur-Netzwerk-Theorie. Bielefeld, 2006. S. 399–405, здесь S. 399.

скую, военную и экономическую сферы, историческая антропология войны может дать больше, чем отводящееся на ее долю в процессе разделения компетенций исследование элементарных переживаний человека, значение которых в принципе не отрицает и классический военный и дипломатический историк, но с легкостью выводит их за пределы «существенного».

3. ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ, ОПЫТ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В центре исторической антропологии всегда был действующий, интерпретирующий и страдающий человеческий субъект¹⁰⁶. Отсюда очевидно всплывает вопрос о страдающих в войну. И здесь нас также подстерегает парадокс Зиммеля: разве страдающий в войне индивид не сталкивается с одними и теми же экзистенциальными вызовами?

Широкая глобально-историческая перспектива Семилетней войны дает новые характерные результаты и с точки зрения истории жизненного опыта¹⁰⁷. Так, в фокусе оказываются не только особенно пострадавшие от войны территории Священной Римской империи, например Саксония, но и коренные американцы с поработченными африканцами. Обе эти группы можно считать основными проигравшими в войне¹⁰⁸. Исследование роли культур аборигенов Северной Америки в «Войне с французами и индейцами» (*French and Indian War*)¹⁰⁹ открыло в том числе методологические возможности для антропологических перспектив¹¹⁰. Здесь исследователи имели дело с актерами, культурно совершенно инаковыми: не только с другим языком, но и с другой религией, с другой экономикой, другими практиками насилия и т. п. К тому же это были бесписьменные культуры со своими средствами коммуникации, как, например, вампум¹¹¹. Их исследование требовало иных методик и приглашало присмотреться к культурным отличиям.

Но страдало и гражданское население Европы, не говоря уже о солдатах на многочисленных полях сражений¹¹². Речь должна идти, однако, не о том, чтобы мерить разные группы акторов относительно друг друга, а о расширении перспективы для преодоления старых евроили тем более прусскоцентричных нарративов и историзации насилия.

В сравнении с Тридцатилетней войной и Коалиционными войнами конца XVIII в. относительно остальной части столетия утвердилось мнение об «укрошенной Беллоне»¹¹³. И хотя многие эмпирические данные говорят в реальности не в пользу ограничения конфликтов,

¹⁰⁶ Füßel M. Die Rückkehr des Subjekts in der Kulturgeschichte. Beobachtungen aus praxeologischer Perspektive // Deines S., Jaeger S., Nünning A. (Hrsg.) Historisierte Subjekte – Subjektivierte Historie. Zur Verfügbarkeit und Unverfügbarkeit von Geschichte. Berlin, 2003. S. 141–159.

¹⁰⁷ Тематика «восприятия войны» отражена в важных работах, появившихся в рамках одноименной Особой исследовательской группы SFB 437 в Тюбингене (1999–2008); ср.: Schild G. (Hrsg.) Kriegserfahrungen. Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit; neue Horizonte der Forschung. Paderborn etc., 2009.

¹⁰⁸ Horne G. The Biggest Losers. Africans and the Seven Years' War // Idem. The Counter-Revolution of 1776: Slave Resistance and the Origins of the United States of America. New York, 2014. P. 161–183; Schneider E. A. The Occupation of Havana: War, Trade, and Slavery in the Atlantic world. Williamsburg, VA, 2018.

¹⁰⁹ Отдельное название для Североамериканского театра Семилетней войны. – Прим. ред.

¹¹⁰ Jennings F. Empire of Fortune: Crowns, Colonies and Tribes in the Seven Years' War in America. New York; London, 1988; White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. New York, 1991; Richter D. K. Facing East from Indian Country: a Native History of Early America. Cambridge, MA, 2001.

¹¹¹ Anderson F. Crucible of war. The Seven Years' War and the fate of the Empire in British North America, 1754–1766. New York, 2000, P. 20, 279, 624, 629; Idem. The War that made America. A short history of the French and Indian War. New York, 2005. P. 59, 160.

¹¹² Füßel M. Ungesehenes Leiden? Tod und Verwundung auf den Schlachtfeldern des 18. Jahrhunderts // Historische Anthropologie 23 H. 1. 2015. S. 30–53; в широкой сравнительной перспективе: Clauss M., Reiß A., Rütger S. (Hrsg.) Vom Umgang mit den Toten. Sterben im Krieg von der Antike bis zur Gegenwart. Paderborn, 2019.

¹¹³ Ср.: Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. 1: Die altpreußische Tradition (1740–1890). München, 1959. S. 50–59.

нельзя все же полностью отрицать динамику и более выраженное «дозирование» в ведении войны¹¹⁴. Ни один город не разделил судьбу Магдебурга в Тридцатилетней войне, однако в сельской местности ситуация выглядела иначе. Население здесь по большей части не попадало в поле зрения просвещенной общественности и было подвержено произволу высокоомобильных конных легких войск в «малой войне»¹¹⁵. В то же время степень насилия различалась в зависимости от региона и состава акторов. Находившиеся на самообеспечении и не имевшие возможностей словесной коммуникации казаки обнаруживают иную культуру насилия, нежели прусский вольный корпус у стен имперского города или обманутые в ожидании трофеев племена индейцев¹¹⁶. «Национальные» историки XIX в. видели «особый феномен Семилетней [войны] в том, что на арене боевых действий в ней в большей степени, нежели в других мировых войнах, появлялись наряду с цивилизованными национальными элементами также варварские и полудикие нации: в Канаде за и против Англии сражались орды индейцев; Австрия выставила в поле массы своих кроатов и пандуров; Россия включила в состав армии вторжения народности, которые до того редко видели в глубинных регионах Европы и появление которых было способно вызвать в памяти в центре современной цивилизации эпоху Великого переселения народов. Если в том, чтобы не гнушаться прибегнуть к призыву иррегулярных вооруженных масс, российские власти были схожи с прусскими, то происходило это, в отличие от Пруссии, не из-за острой нужды в регулярных бойцах, но потому, что здесь от применения подобных национальных ополчений ожидали существенных военных преимуществ»¹¹⁷.

Так с вступлением в войну Российской империи создалась особая ситуация встречи между культурами. Российские иррегулярные войска в лице конных казаков и калмыков прежде всего способствовали формированию образа столкнувшейся с логистическими проблемами российской армии в Пруссии, который оставил устойчивые следы и в пропаганде, и в повседневной жизни рядового населения¹¹⁸.

С историко-антропологической перспективы интересны, с одной стороны, современные эпохе сведения о казаках и калмыках, в которых образ врага соединен со своего рода протоэтнографией и которые обращают внимание на образ жизни, одежду, религию и боевой дух этих войск¹¹⁹. С другой стороны, с точки зрения исторической антропологии насилия встает вопрос

¹¹⁴ Cp.: Wrede M. «Zähmung der Bellona» oder Ökonomie der Gewalt? Überlegungen zur Kultur des Krieges im Ancien régime // Dingel I. et al. (Hrsg.) *Theatrum Belli – Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen im frühneuzeitlichen Europa*. Festschrift für Heinz Duchhardt zu seinem 75. Geburtstag. Göttingen, 2018. S. 207–237.

¹¹⁵ Rink M. Partisanen und Landvolk 1730 bis 1830. Eine militär- und sozialgeschichtliche Beziehung zwischen Schrecken und Schutz, zwischen Kampf und Kollaboration // *Militärgeschichtliche Zeitschrift* 59 H. 1. 2000. S. 23–59; Nowosadtko J. «Gehegter Krieg» – «Gezähmte Bellona»? Kombattanten, Partheygänger, Privatiers und Zivilbevölkerung im sogenannten Kleinen Krieg der Frühen Neuzeit // Becker F. (Hrsg.) *Zivilisten und Soldaten. Entgrenzte Gewalt in der Geschichte*. Essen, 2015. S. 51–77.

¹¹⁶ Историю эволюции образа казака в Германии см. в: Gehrman U. *Russlandkunde und Osteuropaverständnis im 18. und 19. Jahrhundert. Eine Studie zum deutschen Kosakenbild* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* N. F. 40. 1992. S. 481–500. Для Семилетней войны: Füßel M. «Féroces et barbares?» Cossacks, Kalmyks and Russian Irregular Warfare during the Seven Years' War // Danley M. H., Speelman P. J. (Eds) *The Seven Years' War. Global Views*, Leiden; Boston, 2012. P. 243–262; по имперским городам: Füßel M. *Reichsstädte im Siebenjährigen Krieg – Erfahrungen von Gewalt und Okkupation im 18. Jahrhundert* // Timpener E., Wittmann H. (Hrsg.) *Reichsstadt und Gewalt*. Petersberg, 2021. S. 255–278.

¹¹⁷ von Hasenkamp X. *Ostpreußen unter dem Doppelaar: Historische Skizze der russischen Invasion in den Tagen des siebenjährigen Krieges* (Aus den Neuen Preußischen Provinzialblättern 3. Folge. Bd. VI–XI). Königsberg, 1866. S. 82.

¹¹⁸ Keep J. L. H. *Die russische Armee im Siebenjährigen Krieg* // Kroener B. R. (Hrsg.) *Europa im Zeitalter Friedrichs des Großen. Wirtschaft, Gesellschaft, Kriege*. München, 1989. S. 133–169.

¹¹⁹ von Frisch E. *Zur Geschichte der russischen Feldzüge im Siebenjährigen Kriege nach den Aufzeichnungen und Beobachtungen der dem russischen Hauptquartier zugeteilten österreichischen Offiziere vornehmlich in den Kriegsjahren 1757/58*. Heidelberg, 1919; Rapport eines churfürstl. sächsischen Officiers, Herrn von Trütschlers, an den Premierminister und General, Reichsgrafen von Brühl, die Russisch-Kaiserliche Armee betreffend // *Militär Wochenblatt*. № 31–38. 1838. S. 124–126, 128–130, 132–134, 136–138, 141–142, 144–146, 149–150, 151–152; [Anonym]. *Nachrichten von der Aufführung der Russisch-Kaiserlichen Armee in der Gegend bey Cüstrin, nebst einem Anhang von der Beschaffenheit und Einrichtung dieser Völker, Neumark 1759* // *Teutsche Kriegs-Canzley* 1759. S. 745–798, 799–825; Tielcke J. G. *Beiträge zur Kriegskunst und Geschichte des Krieges von 1756 bis 1763*. Freyberg, 1775–1786. Bd. 2. *Der Feldzug der Kayserlich-Rußischen und Königlich-Preußischen Völker, im Jahre 1758*. Freyberg, 1776.

о причинах и интерпретации военного насилия, воспринятого как нерегулярное. Связывание его с иррегулярными частями нуждается в эмпирической проверке с включением в исследования отклонений от нормы среди регулярных войск¹²⁰.

Крайняя эскалация насилия отнюдь не ограничивалась, таким образом, неевропейским театром военных действий¹²¹. Наряду с акцентом на эксцессах насилия и по большей части еще не реализованными исследованиями нарушения существующих норм линейными войсками необходимо, в частности, подвергнуть эмпирической проверке тематические поля, которые привлекаются для подтверждения тезиса об «укрошении» войны: это обмен военнопленными и обращение с ними, сдача укрепленных мест, военно-полевая медицина, уход за неприятельскими ранеными, квартирование и трофеи, отказ от нерационально жестоких видов артиллерийских снарядов, жесткая линейная система, исключительно стратегии маневрирования, а также применение правовых норм к ведению боевых действий в целом¹²².

То, что степень разрушительности в Семилетнюю войну достигла необыкновенных масштабов, доказывает факт постоянного сравнения ее современниками с Тридцатилетней войной, а не с различными войнами за наследства между ними. В 1760 г. в «Лейпцигском сборнике» (*Leipziger Sammlungen*) появилась статья под названием «Соображения анонима по поводу разорений в экономике и политике, причиняемых нынешней войной». Основной линией аргументации служит сравнение с обстоятельствами Тридцатилетней войны:

В эпоху около 1647–1657 гг. в Германии отчасти все еще полыхал ужасный огонь всеобщей внутренней 30-летней войны, отчасти же после заключенных в Оснабрюке и Мюнстере мирных договоров многим местностям нашего отечества предстояло перенести в течение где более, где менее длительного времени много страшных последствий этой войны – величайшие бедствия, огромные страдания и нужду. Люди мечтали о лучших временах и размышляли о различных средствах, чтобы наконец быть избавленными от этого наказания Божьего, за которое его не признавали разве что те, кто именовался христианами, не имея веры. В годы же с 1757-го и по текущий 1759-й, то есть спустя сто лет, Господь вновь посетил нас, попустив ужасный пламень войны на все наше отечество, который ныне угрожает пожрать и сжечь все, как в 30-летнюю войну¹²³.

Но в то же время автор признает перемены в ведении войны: «Справедливо, правда, что манеры и способы ведения 30-летней войны были несколько более жестокими и бесчеловечными, чем теперь; равно вид оставленных ей следов, как и известия о той войне, представляют нам огромный размер тогдашних бедствий». Однако далее в тексте, ссылающемся в том числе на опустошение Пфальца войсками Людовика XIV, эта релятивизация сама получает относительный характер. Здесь можно увидеть риторические стратегии, сопоставляющие собственные страдания с примером наивысшего ужаса, оставшегося в коллективной памяти, но это может и указывать на манеру восприятия и интерпретации погружающегося во все больший

¹²⁰ Этой темой в настоящее время в Геттингенском университете занимается Отто Ермаков (Otto Ermakov) на основании сравнения культуры насилия российской и австрийской армий в Семилетней войне в рамках диссертации, являющейся частью субпроекта исследовательской группы Немецкого научного сообщества «Военные культуры насилия».

¹²¹ Möbius S. Kriegsgreuel in den Schlachten des Siebenjährigen Krieges in Europa // Neitzel S., Hohrath D. (Hrsg.) Kriegsgreuel. Die Entgrenzung von Gewalt in kriegerischen Konflikten vom Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Paderborn u. a., 2008. S. 185–203. О нападениях индейцев и взаимном непонимании культур ср. на отдельном примере: Steele I. K. Betrayals: Fort William Henry and the «Massacre». New York, 1990.

¹²² Перечисляются тезисы статьи об «укрошении Беллоны» Г. Риттера: Ritter. Staatskunst. S. 57. О военнопленных: Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the 18th century. Oxford, 2019.

¹²³ Eines Anonymi Betrachtungen über die Verwüstung der Wirthschaft und Policey, die der jetzige Krieg anrichtet // Zincke G. H. (Hrsg.) Leipziger Sammlungen von Wirthschaftlichen Policey-, Cammer- und Finantz-Sachen, 15. Leipzig, 1760. Ausgaben 169–174. S. 37–68, здесь S. 37.

хаос мира, объятый пламенем. Императив маневренной стратегии не в полной мере снижал жертвы среди мирного населения, он скорее смещал их распределение.

Постоянное присутствие проходящих мимо крупных армейских соединений способствовало распространению так называемых лагерных болезней в том числе в городах. Перспектива, обращающая внимание на эти потери, меняет и в целом картину Семилетней войны, поскольку гораздо больше мужчин стало жертвами болезней, чем было убито в боевых действиях¹²⁴. При отступлении на восток, согласно склонному к преувеличениям Архенгольцу, «тысячи» калмыков погибли от натуральной, или, как тогда ее называли, «черной», оспы – болезни, с которой они сталкивались в степи, но считали ее неизлечимой и, очевидно, были ей подвержены в большей степени, нежели другие военнослужащие российской армии¹²⁵.

Только на Кубе после оккупации ее британцами в 1762 г. от инфекционных болезней погибло больше мужчин, чем в сражениях «Войны с французами и индейцами» на североамериканском театре¹²⁶. Однако страдания окончивших свою жизнь в болезни никак не отражены в историографии, тогда как малейшие перестрелки в «Войне с французами и индейцами» исследованы досконально. На двух театрах Семилетней войны вообще не происходило никаких значимых битв – это так называемая Померанская война между Швецией и Пруссией (1757–1762) и Фантастическая война между Испанией и Португалией (1762)¹²⁷. В то же время в обеих войнах тысячи солдат стали жертвами голода и инфекционных болезней.

Историко-медицинская перспектива подводит к теме истории тела, еще одного плодотворного поля исследований исторической антропологии¹²⁸. Солдаты Старого режима были практически беззащитны против воздействия погоды и окружающей среды, и в сражении форма защищала их минимально¹²⁹. Актуальной темой постоянно оставалось питание, что однозначно указывает на аграрный характер тогдашнего общества, в котором основным продуктом питания был хлеб, а повышение цен быстро становилось для низших классов критическим вопросом выживания¹³⁰.

Примером того, как, исходя из питания, современники могли оценивать менталитет чужих войск, может служить свидетельство саксонского офицера Иоганна Готлиба Тильке (1731–1787) о «хлебе» в российской армии: «Русские солдаты получают не хлеб, а зерно, которое они мелют или, точнее, дробят на ручных мельницах, имеющих по одной на палатку». Из муки в бочках или в земляных полостях готовится квашня и выпечка: «Эти сухари на вид как обожженная в печи глина. Чтобы разжевать их, нужны хорошие зубы и еще лучшие десны,

¹²⁴ *Charters E. M. Disease, War, and the Imperial State: the Welfare of the British Armed Forces during the Seven Years' War. Chicago, IL. etc., 2014; Pranghofer S. Der Umgang mit Krankheit und Seuchengefahr im Kriegsalltag in Nordwestdeutschland, 1757–1763 // Funke N. u. a. (Hrsg.) Krank vom Krieg. Umgangsweisen und kulturelle Deutungsmuster von der Antike bis in die Moderne. Frankfurt a. M.; New York, 2022. S. 105–133.*

¹²⁵ О болезнях в российской армии: *Keep. Russische Armee. S. 148–151. О потерях калмыков: von Archenholz J. W. Geschichte des siebenjährigen Krieges in Deutschland von 1756 bis 1763 // Kunisch J. (Hrsg.) Aufklärung und Kriegserfahrung. Klassische Zeitzeugen zum Siebenjährigen Krieg. Frankfurt a. M., 1996 [1793]. S. 9–513, здесь S. 98–99; почти буквально эти сведения заимствует: von Hülsen C. W. Unter Friedrich dem Großen. Aus den Memoiren des Aeltervaters 1752–1773 / Hrsg. H. von Hülsen. Osnabrück, 1974. S. 48; контекст: von Hasenkamp. Ostpreußen. S. 226–227.*

¹²⁶ *McNeill J. R. Mosquito Empires: Ecology and War in the Greater Caribbean, 1620–1914. Cambridge, 2010. P. 169–187; Charters. Disease. P. 65–85; Füßel. Preis des Ruhms. S. 423–424.*

¹²⁷ В качестве обзорных работ см. о Померанской войне: *Füßel. Preis des Ruhms. S. 216–219, 302–305, 397–400; о Фантастической войне: Ibid. S. 407–412; Sive T. Sveriges deltagande i sjuåriga kriget åren 1757–1762. Stockholm, 1915; Oldach R. (Hrsg.) Schwedens Beteiligung am Siebenjährigen Krieg im Spiegel des Tageregisters der Stadt Loitz 1757–1759. Greifswald, 2014. S. 24–57; Åselius G. Sweden and the Pommeranian War // Danley, Speelman. Global Views. S. 135–164; Speelman P. J. Strategic Illusions and the Iberian War of 1762 // Danley, Speelman. Global Views. P. 429–460; Barrento A. Guerra Fantastica. The portuguese army in the seven years' war. Warwick, 2020.*

¹²⁸ *Lorenz M. Leibhaftige Vergangenheit: Einführung in die Körpergeschichte. Tübingen, 2000.*

¹²⁹ Cp.: *Dinges M. Soldatenkörper in der Frühen Neuzeit. Erfahrungen mit einem unzureichend geschützten, formierten und verletzten Körper in Selbstzeugnissen // van Dülmen R. (Hrsg.) Körper-Geschichten. Frankfurt a. M., 1996. S. 71–98.*

¹³⁰ Cp.: *Collet D. Die doppelte Katastrophe: Klima und Kultur in der europäischen Hungerkrise 1770–1772. Göttingen, 2019.*

которые обыкновенно затем кровоточат. <...> Если сухари у них кончаются, а выпечь новые не получается, они делают себе тюрю из воды с мукой. Такие блюда вряд ли пришлось бы по вкусу нашим изнеженным солдатам. Русский же не только доволен, но и выносит без ропота даже голод и величайшую нужду, если сказать ему, что это по приказанию или с одобрения его императрицы»¹³¹.

Взгляд вблизи позволяет также увидеть языковые компетенции или их отсутствие в качестве важного фактора взаимопонимания и взаимодействия. Многие исторические работы походят на старый голливудский фильм, в котором актеры всегда говорят на одном и том же языке. Хотя латынь и французский составляли универсальные средства общения, в основном господствовало безъязычие¹³². А. Т. Болотов извлекал выгоду из своего знания немецкого языка; он пишет о Тильзите: «Мне немецкий мой язык и в сем случае очень помог. Всем немцам можно то в похвалу сказать, что они отменно благосклонны к тем, которые из иностранных умеют говорить их языком». Он неожиданно получает от пекаря «десяток хлебцов». «Сим образом удавалось мне и все прочее доставать себе купить несравненно с лучшим успехом, нежели другим, языка немецкого неразумующим»¹³³. Британцы в северо-западных немецких землях столкнулись с жителями, не говорившими по-английски, а среди британцев, отправленных в Португалию, лишь единицы знали португальский. Следствием стали многочисленные трения в повседневной жизни.

История тела во многом распространилась также на историю чувств, задавая вопросы о зрении, слухе, вкусе, обонянии и осязании¹³⁴. Постоянное внимание к порядкам видимого позитивно отразилось на истории звука¹³⁵. Были исследованы различные звуковые ландшафты на войне и в мирное время, а также культурная кодировка звуков¹³⁶. Получилась широкая палитра акустических факторов от колокольного звона и грома пушек как наиболее громких звуковых эффектов раннего Нового времени до пения во время баталии или тишины.

Протестантский пастор Христиан Теге описал при Цорндорфе в 1758 г. со стороны российской армии приближение прусских войск:

До нас долетал страшный бой прусских барабанов, но [их полевой] музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, мы слышали звуки гобоев, игравших известный гимн *Ich bin ja, Herr, in deiner Macht!* (Господи, я во власти Твоей!). Ни слова о том, что я почувствовал [при этой музыке]. Но, думаю, никому не покажется необычным, что впоследствии, в течение моей долгой жизни, эта музыка всегда возбуждала во мне самую сильную горечь.

С началом орудийной канонады звуковое поле битвы из полевой музыки превратилось в грохот баталии. Теге пишет далее:

¹³¹ Tielke J. G. Beiträge zur Kriegskunst und Geschichte des Krieges von 1756 bis 1763. 6 Bde. Freyberg, 1775–1786, II. Stück Der Feldzug der Kayserlich Rußischen und Königlich Preußischen Völker im Jahre 1758. 2. Aufl. Freyberg, 1781. S. 55.

¹³² Füßel. Preis des Ruhms. S. 211–214. О взаимосвязях между армией и языком см.: Glück H., Häberlein M. (Hrsg.) Militär und Mehrsprachigkeit im neuzeitlichen Europa, Wiesbaden, 2014.

¹³³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1757–1762: В 2 кн. / Подг. текста А. Ю. Веселовой. Кн. I. СПб., 2022. С. 36–37.

¹³⁴ Smith M. M. Sensing the past: seeing, hearing, smelling, tasting, and touching in history. Berkeley, 2007; отдельно по XVIII в.: Vila A. C., Classen C. (Eds) A Cultural History of the Senses in the Age of Enlightenment. London etc., 2014.

¹³⁵ Missfelder J. F. Period Ear. Perspektiven einer Klanggeschichte der Neuzeit // Geschichte und Gesellschaft 38 H. 1. 2012. S. 21–47.

¹³⁶ Füßel M. Zwischen Schlachtenlärm und Siegesklang. Zur akustischen Repräsentation von militärischer Gewalt im Siebenjährigen Krieg (1756–1763) // Stockhorst S. (Hrsg.) Krieg und Frieden im 18. Jahrhundert. Kulturgeschichtliche Studien. Hannover, 2015. S. 149–166; Möbius S. Ein feste Burg ist unser Gott...! und das entsetzliche Lärmen ihrer Trommeln. Preußische Militärmusik in den Schlachten des Siebenjährigen Krieges // Nowosadtko J., Rogg M. (Hrsg.) «Mars und die Musen». Das Wechselspiel von Militär, Krieg und Kunst in der Frühen Neuzeit. Berlin, 2008. S. 261–289.

Пока неприятель приближался шумно и торжественно, российская армия стояла так неподвижно и тихо, что казалось, там нет ни одной живой души. Но вот раздался гром прусских пушек, и я отъехал внутрь каре, спустившись в углубление. <...> Страшный рев пушек и пальба из ружей ужасно усиливались. <...> Пули беспрерывно свистели в воздухе.

Шум оглушает и постепенно наполняется криками раненых:

«Был час пополудни. Битва между тем страшно усиливалась. Мы ехали окруженные людьми, оглушаемые криком раненых и умирающих. Прусские пули достигали русских уже и здесь. Даже при нашем выезде [из каре] пуля попала в котелок казака, наделав такого звона, что я чуть не лишился чувств»¹³⁷.

Шум битвы не только имел тактическое и топическое значение, но и действительно, очевидно, в большей степени, нежели оптические впечатления, оставался в памяти исторических акторов.

Вызовы и новые впечатления война принесла и для вкусовых ощущений. В свидетельствах современников оставили свои следы непривычные продукты питания или их суррогаты, а также опустошение, трупы и нечистоты¹³⁸. Прежние призывы преодолеть заикливание на текстовых источниках получили разнообразные новые перспективы в свете «материального поворота» (*material turn*)¹³⁹. Так историческая антропология сталкивается в области исследования битв с человеческой антропологией, однако ее эвристический потенциал прежде всего полезен для событий, мало задокументированных письменными источниками. Исследований по Семилетней войне здесь пока немного, но и в этой области глобальная перспектива обещает важные открытия, например для археологии фортов в Северной Америке или для отдельных батальонов в Европе¹⁴⁰.

Несмотря на давно высказанную потребность в «военной истории, которая рассказывает о смерти», именно акт убийства составляет парадоксальный пробел в исследовании войн XVIII в. в целом и истории Семилетней войны в частности¹⁴¹. Причины заключаются как в ситуации с источниками, так и в исследовательских интересах. Насыщенное описание боевых действий напоминает традиционную военно-оперативную историю, а такие труды, как «Лик битвы» Джона Кигана, до сих пор не нашли достаточно продолжателей¹⁴². Это также прежде всего объясняется ситуацией с документами: источники, которыми Киган располагал для битвы при Ватерлоо, не представлены так плотно ни для одной из битв Семилетней войны¹⁴³. Следующая эвристическая проблема – в недостаточной тематизации в личных свидетельствах и эго-документах собственного насилия. Почти все изображают себя пассивными жертвами и лишь очень редко активными действующими лицами. Возможные причины многообразны и здесь. Моти-

¹³⁷ Tege. Стлб. 1123–1125.

¹³⁸ Füßel. Preis des Ruhms. S. 208–211.

¹³⁹ Füßel. Materialität.

¹⁴⁰ Starbuck D. R. The Legacy of Fort William Henry: Resurrecting the past. Hanover, NH, 2014; Stahl A. Roßbach 1757 // Meller H. (Hrsg.) Preußische Kriegezeiten: Schlachten, Gefechte und Belagerungen in Sachsen-Anhalt 1757–1814. Halle, 2016. S. 141–166; Podruczny G., Wrzosek J. Lone Grenadier: An Episode from the Battle of Kunersdorf, 12 August 1759 // Journal of Conflict Archaeology 9. № 1. 2014. P. 33–47.

¹⁴¹ Geyer M. Eine Kriegsgeschichte, die vom Tod spricht // Lindenberger T., Lüdtke A. (Hrsg.) Physische Gewalt. Studien zur Geschichte der Neuzeit. Frankfurt a. M., 1995. S. 136–161. Раннее Новое время отсутствует, например, в: von Stietencron H., Rüpkе J. (Hrsg.) Töten im Krieg. Freiburg i. Br. Etc., 1995.

¹⁴² Kegan J. The face of battle. London, 1976.

¹⁴³ Первое новаторское исследование: Möbius S. «Von Jast und Hitze wie vertaumelt». Überlegungen zur Wahrnehmung von Gewalt durch preußische Soldaten im Siebenjährigen Krieg // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte NF 12. 2002. S. 1–34; с точки зрения истории эмоций: Füßel M. Emotions in the Making: The Transformation of Battlefield Experiences during the Seven Years' War (1756–1763) // van der Haven C., Kuijpers E. (Eds) Battlefield Emotions 1500–1850. Experiences, Practices, Imagination. London, 2016. P. 149–172.

вом могли стать, например, религиозно обусловленные проблемы тематизации у пиетистов, писавших обычно охотно, равно как и ощущение себя у пехотинца лишь колесиком большой машины: он честно расстреливает все свои патроны при стрельбе плутонгами, не попадая ни в кого конкретно¹⁴⁴. Характерно, что у егерей это уже выглядит по-другому¹⁴⁵. Кроме того, большинство свидетельств оставили офицеры, которые скорее командовали, чем сражались сами¹⁴⁶. В высказываниях о физическом насилии предпочитали прибегать к топике невыразимости или использованию уменьшительных форм и эвфемизмов¹⁴⁷. Возраставшее значение артиллерии имело следствием как ощущение незащитности перед смертельным огнем с дистанции, так и эстетизацию артиллерийского огня на полях сражений и при осадах городов¹⁴⁸. Особое впечатление на европейских полях битв оставили шуваловские гаубицы, намеренное засекречивание которых создало особую ауру чудо-оружия¹⁴⁹.

Взгляд на нормативные источники, такие как уставы и справочники по экзерциции, показывает, что в них, в отличие от современных руководств, эффективность убийства не тематизировалась. У солдат почти не имелось, таким образом, и вербальных образов.

С тематикой насилия тесно связаны и современные эпохе гендерные образы. На сегодняшний день имеются многочисленные исследования представлений о маскулинности в Семилетней войне, в то время как классические темы истории женщин затронуты сравнительно мало, во всяком случае для европейского театра¹⁵⁰. Между тем во время войны женщины временно брали на себя классические мужские роли, будь то переодетая солдатка или поэтесса, они становились жертвами сексуального насилия, ухаживали за больными или, овдовев, вынуждены были вести домашнее хозяйство¹⁵¹. Здесь еще достаточно потенциала для будущих исследований.

4. О ЛОЖАХ И ТАБАКЕРКАХ: МИКРОИСТОРИИ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Тот факт, что Семилетняя война была конфликтом глобального масштаба, не является для исторической науки чем-то новым. В XIX и XX вв. этот глобальный аспект несколько отступил на задний план, но за последние тридцать лет стал привлекать внимание снова. Тем не менее переплетенная история войны оставалась скорее абстрактной, методологически она или

¹⁴⁴ *Füssel*. *Preis des Ruhms*. S. 117–122, 244–245.

¹⁴⁵ *Ibid.* S. 138.

¹⁴⁶ *Externbrink S.* «Que l'homme est cruel et méchant!» Wahrnehmung von Krieg und Gewalt durch französische Offiziere im Siebenjährigen Krieg // *Historische Mitteilungen* 18. 2005. S. 44–57.

¹⁴⁷ *Bath F. C.* Die Schlacht bei Minden 1759 in der Sicht englischer Kampfteilnehmer // *Mitteilungen des Mindener Geschichtsvereins* 48. 1976. S. 104–114.

¹⁴⁸ Ср., например, описание А. Т. Болотовым битвы при Гросс-Егерсдорфе, *Füssel*. *Preis des Ruhms*. S. 153 и критику в Пруссии бомбардировки Кюстрина (*Ibid.* S. 241).

¹⁴⁹ *Dirrheimer G., Fritz F.* Einhörner und Schuwalowsche Haubitzen. Russische Geschützlieferungen an die Österreicher im Siebenjährigen Krieg // *Allmayer-Beck J. C. (Hrsg.) Maria Theresia: Beiträge zur Geschichte des Heerwesens ihrer Zeit*. Graz; Wien; Köln, 1967. S. 54–80; *Keep*. *Russische Armee*. S. 140.

¹⁵⁰ *Möbius S.* «Bravthun», «entmannende Furcht» und «schöne Überläuferinnen». Zum Männlichkeitsbild preussischer Soldaten im siebenjährigen Krieg in Quellen aus Magdeburg, Halle und der Altmark // *Labouvie E. (Hrsg.) Leben in der Stadt. Eine Kultur- und Geschlechtergeschichte Magdeburgs*. Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 79–96; *Boulware T.* «We are MEN». Native American and Euroamerican Projections of Masculinity during the Seven Years' War // *Foster T. A. (Ed.) Manliness in Early America*. New York; London, 2011. P. 51–70.

¹⁵¹ Ср.: *Füssel M.* Unsichtbare Zeugen. Frauen im Siebenjährigen Krieg // *Brockfeld S., Schnelling-Reinicke I. (Hrsg.) Karrieren in Preußen – Frauen in Männerdomänen*. Berlin, 2020. S. 189–209; *Engelen B.* Soldatenfrauen in Preußen: Eine Strukturanalyse der Garnisonsgesellschaft im späten 17. und 18. Jahrhundert. Münster, 2005; *Fatherly S.* Tending the Army. Women and the British General Hospital in North America, 1754–1763 // *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal* 10. 2012. P. 566–599; *Way P.* Venus and Mars: Women and the British-American Army in the Seven Years' War // *Flavell J., Conway P. (Eds) Britain and America Go to War: The Impact of War and Warfare in Anglo-America, 1754–1815*. Gainesville, 2004. P. 41–68.

следовала за региональными исследованиями (*area studies*), обращая внимание на определенную территорию за океаном, или тематизировала исторические переплетения, исходя из перспективы геополитических стратегий. Расширение перспективы произошло благодаря истории коммуникации, медиа и прессы, которая исследовала информационную коммуникацию с колониями или дискуссии о колониальной политике в европейской и американской прессе¹⁵². У грамотной публики имелся широкий выбор печатных изданий с богатой информацией в том числе об отдаленных местах событий. К этому эвристическому подходу, рассматривающему информацию и циркуляцию знания, можно добавить еще два, не производных в строгом смысле из исторической антропологии, но получивших благодаря ей решающий импульс. Это история того, что можно анахронически назвать транснациональными организациями, и история материальной культуры. Купцы и торговцы, а следовательно, и торговые компании вроде Британской (*East India Company*) или Французской Ост-Индской (*Compagnie des Indes orientales*) попали в поле зрения историков уже давно¹⁵³. В меньшей степени в исследованиях по Семилетней войне фигурировали протестантские миссионеры, орден иезуитов или масоны. Все это «общества» с богатой исследовательской литературой, которая, однако, применительно к войне не поднималась до перспективы геополитики. Если Британская Ост-Индская компания практически выступала в войне как отдельная сторона, то о других этого безусловно сказать нельзя, однако они распространяли информацию, поддерживали глобальные сети, осуществляли на местах пастырскую деятельность и медицинский уход¹⁵⁴. Даже при том что Семилетняя война не была религиозной, роль конфессиональных и религиозных различий в повседневности трудно переоценить¹⁵⁵. Религиозные акторы обладали здесь большим влиянием, например когда уговаривали солдат дезертировать или, наоборот, воодушевляли на богослужениях. Воинские ложи перемещались вместе с армией, давая возможность перемены обстановки и контактов с местными элитами¹⁵⁶.

Наряду с организованными акторами существовали также те, кого историки часто именуют посредниками между культурами (*go-betweens*, *cultural brokers*), кто путешествовал между разными мирами более или менее в одиночку¹⁵⁷. Среди них Ананда Ранга Пиллаи (1709–1761), индийский торговец из Пондишери, который поддерживал контакты с французами и тщательно записывал события войны в объемном дневнике; отметил он и Лиссабонское земле-

¹⁵² Banks K. Chasing Empire across the Sea. Communications and the State in the French Atlantic, 1713–1763. Montreal, 2002; Wien T. Rex in fabula. Travailler l'inquiétude dans la correspondance adressée aux autorités métropolitaines depuis le Canada (1700–1760) // *Outre-mers* 96. 2009. P. 65–85. О пещеце ср.: Spector E. D. English Literary Periodicals and the Climate of Opinion During the Seven Years' War. Den Haag, 1966; Schweizer K. W. Foreign Policy and the 18th Century English Press: The Case of Israel Mauduit's Considerations on the Present German War // *Publishing History* 39. 1996. P. 45–53; Copeland D. A. Debating the Issues in Colonial Newspapers. Primary Documents on Events of the Period. Westport, CT u. a., 2000. P. 165–175; Schumann M., Schweizer K. W. Anglo-American War Reporting, 1749–1763: The Press and a Research Strategy // *Canadian Journal of History* XLIII. 2008. P. 265–277; Persson M. Mediating the Enemy: Prussian representations of Austria, France and Sweden during the Seven Years' War // *German History* 32. Vol. 2. 2014. P. 181–200; Füßel. Preis des Ruhms. S. 315–345.

¹⁵³ Vaughn J. M. The politics of empire at the accession of George III: the East India Company and the crisis and transformation of Britain's imperial state. New Haven; London, 2019; Mann M. Bengalen im Umbruch: die Herausbildung des britischen Kolonialstaates 1754–1793. Stuttgart, 2000; Haudrère P. La Compagnie française des Indes aux XVIII siècle. 2 vols. Paris, 2005.

¹⁵⁴ Thwaites R. G. (Ed.) The Jesuit relations and allied documents. Vol. 70: All missions: 1747–1764. Vol. 71: Lower Canada. Illinois: 1759–1791. Miscellaneous errata. New York, NY, 1959; Flucke C. (Hrsg.) Die litterae annuae. Die Jahresberichte der Gesellschaft Jesu aus Altona und Hamburg (1598–1781). Zweiter Halbband: 18. Jahrhundert. Münster, 2015; Häberlein M., Schmölz-Häberlein M. Halles Netzwerk im Siebenjährigen Krieg: Kriegserfahrungen und Kriegsdeutungen in einer globalen Kommunikationsgemeinschaft. Halle; Wiesbaden, 2020.

¹⁵⁵ Füßel. Preis des Ruhms. S. 190–205; Fuchs A. Der Siebenjährige Krieg als virtueller Religionskrieg an Beispielen aus Preußen, Österreich, Kurhannover und Großbritannien // Brendle F., Schindling A. (Hrsg.) Religionskriege im Alten Reich und in Alteuropa. Münster, 2006. S. 313–343.

¹⁵⁶ Harland-Jacobs J. L. Builders of Empire: Freemasons and British Imperialism, 1717–1927. Chapel Hill, NC, 2007; Önnersfors A. Freimaurerei und Offizierium im 18. Jahrhundert // *Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit* 14 H. 1. 2010. S. 229–250, для Семилетней войны см.: S. 237–238.

¹⁵⁷ Schaffer S. u. a. (Eds) The Brokered World. Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820. Sagamore Beach, 2009.

трясение¹⁵⁸. Африканец Олауда Эквиано (1745–1797), который провел войну в качестве раба-прислужника на борту разных кораблей, или Маркус Ульман (1738–1764), ученик цирюльника, дезертировавший из швейцарского полка в Вестфалии и позднее оказавшийся в качестве судового врача при осаде британцами Гаваны, – все они оставили свидетельства своей бурной жизни на стыке между разными мирами¹⁵⁹.

Самым распространенным словесным образом, который использовали современники для интерпретации глобальных взаимосвязей, был мировой пожар или пламя, перекидывавшееся от искры из другого региона¹⁶⁰. Так происходила актуализация и своего рода глобализация традиционного шаблона интерпретации. Однако с точки зрения исторической антропологии современники могли прибегнуть и к более оригинальным образам, в которых оказывается задействована материальная культура¹⁶¹. Ирландский новеллист Чарльз Джонстон (1719–1800) в 1760–1765 гг. опубликовал сначала в двух (1760), а затем в четырех томах (1765) сатиру «Хризал, или Приключения гиней»¹⁶². В произведении, которое отдает дань целому жанру рассказов от третьего лица (*it-narratives*), героем выступает одушевленная монета, которая переходит из рук в руки и вращается по всему миру¹⁶³. После ее «рождения» в Перу среди ее владельцев оказываются люди «всякого положения в жизни, через руки которых она прошла, в Америке, Англии, Голландии, Германии и Португалии». Наряду с обувью, тростью, плащом или письменным столом платежные средства были особенно популярны в рассказах от лица вещей; в XVIII в. неизбежно должны были последовать и приключения банкноты или рупии. И сам замысел не принадлежит Джонстону, он опирался на предшественников начала XVIII в. То, что делает «Хризал» столь современным, наряду с «социальной жизнью вещей» или «говорящих вещей», – это перспектива глобального обращения и первенства в системе ценностей денег, которые объединяют микро- и макроуровень войны в духе «плоской онтологии»¹⁶⁴. О восприятии войны вне Европы свидетельствуют и изделия современной эпохи художественных ремесел, которые можно назвать сувенирной продукцией раннего Нового времени: табакерки, памятные, или «виватные», ленты (*Vivatbänder*), шраубталеры – составные талеры с вложенными бумажными сюжетными панорамами, фарфор и т. п. «Виватные» ленты с набивкой на ткани носили на публике как петлицы, а также коллекционировали и использовали как сувенир¹⁶⁵. На одной из таких лент 1758 г. изображена, например, битва при Цорндорфе между пруссаками и русскими вместе со взятием британцами Луисбурга¹⁶⁶. Тематические табакерки из Изерлона пережили во время войны настоящий бум батальных сюжетов¹⁶⁷. Так, на одной из

¹⁵⁸ Price J. F., Dodwell H. (Eds) *The Private Diary of Ananda Ranga Pillai*, Dubash to Joseph John Frederic François Duplex, ... an Governor of Pondichery: a record of matters political, historical, social and personal from 1736 to 1761; Translated from the Tamil. 12 vols. Madras, 1904–1928; о нем: Srinivasachari C. S. Ananda Ranga Pillai, the «Pepys» of French India. With a foreword by Sir Shafant Ahmad Khan. Madras, 1940.

¹⁵⁹ Equiano O. The interesting narrative of the life of Olaudah Equiano or Gustavus Vassa the African. London, 1789; о нем: Regan S. Olaudah Equiano and the Seven Years' War: Slavery, Service and the Sea // De Bruyn, Regan. Culture. P. 235–256; Uhlmann M. Das abwechselnde Fortün oder das veränderte Schicksal eines Jünglingen. Ein Reisebericht aus der Zeit des Siebenjährigen Krieges / Hrsg. von J.-P. Bodmer. Zürich, 1980.

¹⁶⁰ Füßel. Preis des Ruhms. S. 68–71.

¹⁶¹ Füßel M., Petersen S. Ananas und Kanonen. Zur materiellen Kultur globaler Kriege im 18. Jahrhundert // Historische Anthropologie 23 H. 3. 2015. S. 366–390.

¹⁶² Johnstone C. *Chrysal or the Adventures of a Guinea* / Ed. by K. Bourque. 2 vols. Kansas City, 2011.

¹⁶³ Blackwell M. (Ed.) *The secret life of things: animals, objects, and it-narratives in eighteenth-century England*. Lewisburg, 2007.

¹⁶⁴ Appadurai A. (Ed.) *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge, 1986; Daston L. (Ed.) *Things That Talk. Object Lessons from Art and Science*. New York, 2004.

¹⁶⁵ Vanja K. (Hrsg.) *Vivat – Vivat – Vivat! Widmungs- und Gedenkbänder aus drei Jahrhunderten*. Berlin, 1985.

¹⁶⁶ Füßel. Preis des Ruhms. S. 332–334.

¹⁶⁷ Cp.: Könenkamp W.-D. *Iserlohner Tabaksdosen. Bilder einer Kriegszeit*. Münster, 1982; Hertel S. Ein Bild von Freund und Feind. Die Iserlohner Tabaksdosen im Medienkrieg zwischen Friedrich II. und Maria Theresia // Der Märker 67/68. 2019. S. 81–97.

них изображены вместе франко-британское морское сражение при Картахене 1758 г. и битва при Росбахе 1757 г. – и там и там французы потерпели поражение¹⁶⁸.

Поражения французов и связанных с ними с 1761 г. «семейными» узами союзников-испанцев напоминают также о том, что при всем внимании к историям переплетений не следует упускать из виду и идущие параллельно истории разъединений¹⁶⁹. Французская колониальная империя после войны сначала значительно сократилась и была в поиске новых зон влияния. Последствиями этого стали как попытка колонизации Гвианы, закончившаяся гуманитарной катастрофой, так и последующая ориентация на Африку¹⁷⁰. Если следовать за многочисленными работами, которые видят в «Французской и индейской войне» этап на пути к Войне за независимость США, то разъединение в среднесрочной перспективе коснулось и значительной части Британской империи¹⁷¹. Считать ли это предметом исторической антропологии, а не классической истории геополитики и империй? В Куру, ныне городке Французской Гвианы, где среди прочих 17 тысяч переселенцев пытались поселить около 11 тысяч колонистов-католиков из Эльзаса и юго-западной Германии, вспыхнули болезни¹⁷². Около 10 тысяч человек умерли от недоедания, горячки и эпидемий.

Не надо думать – хотя события 2020 г. с эпидемией ковида и могут наводить на такие мысли, – что болезни следует объявить теперь все объясняющим результирующим фактором в истории. Но в то же время тропические болезни британских экспедиционных войск на Кубе и Война за независимость США связаны между собой, пусть и неприметным и косвенным образом, поскольку на Кубе были задействованы полки из Нью-Йорка, отсутствовавшие на Понтиакской войне против индейцев, произошедшей сразу вслед за Семилетней. Их потери внушили населению Восточного побережья убеждение, что они достаточно пострадали на войне, вопреки обвинениям колонистов в том, что они не поддерживают единство, неблагодарны и нелояльны. Именно в повседневной жизни различные меры британцев в сфере налогообложения стали восприниматься болезненно, что способствовало формированию чувства общности колонистов.

5. ИТОГИ

История восприятия войны несомненно играет центральную роль, но не равнозначна исторической антропологии войны: последняя скорее тяготеет к малой «тотальной истории» или «детальной истории целого»¹⁷³. Это требует объяснений, поскольку к «тотальной истории» в Германии 1980–1990-х гг. относились уничижительно, понимая ее в намеренно иска-

¹⁶⁸ Könenkamp. Tabaksdosen. S. 74–75.

¹⁶⁹ Ср. также программную статью: Gänger S., Osterhammel J. Denkpause für Globalgeschichte // Merkur 74 H. 855. 2020. S. 79–86.

¹⁷⁰ Godfroy M. F. Kourou and the struggle for a French America: war, culture and society, 1730–1830. Houndmills; Basingstoke; Hampshire, 2015; Rothschild E. A Horrible Tragedy in the French Atlantic // Past and Present 192. 2006. P. 67–108; Regourd F. Kourou 1763. Succès d'une enquête, échec d'un projet colonial // Castelnau-L'Estoile C., Regourd F. (Eds) Connaissances et pouvoirs. Les espaces impériaux, XVIe – XVIIIe s. France, Espagne, Portugal. Bordeaux, 2005. P. 233–252.

¹⁷¹ Литература на эту тему необозрима, ср.: Murrin J. M. The French and Indian War, the American Revolution, and the Counterfactual Hypothesis: Reflections on Lawrence Henry Gipson and John Shy // Reviews in American History 1 H. 3. 1973. P. 307–318; Greene J. P. The seven years' war and the American revolution: The causal relationship reconsidered // The Journal of Imperial and Commonwealth History 8/2. 1980. P. 85–105; Anderson. Crucible. P. 453–746.

¹⁷² Braun F., Egenberger K., Hacker W. Auswanderung aus Deidesheim, Weinstrasse, Forst und Niederkirchen nach Südosteuropa und Cajenne im 18. Jahrhundert // Pfälzisch-rheinische Familienkunde 20. 1971. S. 169–176, 207–214 и 21. 1972. S. 245–252, 277–280; Schnabel B. Die Auswanderung aus dem bischöflich-speyerischen Amt Deidesheim in die französische Kolonie Guyana (Cayenne) in den Jahren 1763/1764 // Deidesheimer Heimatblätter 8. 1992. S. 1–27; к истории медицины ср.: Chaia J. Échec d'une tentative de colonisation de la Guyane au XVIIIe siècle. Étude médicale de l'expédition de Kourou 1763–64 // Biologie médicale 47. 1958. P. I–LXXXIX.

¹⁷³ Medick. Krieg. S. 13.

женном виде как высокомерную попытку изображения исторического феномена во всей его целостности¹⁷⁴. На самом же деле подразумевается множественность перспектив и отражение этой множественности в нарративе, который не ограничивается одной группой акторов, одним жанром или одним эвристическим методом. Так история войны становится также тестовым случаем для историографической практики исторической антропологии. Так предмет войны ставит перед ней следующие вызовы: наряду с уже хорошо протоптанными путями истории восприятия «снизу» требуется заново заняться и такими классическими темами, как финансирование армии, логистика, военная техника или кабинетная политика.

Множественность перспектив не означает простого приплюсования процессов и контекстов, в особенности в истории глобальных переплетений. Глобальное измерение Семилетней войны содержится в отдельных людях, их практиках и свидетельствах, а не в отдельной от них структуре *sui generis*. Кроме того, пары микро vs макро и локальное vs глобальное не идентичны и не взаимозаменяемы¹⁷⁵. Создавать нарративы с множественными перспективами – значит не лишать акторов их интенциональности, но прежде всего бережно контекстуализировать их намерения. Для этого требуется симметричная перспектива, которая не различает априори главных и второстепенных акторов. Симметрия – это и важный корректирующий фактор для изображения процессов, чтобы избежать нарративного шаблона телеологической истории победителей. Современники Семилетней войны сами показали пример, когда в 1763 г., после подписания Парижского мира, в Лондоне вышел один из первых романов о будущем, рисовавший мировую гегемонию французов в XIX и XX вв. как следствие слишком мягких с британской точки зрения условий мирного договора¹⁷⁶. Наконец, для истории войны «вблизи», которая критически держит в уме разницу между предметом и перспективой, наилучшим мотивом представляется стремление к миру¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Ср. об этом: *Füssell M.* Die Ganzheit der Geschichte und die Vielheit der Geschichten // Geulen E., Haas C. (Hrsg.) Formen des Ganzen. Göttingen, 2022. S. 379–394.

¹⁷⁵ *de Vito C. G.* Verso una microstoria translocale (Micro-spatial history) // Quaderni Storici 3. 2015. P. 815–833; *Idem.* History Without Scale: The Micro-Spatial Perspective // Ghobrial. Global History. P. 348–372.

¹⁷⁶ [Anonym]. The Reign of George VI, 1900–1925. London, 1763. Ср. об этом: *Anderson F.* The Peace of Paris, 1763 // Murray W., Lacey J. (Eds) The Making of Peace: Rulers, States, and the Aftermath of War. Cambridge; New York, 2009. P. 101–129.

¹⁷⁷ *von Krusenstjern B., Medick H.* (Hrsg.) Zwischen Alltag und Katastrophe. Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe. Göttingen, 1999.

Международные отношения: политика и экономика

Максим Юрьевич Анисимов

ИСТОЧНИКИ О СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ В АРХИВЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Семилетняя война в России война малоизвестная и малоисследованная; до последнего времени ей были посвящены всего две монографии: в XIX в. трехтомный труд полковника Дмитрия Масловского¹⁷⁸ и в середине XX – историка еще дореволюционной школы Николая Коробкова¹⁷⁹, обе они касаются боевых действий русской армии. О причинах войны и ее роли во внешней политике России информации в них очень мало.

Из-за отсутствия исследований российских дипломатических документов времен Семилетней войны и опоры в этом на мемуары и иностранные исследования XIX в., в России сложилось представление о том, что эта война была случайной для России, что правительство Елизаветы Петровны было втянуто в нее своими союзниками вопреки русским интересам.

В 1912 г. Русское историческое общество опубликовало в своем сборнике¹⁸⁰ протоколы Конференции при Высочайшем дворе, коллективного органа, созданного в 1756 г. для руководства военными действиями в намечавшейся войне России с Пруссией. В этих документах можно было увидеть, что еще до начала Семилетней войны Россия стремилась к войне против Пруссии, определила свои цели и интересы в ней.

Однако в самой России публикация этих протоколов была практически не замечена историками, чему, вероятно, способствовало скорое начало Первой мировой войны и последующая революция и Гражданская война.

На Западе с 1950-х гг. знакомство с протоколами Конференции вызвало своеобразную революцию в устоявшихся представлениях о зависимой роли России в начале Семилетней войны: с этого момента представление о том, что Россия имела в войне свои интересы, стремилась к войне и была одним из самых активных участников подготовки этого масштабного конфликта, стало общепризнанным¹⁸¹.

В СССР, а затем и Российской Федерации новые исследования иностранных историков также оказались не востребованы, вероятно в связи с отсутствием специалистов по истории елизаветинской внешней политики. Холодная война, отечественная ведомственная секретность и языковой барьер мешали иностранным историкам изучать русские источники, прежде всего дипломатические, о важности исследования которых относительно выяснения подлинных причин Семилетней войны писал, например, немецкий историк Михаэль Мюллер¹⁸².

Что же могут сказать документы Архива внешней политики Российской империи МИД России об участии России в Семилетней войне в целом?

Прежде всего, документы АВПРИ освещают причины русского участия в этой войне, что имело долгую предысторию. Н. Н. Яковлев посвятил свою работу участию России в «Диплома-

¹⁷⁸ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну: В 3 т. М., 1886–1891.

¹⁷⁹ Коробков Н. М. Семилетняя война (Действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940.

¹⁸⁰ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // СИРИО. Т. 136. СПб., 1912.

¹⁸¹ Butterfield H. Reconstruction of an Historical Episode: The History of the Enquiry into the Origins of the Seven Years' War. Glasgow, 1951; Mediger W. Moskaus Weg nach Europe. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952; Kaplan H. H. Russia and the Outbreak of the Seven Years' War. Los Angeles, 1968.

¹⁸² Müller M. G. Rußland und der Siebenjährige Krieg: Beitrag zu einer Kontroverse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 28. H. 2. 1980. S. 198.

тической революции», рассмотрев документы фонда АВПРИ «Сношения России с Англией» за 1755–1756 гг., то есть время самой «Дипломатической революции»¹⁸³. Однако даже сами переговоры, приведшие к заключению англо-русской субсидной конвенции, толкнувшие Лондон на заключение Вестминстерского договора с Пруссией, начались в 1753 г., а стремление русского двора воевать именно с государством Фридриха II, что и привело к разногласиям России и Британии при подготовке субсидной конвенции, появилось еще раньше: Россия стала готовиться к войне с Пруссией в 1745 г.

По дипломатическим документам АВПРИ можно проследить, как с 1741 г. русские дипломаты стали присылать в Петербург все более тревожные известия о росте могущества Пруссии, которая в 1740 г., выступив против прежде мощной Австрии, сокрушила ее, тем самым разрушив веками устоявшийся баланс сил в Центральной и Восточной Европе. Наряду с Австрией, одной великой европейской державой стала подниматься и другая, непредсказуемая и агрессивная Пруссия под властью Фридриха II. С 1744 г. елизаветинский канцлер Алексей Бестужев-Рюмин приходит к мысли о необходимости сокрушения сил Пруссии. Он пишет множество представлений, которые находятся в фонде АВПРИ «Внутренние коллежские дела», убеждая императрицу принять его точку зрения, и осенью 1745 г. добивается своего.

При этом Бестужев-Рюмин предложил следующую модель сокрушения Пруссии: опыт Голландии, которая, прямо не участвуя в европейской войне, выступает лишь в качестве союзника тех стран, позиции которых выгодны Гааге, предоставляя им ограниченную союзную помощь или деньги. Союзники делают все сами, а голландцы пожинают успехи¹⁸⁴. Именно эта модель места России в системе международных отношений будет принята на долгие годы, и именно эта «голландская модель» Бестужева-Рюмина в итоге приведет к тому, что Семилетняя война, в которую Россия вступила именно таким хитрым способом, маскируя свои истинные цели, и станет у нас неизвестной войной, начатой непонятно зачем и почему.

Принцип управления внешней политикой императрицы Елизаветы требовал созыва конференции главных ее сановников для обсуждения решения. В фонде «Сношения России с Пруссией» есть протоколы этих заседаний осени 1745 г., на которых было принято решение выступить против Пруссии в защиту Саксонии, отправив ей на помощь русский корпус¹⁸⁵. Однако мир, подписанный Фридрихом II с Саксонией и Австрией, был выгоден Дрездену: ему возвращали контроль над всей Саксонией. России больше не с кем было воевать против Пруссии.

Но задача «локализации» Пруссии, как сформулировал это М. Мюллер¹⁸⁶, то есть лишения ее великодержавного статуса, не была снята с повестки дня в Петербурге. В рамках планов Бестужева-Рюмина России нужны были союзники, которые и возьмут на себя главную роль в этой борьбе.

В 1753 г., казалось, пришло время для начала новой войны против Пруссии. В этот год осложнившиеся отношения между Пруссией и Великобританией заставили Лондон обратиться к России с предложением снова, как и в годы Войны за австрийское наследство, подготовить русский корпус на случай нападения Фридриха II на Ганновер, германское родовое владение английского короля. В Петербурге радостно ухватились за это предложение, чтобы опять же использовать ту «голландскую модель» участия в войнах, предложенную Бестужевым-Рюминым. Снова состоялось совещание главных сановников, военных и дипломатов Елизаветы Петровны, но вот протоколов этих заседаний в АВПРИ нет, хотя сведения о них находятся в донесениях английских дипломатов из Петербурга. Польский историк Т. Швачинский заин-

¹⁸³ Яковлев Н. Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.

¹⁸⁴ Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина к графу М. Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1870. С. 84.

¹⁸⁵ АВПРИ. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1745. Д. 10.

¹⁸⁶ Müller M. G. Rußland und der Siebenjährige Krieg: Beitrag zu einer Kontroverse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 28. H. 2. 1980. S. 208–214.

тересовался их местонахождением, и можно высказать предположение, что они так и остались у канцлера Бестужева-Рюмина, так как по свидетельству союзных России дипломатов императрица распорядилась отдать протоколы именно ему для секретного хранения¹⁸⁷, а не оставлять столь важные тайные документы в Сенате или Коллегии иностранных дел.

Как известно, российский план войны с Пруссией в качестве вспомогательной силы Великобритании тоже не реализовался из-за Вестминстерской конвенции 1756 г. Лондона и Берлина. Тем не менее, осознав потерю одного союзника-ширмы, Россия все равно готовилась к войне с Пруссией, опираясь теперь уже на свой союз с Веной, стремившейся к реваншу над Пруссией за две Силезские войны. Прусский король Фридрих II знал об этих планах от своей дипломатической разведки и предпочел атаковать первым, не дожидаясь готовности своих врагов.

Началась Семилетняя война, и мы можем увидеть в дипломатических документах АВПРИ, как параллельно с военной силой России росло и ее значение в Европе, как менялось отношение к России в австрийской столице Вене. Австрийцы даже подписали новый союз с Россией в 1760 г. на равноправных условиях, в это же время гарантируя свою поддержку территориальным планам России по итогам войны (имеются в виду российские планы на присоединение Восточной Пруссии).

Следует отметить, что не удалось найти никаких документов, которые свидетельствовали бы о каких-либо антироссийских действиях австрийских властей, хотя такие утверждения, без каких-либо подтверждений, постоянно встречаются в разных российских работах о Семилетней войне. Причинами этого зачастую являются как разные ретроспекции в отношении Первой мировой войны, так и в целом распространенное в стране недоверие к западным союзникам в целом и к немцам в особенности. Однако исторические документы показывают отсутствие таких опасений у русской дипломатии времен Семилетней войны. При этом следует сказать, что в венских архивах есть свидетельства антироссийских планов главы австрийской дипломатии графа В. Кауница, который опасался скорого восхождения на российский трон Петра Федоровича, уже являющегося герцогом Гольштейна, одного из членов Священной Римской империи. Канцлер считал, что тогда русские получат полное господство на Балтике и русский император, контролируя север Германии, будет способен фактически самостоятельно управлять Священной Римской империей, поэтому предлагал императрице-королеве Марии Терезии выступить против планов России на присоединение Восточной Пруссии¹⁸⁸. Реакция самой Марии Терезии на это представление неизвестна, но русские дипломаты и военные не заметили никакой активности австрийского двора в этом деле.

Французская дипломатия, несмотря на общее нежелание короля Людовика XV сближаться с Россией, в лице государственного секретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля, стремилась заключить союз с Россией на послевоенные годы. Потерпев неудачу в планах заключения военно-политического союза с Россией, герцог де Шуазель совместно с российским канцлером графом М. И. Воронцовым подготовил к подписанию русско-французский торговый договор, который не был заключен из-за смерти Елизаветы Петровны и прихода к власти в Петербурге императора Петра III.

Британия, всю войну поддерживавшая лояльные отношения с Россией, сохранявшая с ней взаимовыгодную торговлю, спокойно относилась к планам послевоенного расширения ее территорий.

Главной архивной находкой, касающейся российского участия в Семилетней войне, стало незаметное тонкое дело в фонде «Сношения России с Австрией». Это была переписка русского

¹⁸⁷ Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902. С. 168–170.

¹⁸⁸ Kunisch J. Der Aufstieg neuer Großmächte im 18. Jahrhundert und die Aufteilung der Machtsphären in Ostmitteleuropa // Das europäische Staatensystem im Wandel: Strukturelle Bedingungen und bewegende Kräfte seit der Frühen Neuzeit (Schriften des Historischen Kollegs. Band 35). 1996. S. 99–100.

двора с назначенными на послевоенный мирный конгресс в Аугсбурге в 1761 г. российскими представителями графами Г. К. Кейзерлингом и И. Г. Чернышевым. Эта переписка, вероятно в силу ее кажущейся незначительности (сам конгресс так и не состоялся), осталась вне внимания даже такого дотошного историка, как С. М. Соловьев. В последующее время документы так и не стали предметом исследования историков.

Находящаяся в этом деле инструкция дипломатам о русских позициях на созываемом конгрессе вообще опровергает прежние представления о том, что Елизавета Петровна отказалась от планов присоединения Восточной Пруссии. Эта точка зрения основывалась на донесениях французских дипломатов более раннего времени, когда российские власти действительно заявили о таком отказе.

Однако итоговая инструкция русским дипломатам предписывает им не начинать переговоры, если их иностранные коллеги не согласятся поставить вопрос о передаче России Восточной Пруссии. Если же на обсуждении вопроса передачи этой территории русские дипломаты столкнутся с общим противодействием европейских стран, то они могли и отказаться от территории в обмен на прусские репарации. Как уже было сказано, этот конгресс так и не был созван, но тем не менее документы раскрывают новые обстоятельства российских планов в Семилетней войне и в принятии Россией новой роли в послевоенной Европе.

Дипломатическая переписка, несмотря на свой официальный характер, тем не менее показывает нам и личное отношение российских дипломатов к изменению международных отношений, называемому «дипломатической революцией», и к самой Семилетней войне.

Например, посланник в Дании барон Корф и посланник в Швеции Никита Панин в своих донесениях высказались против сближения России с Францией. И Корф, и Панин в свое время работали в Швеции и постоянно боролись там с профранцузской шведской «партией», прозванной «шляпы», и с французской дипломатией в Стокгольме, зачастую и определявшей внешнюю политику Швеции. Оба они получили выговоры из Петербурга, но посты свои сохранили. Другой дипломат, посол в Вене граф Г. К. Кейзерлинг, был хитрее: в донесениях он никак не выражал свою позицию, но она известна из жалоб австрийцев в Петербург о тесных контактах Кейзерлинга с английским послом, пока тот еще был в Вене, о его высказываниях против франко-австрийского союза как чисто католического, ущемляющего протестантов (сам Кейзерлинг как раз ревностный лютеранин)¹⁸⁹. Кейзерлинг писал обычные дипломатические релиации о состоянии дел в Австрии до 1758 г., когда в России сменилось руководство дипломатией: прежний канцлер Алексей Бестужев-Рюмин был сослан и дела принял его заместитель и политический враг вице-канцлер Михаил Воронцов. Воронцов сам никогда не был дипломатом; став заместителем Бестужева-Рюмина из придворных, понимал, что ему на посту главы русской дипломатии не хватает знаний, и выбрал опытного Кейзерлинга в качестве своего удаленного советника. Роль Кейзерлинга возрастает с 1760 г., когда в Париже умирает столь же опытный посол Михаил Бестужев-Рюмин, старший брат сосланного канцлера и политический соратник Воронцова. Кейзерлинг улавливает общее недовольство Воронцова длительной войной и начинает высказывать свои мысли о ненужности поддержки австрийцев и французов в этой войне, а также о нежелательности территориального расширения России за счет Восточной Пруссии¹⁹⁰. Воронцов не отвечал на это, и политика России в отношении Восточной Пруссии от мнения Кейзерлинга не менялась, так как в Петербурге сторонниками удержания Восточной Пруссии были более влиятельные люди, такие как Петр Шувалов.

Другие дипломаты высказывали в донесениях свое верноподданническое отношение к новой политике своей императрицы и начатой ею войне, что, конечно, могло быть неискренним. Но, например, назначенный незадолго до «Дипломатической революции» посланником в

¹⁸⁹ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1756. Д. 3. Л. 180; Там же. Д. 6. Л. 177 – 177 об.

¹⁹⁰ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1758. Д. 7. Л. 13 – 14 об.

Лондон князь Александр Михайлович Голицын писал в 1760 г., всецело поддерживая планы своего правительства присоединить Восточную Пруссию: «не совсем бы невозможно было... чтоб вышепомянутое завоевание Королевства Прусского вашему императорскому величеству будущим миром вовсе себе утвердить, и тем как распространить европейские границы вашего величества империи, так и умножить славу высочайшего вашего имени и щастливого государственования. Последующие веки не могут иначе как признать, что ваше императорское величество, равно как и вечной памяти достойный отец ваш император Петр Великий, от Бога избраны, чтоб каждый в свое преславное государственование дальновидные намерения королей прусского и шведского <...> уничтожить», лишив их сил, и тем защитить всю Европу от их властолюбия¹⁹¹. Эти слова были подчеркнуты в реляции канцлером Воронцовым, а в следующем году посланник в Лондоне князь Голицын по предложению Воронцова был назначен вице-канцлером (решение, ожидавшее только подписи тяжело болевшей Елизаветы Петровны, утвердил уже Петр III), и вероятно, такое видение Голицыным исторической роли правления Елизаветы Петровны сыграло в этом назначении не последнюю роль. Пока Голицын получал приказ о своем назначении в Петербург, пока ждал сменщика в Лондоне, он продолжал отстаивать идею о полезности присоединения к России Восточной Пруссии и необходимости победы над Фридрихом II, не получая еще распоряжений об изменении политики при Петре III.

Относительно политики Петра III в Семилетней войне удалось найти документы о том, как ради прекращения этой войны в Европе в угоду своему союзнику Фридриху II российский император хотел организовать нападение Османской империи на Австрию. Об этом до сих пор не говорилось в малочисленных исследованиях о политике Петра III. В такой ситуации как канцлер граф Михаил Воронцов, так и резидент в Стамбуле Алексей Обресков совершили настоящий подвиг: один уговорил императора составить инструкции в Стамбул в очень осторожном ключе, затрудняющем однозначное толкование действий Петра III как разрыв прежнего русско-австрийского союза, а резидент Обресков сумел затянуть выполнение распоряжений императора вплоть до его свержения. Первым же рескриптом, подписанным Екатериной II после прихода к власти утром 28 июня 1762 г., было распоряжение об отмене приказов Петра III о подталкивании турок к нападению на Австрию¹⁹².

Можно найти в АВПРИ и документы, не исходящие от дипломатов, но достаточно интересные.

В фонде «Сношения России с Польшей» обнаружили два документа. Первый был известен архивистам архива, так как он упомянут в аннотации к этому делу в путеводителе по фондам АВПРИ. Это письмо генерала графа Захара Чернышева из Дроссена (недалеко от Франкфурта, ныне Осьно-Любуске) от 8 (19) октября 1760 г. о результатах захвата Берлина¹⁹³. Письмо интересно тем, что это не обычный рапорт начальству (которые публиковались, например, в сборнике документов под редакцией Н. М. Коробков), а в какой-то степени уже анализ всего рейда и его результатов самим руководителем военной операции.

Кому письмо адресовано, из его текста, написанного по-русски, неясно. Адресат там назван «милостивый государь», то есть это человек, не имеющий аристократического титула, и «ваше превосходительство» – такое титулование применялось к лицам, которые на государственной службе занимали по Табели о рангах чины III–V классов. Исходя из места хранения письма и указанных выше обстоятельств, можно сделать обоснованное предположение, что адресатом Чернышева был тогдашний российский посланник в Польше Федор Матвеевич Воейков, имевший чин генерал-поручика, то есть как раз III класса. Это было частой практи-

¹⁹¹ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. 1760. Д. 812. Л. 28 об. – 29.

¹⁹² Политическая переписка Екатерины II // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 48. СПб., 1885. С. 3–4.

¹⁹³ АВПРИ. Ф. 80, Варшавская миссия. Оп. 80/1. 1760. Д. 595. Л. 192 – 197 об.

кой, когда генералы Заграничной армии переписывались с представителями России при дворах европейских государств. Чернышев сообщал, что известие о захвате Берлина адресату уже известно, но лучше узнать о нем от первого лица. По словам Чернышева, план состоял в том, чтобы отправить к городу корпус Тотлебена, а Чернышев должен был у Франкфурта и Фюрстенвальде либо ожидать трофеев из Берлина, чтобы переправить их на восток далее, либо оказать помощь Тотлебену, если ему не удастся рейд на Берлин. Узнав о том, что отдельные прусские корпуса успели собраться к Берлину и, численно превосходя корпус Тотлебена, заставили его отступить, Чернышев поспешно двинулся к прусской столице и с ходу сбил прусскую артиллерию, заставив ее замолчать, после чего совместно с Тотлебеном расположился у города. В это время к нему подошло подкрепление в несколько полков генерала Панина, и Чернышев, несмотря на просьбы Тотлебена и подходившего к городу с австрийским корпусом генерала Ласси отложить атаку на день, решил атаковать немедленно, 28 сентября (9 октября). В это время прусские корпуса отошли от города и Берлин сдался генералу Тотлебену. В Берлин Чернышев прибыл уже с австрийским генералом Ласси и уступил его солдатам охрану двух берлинских ворот. Уступил по соглашению, как мы видим, так как в иностранной литературе встречаются сведения, что австрийцы сами ворвались в город. Узнав о подходе главной прусской армии во главе с Фридрихом II, стремившимся также отрезать оба корпуса от основных сил союзников, Чернышев и Ласси отошли от города. Далее Чернышев описывает результаты экспедиции, которая для него имела не только моральное значение: неприятель потерял полторы тысячи убитыми и столько же пленными, лишился разрушенных литейных и пороховых мануфактур, потерял мундиров на 20 тысяч солдат; кроме того, ради защиты Берлина он ушел из Силезии и утомил своих солдат спешными переходами, следовательно, угрозы союзникам сейчас не представляет, австрийская, имперская и шведская армии имеют свободные руки для наступления. Сам Чернышев выразил гордость тем, что именно он командовал русским корпусом в этом деле, показавшем, что русские способны к решительным и быстрым атакам (отсутствие наступательных успехов русской армии явно тяготило генералов), а также сообщил слова пленного офицера, что Фридрих II, узнав о захвате Берлина, был очень опечален и три дня никого не принимал и сам ни с кем не общался.

В этом же фонде, «Сношения России с Польшей», в донесениях посланника Воейкова за тот же 1760 г. находится его реляция от 20 (31) декабря, к которой посланник приложил адресованное ему письмо от русского офицера, находившегося в прусском плену, секунд-майора 2-го Московского полка Алексея Ржевского, того самого секунд-майора Ржевского, чья записная книжка за 1755–1757 гг. недавно издана в России¹⁹⁴. Письмо Ржевского приоткрывает детали положения русских пленных Семилетней войны и стало основой для опубликованной статьи автора этих строк¹⁹⁵.

В упоминавшемся выше деле с реляциями и письмами к канцлеру назначенных на мирный конгресс в Аугсбурге Г. К. Кейзерлинга и И. Г. Чернышева в фонде «Сношения с Австрией» есть личное письмо Ивана Чернышева канцлеру Михаилу Воронцову от 3 (14) ноября 1761 г.¹⁹⁶

Конгресс в Аугсбурге, который должен был завершить Семилетнюю войну, все никак не собирался, хотя русские представители на нем уже забронировали себе жилье в городе и находились в Вене, чтобы прибыть в Аугсбург при первой же надобности. Кейзерлинг решил оставить Вену и отправился в Регенсбург наблюдать за заседаниями общегерманского рейхстага, а Иван Чернышев какое-то время фактически исполнял обязанности русского представи-

¹⁹⁴ Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского. Записная книжка (1755–1759). М., 2019.

¹⁹⁵ Анисимов М. Ю. Русские пленные в Семилетнюю войну: к постановке проблемы // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2. С. 5–13.

¹⁹⁶ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/1. 1761. Д. 10. Л. 251 – 256 об.

теля в Вене, беседуя с австрийским канцлером графом Кауницем и посещая приемы австрийской государыни Марии Терезии. В октябре Иван Чернышев решил воспользоваться случаем и поехать к своему брату, генерал-поручику Захару Чернышеву, командовавшему русским корпусом, приданным австрийской армии генерала-фельдцейхмейстера барона Эрнста Гидеона Лаудона. Корпус Чернышева стоял в занятой австрийцами южной Силезии. Той зимой боевые действия не велись и войска находились на зимних квартирах, штаб как Лаудона, так и Захара Чернышева находился в силезском Фрайбурге (ныне Свободзице в Польше), недалеко от Швейдница, взятого Лаудоном с помощью гренадеров корпуса Чернышева совсем недавно, 1 октября 1761 г.

Прибыв к брату, Иван Чернышев встретился и с самим Лаудоном, пришедшим навестить его, и имел с ним долгую беседу, о которой и решил подробно сообщить российскому канцлеру.

Лаудон, лучший австрийский генерал Семилетней войны, родился в российской Лифляндии в 1717 г. и начал военную службу именно в России, проведя под началом Миниха и Ласси Войну за польское наследство и Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. После последней войны капитан Лаудон попытался решить служебные конфликты в Петербурге, но понимания не нашел и оставил русскую службу. Первым его планом было поступить на прусскую службу, но и здесь он встретил отказ Фридриха II (уже после Семилетней войны, принимая Лаудона, прусский король выражал сожаление о своей ошибке в отношении безвестного тогда молодого офицера). Лаудона взяли на службу австрийцы, назначив его капитаном в пандурский полк, своеобразный аналог егерского, состоявший из хорватов и сербов. Пройдя Войну за австрийское наследство, Лаудон встретил Семилетнюю войну подполковником тех же хорватских полков и быстро начал расти в чинах, отличившись многими удачными действиями как военачальник.

Стремительная карьера Лаудона в воюющей австрийской армии – чужестранца, не имеющего влиятельного патрона или родни, не представлявшего знатный род, не выделявшегося ни статной фигурой, ни чрезвычайным умом, как видно по письму, очень интересовала Чернышева. Причиной сообщения им канцлеру о своей встрече с Лаудоном явно стало скрытое желание возвращения австрийского генерала на русскую службу, которое Чернышев вынес из разговора с ним. Описав несколько хаотичным языком (предложения неожиданно заканчивались и столь же неожиданно начинались) проблемы иностранца в австрийской армии, вознесенного войной на высшие посты, интриги начальства Лаудона и его подчиненных против генерала, отзывы Лаудона о русской армии, владение им русским языком, слова генерала о том, что он русский, его благожелательные воспоминания о командовании русскими солдатами, Чернышев завершает свое многостраничное письмо (первая часть которого уделена тяжести проделанной им «несносной дурной дороги, какой я нигде никогда вообразить себе не мог» и проблемам австрийской военной логистики в целом) прямым предложением пригласить лифляндца обратно на русскую службу.

Отношение канцлера Воронцова к этому предложению дипломата неизвестно. В любом случае последовавшая через месяц после получения этого письма смерть Елизаветы Петровны, фактический переход России при Петре III на сторону Пруссии и последовавший при Екатерине II выход России из войны похоронили подобные планы, и Лаудон остался на австрийской службе, где дослужился до звания генералиссимуса.

Завершая, можно согласиться с отмечавшейся ранее иностранными историками значимостью исследования русских документов для выяснения причин войны. Документы Архива внешней политики Российской империи представляются одними из важнейших источников для осмысления не только причин войны в Европе, но и хода и значения Семилетней войны. Дипломатические источники и их исследование важны прежде всего для российского исторического сознания, в котором до сих пор господствуют нарративы о Семилетней войне как о войне, чуждой российским интересам и вообще России, личной прихоти императрицы Елиза-

веты Петровны, обиженной на прусского короля. Из дипломатических документов мы видим стремительно растущее влияние России в Европе, ее готовность стать вершительницей судеб Старого Света и признание этой будущей роли европейскими странами.

Помимо политических аспектов Семилетней войны, в материалах АВПРИ находятся и ранее не исследованные документы военной специфики, в силу связи русских командиров и русских дипломатов в столицах европейских стран – и об обстоятельствах сражений и походов, и о положении русских пленных, а также материалы личного характера, в которых можно увидеть и эпистолярные навыки людей середины XVIII в., и взгляды российских дворян на ход войны, военную логистику и взаимоотношения военных, дипломатов, придворных и их монархов.

Мария Александровна Петрова
**ГЕРМАН КАРЛ ФОН КЕЙЗЕРЛИНГ И
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ РОССИИ
И СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ
НАСЛЕДСТВО И СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

Формулирование задач и возможных перспектив германской политики России в правление наследников императора Петра Великого (1672–1725) происходило на фоне драматических событий Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. и Семилетней войны 1756–1763 гг. Первая повлекла за собой вторую, а непосредственным поводом к серии кровопролитных столкновений в центре Европы стал отказ правителей некоторых европейских держав (Пруссии, Франции, Испании, Сардинского королевства) и штатов Священной Римской империи (Баварии, Саксонии, Пфальца) признать права эрцгерцогини Марии Терезии (1717–1780), дочери скончавшегося 9 (20) октября 1740 г. императора Священной Римской империи Карла VI (1685–1740), на владения Австрийского дома Габсбургов. Эти права были зафиксированы в специальном законе о престолонаследии 1713 г. – Прагматической санкции, которая при жизни императора, словно предвидевшего, что у него не будет наследников мужского пола, была признана всеми вышеупомянутыми правителями кроме курфюрста Баварии Карла Альбрехта (1697–1745). Женатый на племяннице Карла VI эрцгерцогине Марии Амалии, он считал себя законным наследником императора, а после его смерти стал претендовать и на престол Священной Римской империи, который с 1453 г. занимали исключительно представители династии Габсбургов.

Война за австрийское наследство началась 5 (16) декабря 1740 г. вторжением прусского короля и курфюрста Бранденбурга Фридриха II (1712–1786) в Силезию – одну из густонаселенных и экономически развитых провинций Габсбургов. 22 февраля (4 марта) 1741 г. в войну вступил французский король Людовик XV (1710–1774), летом – Карл Альбрехт и другие игроки. Марию Терезию на первых порах поддержали денежными субсидиями Великобритании и Республика Соединенных провинций. Чтобы не допустить участия России в войне на стороне Австрии, с которой она с 1726 г. находилась в союзе, версальский двор сыграл на реваншистских настроениях шведов, желавших вернуть потерянные в результате Северной войны 1700–1721 гг. земли в Прибалтике. 28 июня (8 июля) 1741 г. Швеция объявила войну малолетнему императору Ивану VI Антоновичу (1740–1764). 25 ноября (6 декабря) 1741 г. он был свергнут цесаревной Елизаветой Петровной (1709–1761) при поддержке, в том числе финансовой, французского посланника Жака Иоахима Тротти маркиза де Ла Шетарди (1705–1759) и шведского посланника барона Эрика Матиаса фон Нолькена (1694–1755). Шведы рассчитывали на вознаграждение, однако ни до, ни после переворота Елизавета Петровна не подписала никаких обязательств территориального характера и войну не прекратила. Поступить иначе она не могла, это было бы равносильно добровольному отказу от столь тяжело доставшего ей трона. Заключенный 7 (18) августа 1743 г. Абоский мирный договор несколько расширил границы России на северо-западе, но, чтобы сохранить отношения с ближайшим соседом, шведам были возвращены остальные территории, завоеванные в Финляндии.

Елизавета Петровна, испытывая настороженность в отношении союзной Австрии, связанной к тому же родственными узами с ее предшественником Иваном VI¹⁹⁷, и благодарность к

¹⁹⁷ Отец Ивана VI, герцог Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1714–1774), приходился двоюродным братом

Франции, довольно долго определялась с выбором внешнеполитического курса, что объяснялось, с одной стороны, необходимостью прочно утвердиться на захваченном престоле, а с другой – наличием в окружении императрицы разных «партий», поддерживавших не всегда бескорыстные контакты с иностранными дипломатами. В современной историографии подробно изучено, каким образом, несмотря на симпатии к Франции и первоначально нейтральную позицию в отношении Пруссии, императрица под влиянием вице-канцлера (с июля 1744 г. канцлера) Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (1693–1766) все больше убеждалась в отсутствии у нее общих внешнеполитических интересов с Людовиком XV, а также в необходимости дать отпор главному возмутителю европейского спокойствия Фридриху II¹⁹⁸. В первой половине 1740-х гг. Россия постепенно возвращалась к прежним союзам – с Великобританией (декабрь 1742 г.) и Саксонией (январь 1744 г.). В мае 1745 г. начался первый обмен мнениями о возобновлении союза с Австрией, осуществившемся через год¹⁹⁹. К этому возвращению Елизавету Петровну подталкивали и события на международной арене.

13 (24) января 1742 г. баварский курфюрст Карл Альбрехт, провозгласивший себя после захвата Линца и Праги в ноябре – декабре 1741 г. эрцгерцогом Австрии и королем Богемии, был избран императором Священной Римской империи под именем Карла VII, однако добиться успеха ему тогда не удалось: уже в феврале австрийцы вторглись в Баварию. 31 мая (11 июня) 1742 г. Фридрих II к ярости своих союзников вышел из войны, заключив в Бреславле предварительный мир с Марией Терезией, по которому закрепил за собой завоеванные Нижнюю Силезию и богемское графство Глац. Новое положение вещей было подтверждено Берлинским мирным договором 17 (28) июля 1742 г., подписанным при посредничестве Великобритании. Это позволило России 16 (27) марта 1743 г., не разрывая договора с Австрией, заключить союз с Пруссией ради сотрудничества в польских и курляндских делах²⁰⁰, а затем 1 (12) ноября 1743 г. по приглашению Австрии и Великобритании, к этому времени начавшей воевать против Франции, «приступить» к Берлинскому договору, т. е. подтвердить переход Силезии под власть Пруссии²⁰¹. Однако уже в августе 1744 г. под предлогом помощи императору Фридрих II снова вторгся во владения Габсбургов, на этот раз в Богемию, причем провел свои войска через Саксонию, хотя и запросив на это разрешение курфюрста, но затем проигнорировав полученный от него официальный отказ. 5 (16) сентября после двухнедельной осады Прага капитулировала.

В Петербурге с большой тревогой следили за тем, как прусский король нарушает Берлинский договор, но предпочитали пока не вмешиваться в конфликт. В это же время Фридрих II предложил племяннику и наследнику Елизаветы Петровны великому князю Петру Федоровичу (1728–1762) как герцогу Гольштейн-Готторпскому присоединиться к направленному против Австрии Франкфуртскому союзу, заключенному 11 (22) мая 1744 г. Карлом VII, Францией, курфюршеством Пфальц и вольным городом Франкфуртом-на-Майне. Официального ответа наследника российского престола не последовало. К концу 1744 г. австрийцам при под-

эрцгерцогине Марии Терезии, но, правда, и родным братом супруге Фридриха II Елизавете Кристине.

¹⁹⁸ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995; Лиштенант Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000; Нелинович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

¹⁹⁹ Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав... С. 246.

²⁰⁰ После ареста и ссылки Э. И. Бирона в ноябре 1740 г. престол Курляндии и Семигалии (вассального герцогства Речи Посполитой) пустовал, и России было важно провести своего кандидата на грядущих выборах, для чего она нуждалась в поддержке Пруссии. См. подробнее: Емелина М. А. Российско-прусский договор 1743 г. // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 100–109.

²⁰¹ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. I: Трактаты с Австрией. 1648–1762. С. 132–133.

держке саксонцев удалось вытеснить пруссаков из Богемии и заключить договор о союзе с Великобританией, Саксонией и Республикой Соединенных провинций²⁰².

Поскольку участия России в войне добивались обе противоборствующие стороны, Елизавета Петровна сумела извлечь пользу из создавшегося положения и приступила к решению крайне чувствительной проблемы, доставшейся ей от предшественников, – признания российского императорского титула теми государствами и государственными образованиями, которые болезненно восприняли появление на международной арене еще одной империи, опасаясь изменений в утвердившейся иерархии светских правителей Европы и их церемониальном общении. В 1742 г. российский императорский титул признали Англия и Австрия, в 1744 г. – Франция (верительная грамота посланника Луи д'Юссона д'Алиона от 1 августа 1744 г. была вручена Елизавете Петровне только в феврале 1745 г.²⁰³) и в 1745 г. – Испания²⁰⁴. Речь Посполитая признала императорский титул российских государей только в 1764 г. после избрания королем Станислава Августа Понятовского (1732–1798). Пока на польском престоле находились представители саксонской династии Веттинов, сделать этого не удавалось из-за противодействия польского сейма, однако курфюрсты Саксонские российский императорский титул признавали, а Фридрих Август II (польский король Август III, 1696–1763) подтвердил его в союзном договоре с Елизаветой Петровной, заключенном 24 января (4 февраля) 1744 г.²⁰⁵

Едва ли не самым важным для российских государей было признание их нового статуса Священной Римской империей. Почти два года – с февраля 1742 по январь 1744 г. – Елизавета Петровна через канцлера Алексея Михайловича Черкасского (1680–1742), а после его смерти вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и тайного советника Карла фон Бреверна (1704–1744) вела переговоры с Карлом VII о внесении императорского титула в текст кредитивной (верительной) грамоты его представителя в Петербурге, полномочного министра барона Иосифа Марии Николауса Игнаца фон Нейгауза (*Josef Maria Nikolaus Ignaz Freiherr von Neuhaus*, 1698–1758)²⁰⁶. В качестве компромиссного для обеих сторон был выбран предложенный Фридрихом II вариант: Карл VII соглашался выдать грамоту с титулом из своей Личной канцелярии (*Hofkanzlei*), пообещав с течением времени добиться от всех имперских штатов выдачи аналогичной грамоты из Имперской (надворной) канцелярии (*Reichs(hof)kanzlei*), находившейся в ведении курфюрста Майнца как эрцканцлера империи, с условием, что этот жест не повлечет за собой перемен в церемониальном общении монархов и их дипломатических представителей²⁰⁷.

4 (15) января 1744 г. Нейгауз вручил Елизавете Петровне свою верительную грамоту, а 27 июля (7 августа)²⁰⁸ она назначила полномочным министром к императорскому двору посланника в Дрездене, тайного советника графа Германа Карла фон Кейзерлинга (*Hermann Karl von Keyserlingk*, 1695/1696–1764), знатока международного и имперского права, одного из выдающихся дипломатов своего времени и главного героя настоящей главы. Уроженец древнего вест-

²⁰² Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав... С. 163–174.

²⁰³ Лиштенан Ф.-Д. Указ. соч. С. 340–341.

²⁰⁴ См. подробнее: Некрасов Г. А. Международное признание российского самодержавия в XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 381–389.

²⁰⁵ Полное собрание законов Российской империи. М., 1830. Т. 12. С. 17–21. № 8866.

²⁰⁶ См. подробнее о ходе переговоров: Петрова М. А. Признание императорского титула российских государей Священной Римской империей: проблема и пути ее решения (первая половина 1740-х годов) // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 43–59.

²⁰⁷ Копию кредитивной грамоты на лат. яз. и ее перевод на рус. яз. от 7 июля 1742 г. см.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 40, 43–44. Даты документов в тексте статьи указаны в соответствии с оригиналом; в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовался старый стиль, иногда двойные даты; европейские документы датированы новым стилем.

²⁰⁸ Отпуск кредитивной грамоты от 27 июля 1744 г. на рус. яз. и ее перевод на лат. яз. см.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1744. Д. 1. Л. 3–5, 6 – 6 об.

фальского дворянского рода, переехавшего в Курляндию, вассальное герцогство Речи Посполитой, барон Кейзерлинг родился в Блидене, учился в гимназии в Данциге и университете Кенигсберга в Восточной Пруссии. Там ему преподавали юрист И. С. Бекенштейн и историк Г. З. Байер, впоследствии академики Санкт-Петербургской академии наук. По возвращении в столицу Курляндии Митаву в 1720 г. Кейзерлинг был представлен вдовствующей герцогине Анне Иоанновне (1693–1740), племяннице российского императора Петра I, и получил чин камер-юнкера, вероятно по протекции ее будущего фаворита Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772), попавшего ко двору в 1718 г. благодаря другому представителю династии Кейзерлингов – Иоганну Генриху (? – 1734), ландмаршалу и канцлеру Курляндии.

Покинув в 1726 г. придворную службу, Герман Карл стал ландгауптманом (главой земского округа) Кандау, скорее всего в связи с женитьбой на Агате Элеоноре фон Фиркс, в скором времени родившей ему троих детей. В январе 1730 г. курляндское земство направило Кейзерлинга в Петербург с поздравлениями по случаю восшествия на престол новой российской императрицы Анны Иоанновны. По ее предложению он поступил на российскую службу с сохранением польского подданства, став в июле 1731 г. вице-президентом Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, а в августе 1733 г. – президентом Академии наук²⁰⁹. Назначение было воспринято академиками с энтузиазмом, и за несколько месяцев Кейзерлингу удалось многое сделать для упорядочения научной и издательской деятельности вверенного ему учреждения, в частности увеличить его финансирование²¹⁰.

В декабре 1733 г. судьба курляндского дворянина сделала неожиданный поворот, дав ему возможность проявить себя на дипломатическом поприще: в разгар Войны за польское наследство 1733–1735 гг. в чине действительного статского советника и в ранге полномочного министра он был направлен к саксонскому двору в помощь посланнику Карлу Густаву Лёвенвольде (после 1686 – 1735) и немало поспособствовал утверждению на польском престоле нового курфюрста Фридриха Августа II и изгнанию его соперника Станислава Лещинского (1677–1766), избранного королем частью шляхты в 1733 г., но не успевшего короноваться. В Речи Посполитой Кейзерлинг защищал и интересы Бирона, которого по настоянию российского двора курляндское дворянство в 1737 г. избрало своим герцогом. Как пишет И. В. Курукин, дипломат «неизменно оставался одним из самых полезных и доверенных людей фаворита, но при этом не рвался ко двору, сумел сохранить на фоне безудержной лести многих придворных свое лицо и известную дистанцию в отношениях с могущественным приятелем, чьи действия не всегда одобрял. И Бирон эту черту ценил». Их переписка носила доверительный характер²¹¹. В 1736 г. барон Кейзерлинг получил от Фридриха Августа II орден Белого орла, а в конце 1741 г. (когда курфюрст был викарием Священной Римской империи, т. е. исполнял обязанности императора после смерти старого и до избрания нового) – титул графа Священной Римской империи, который Елизавета Петровна позволила ему принять²¹².

Отзыв Кейзерлинга из Дрездена в 1744 г. формально выглядел как повышение, ведь он должен был ехать ко двору императора Священной Римской империи, но на самом деле новое назначение следует расценить скорее как знак недоверия Елизаветы Петровны. Она считала, что «при начинаемом в Польше сейме, для здешних интересов, как по причине Курляндского,

²⁰⁹ См. автобиографию Г. К. фон Кейзерлинга от 2 (13) июля 1754 г.: «Скаски» елизаветинской России / Публ. К. А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах: Альманах. М., 2007. Вып. XV. С. 104. См. также: [Чечулин Н. Д.] Кейзерлинг // Русский биографический словарь / Под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1897. Т. VIII: Ибак – Ключарев. С. 601–602; Baltisches biografisches Lexikon digital: <https://bbld.de/000000007013884X>, дата обращения 29.07.2022.

²¹⁰ См. очерк Г. И. Смагиной о деятельности Кейзерлинга на посту президента Академии наук: <http://www.ras.ru/presidents/d052c3f9-a753-421b-92ea-00f0d3b3b1bd.aspx>, дата обращения 29.07.2022.

²¹¹ Курукин И. В. Бирон. М., 2006. С. 158–159.

²¹² См. об этом в реляции Кейзерлинга из Дрездена от 20 февраля (3 марта) 1742 г. и в рескрипте ему от 13 марта 1742 г. // АКВ. М., 1873. Т. 1. С. 268, 274.

так и других многих и важных дел, весьма потребно было б тамо гораздо надежного министра иметь», и назначила на этот пост русского по происхождению дипломата – графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина (1688–1760), старшего брата Алексея Петровича, в июле 1744 г. ставшего канцлером, а также поручила Коллегии иностранных дел найти «способную персону», чтобы заменить российского резидента в Варшаве поляка Петра Голембовского²¹³.

Отзыву Кейзерлинга из Дрездена должен был обрадоваться Фридрих II. Он считал, что дипломат больше предан интересам саксонского двора, а не российского и получает от курфюрста солидный пенсион²¹⁴. Провозгласив курляндца одним из виновников заключения союзного договора между Австрией и Саксонией в ноябре 1743 г., прусский король был уверен, что тот действует в стоворе с А. П. Бестужевым-Рюминым без ведома императрицы²¹⁵, и потому с начала 1744 г. неоднократно требовал от своего посланника в Петербурге барона Акселя фон Мардефельда (*Axel Freiherr von Mardefeld*, 1691–1748) использовать любую возможность и не жалеть денег, чтобы свергнуть как можно скорее вице-канцлера и добиться отзыва Кейзерлинга, «который, помимо своей пристрастности к этому [саксонскому] двору, еще и крайне настроен против меня и определенно является автором всех проектов, которые этот двор пытается осуществить против меня»²¹⁶.

Мог ли Мардефельд влиять на кадровые назначения в Петербурге или сама Елизавета Петровна усомнилась в преданности находившихся на ее службе иностранных подданных, нам неизвестно, но для самой императрицы события, следовавшие за рокировкой на дипломатических постах, имели весьма важные последствия. Кейзерлинг оставался в Дрездене до начала 1745 г. и уже перед самым отъездом в Мюнхен получил известие о скоропостижной смерти Карла VII 9 (20) января, которая фактически отменила его назначение. Тогда дипломат обратился в Петербург с предложением направить аккредитованного представителя во Франкфурт-на-Майне, где в ближайшее время по традиции должна была собраться на выборы главы Священной Римской империи Коллегия курфюрстов, и там добиться от них признания российского императорского титула. Елизавета Петровна благосклонно отнеслась к высказанной идее и доверила эту миссию именно Кейзерлингу. Он также получил указания хлопотать о признании семнадцатилетнего великого князя Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского совершеннолетним на год раньше, чтобы тот мог вступить во владение своими землями, находившимися под управлением опекунского совета. Еще одной задачей дипломата было оценить расстановку сил в Священной Римской империи в преддверии выборов. Перечислив в рескрипте от 16 февраля 1745 г. неугодных России (прусского короля и саксонского курфюрста) и маловероятных (баварского, ганноверского и пфальцского курфюрстов) кандидатов, Елизавета Петровна тем не менее заявила, что вмешиваться в выборы не намерена, и велела Кейзерлингу в разговорах с имперскими дипломатами всячески подчеркивать ее беспристрастность в этом деле, но просила аккуратно выяснить, не вернется ли императорская корона в Австрийский дом, т. е. не может ли она достаться супругу Марии Терезии – Францу Стефану (1708–1765), великому герцогу Тосканскому, урожденному герцогу Лотарингскому²¹⁷. В первоначальном проекте рескрипта прямо говорилось, что Франц Стефан или его сын эрцгерцог Иосиф (1741–1790) были бы наиболее предпочтительными для России кан-

²¹³ АКВ. М., 1873. Кн. 6. С. 123.

²¹⁴ См. письма Фридриха II А. фон Мардефельду от 2 августа, 7 сентября 1743 г. // PC. Berlin, 1879. Bd. 2. S. 393–394, 416–417.

²¹⁵ Устная резолюция Фридриха II на письмо Г. фон Подевилля от 30 декабря 1743 г. // Ibid. S. 497.

²¹⁶ Фридрих II – А. фон Мардефельду, 30 марта 1744 г. // Ibid. Bd. 3. S. 69. См. об этом также в письмах от 11, 18, 21 апреля, 7 мая // Ibid. S. 88, 96, 106, 120.

²¹⁷ АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 1–14.

дидатами²¹⁸, но фразу об этом императрица велела исключить из текста, решив подождать новостей из Франкфурта и узнать, к кому склоняются сами курфюрсты²¹⁹.

Подход Кейзерлинга к решению главной задачи, ради которой его посылали во Франкфурт, был сугубо формальным, даже бюрократическим и состоял в том, чтобы передать в Коллегию курфюрстов кредитивную грамоту, содержащую императорский титул, и получить в ответ рекредитивную (отпускную) с таким же титулом, не прибегая к каким бы то ни было переговорам о столь деликатном предмете, затрагивавшем достоинство российской императрицы. В случае успеха дипломат собирался действовать аналогичным образом и на рейхстаге Священной Римской империи – собрании представителей всех входящих в ее состав штатов. Этот подход был одобрен, и 9 (20) апреля 1745 г. Коллегия иностранных дел подготовила для Кейзерлинга верительную грамоту²²⁰.

Между тем 11 (22) апреля 1745 г. сын покойного императора Карла VII, баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф (1727–1777), заключил сепаратный мир с Марией Терезией на основе довоенного статус-кво, отказавшись от титула короля Богемии и эрцгерцога Австрии и притязаний на императорскую корону. После этого в Версале попытались реализовать план избрания в императоры саксонского курфюрста Фридриха Августа II и возвращения польской короны свергнутому в 1735 г. Станиславу Лещинскому. Россия выступала против такой рокировки, поскольку стремилась сохранить свое влияние в Польше в союзе с дружественной саксонской династией Веттинов²²¹. Планам французов не суждено было сбыться: после вторжения Фридриха II в Саксонию 14 (25) августа 1745 г. курфюрсты, во многом в отместку ему, 2 (13) сентября избрали императором супруга Марии Терезии Франца Стефана под именем Франца I. 23 сентября (4 октября) состоялась его коронация. Курфюрст Пфальца Карл IV Теодор (1724–1799), представитель одной из линий баварской династии Виттельсбахов, и прусский король Фридрих II как курфюрст Бранденбурга не принимали участие в выборах в знак протеста против единственного кандидата. Однако уже 14 (25) декабря 1745 г. по Дрезденскому мирному договору с Австрией и Саксонией Фридрих II признал Франца I императором в обмен на сохранение довоенного статус-кво, вновь закрепив за собой Силезию и графство Глац. В апреле 1746 г. курфюрсты Бранденбурга и Пфальца публично заявили о своем присоединении к выборам, признав их состоявшимися²²².

Приезд Кейзерлинга во Франкфурт в середине мая 1745 г. вызвал оживление среди дипломатов Священной Римской империи. Избирательные послы курфюрстов (включая представителей Бранденбурга и Пфальца, которые покинули город накануне выборов) от имени своих государей выразили надежду на установление добрых отношений с Россией. Пфальцский посол жаловался на разорение земель курфюршества австрийскими войсками, а сохранявший нейтралитет архиепископ Майнца – на бесцеремонные требования продовольствия и фуража со стороны французов. В июне саксонский курфюрст как викарий империи пожаловал совершеннолетие великому князю Петру Федоровичу²²³, что впоследствии утвердил импера-

²¹⁸ Кандидатура эрцгерцога Иосифа даже не рассматривалась имперскими штатами ввиду его малолетства.

²¹⁹ Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / Публ. К. А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. Т. XVI. С. 76–77.

²²⁰ Подробнее см.: Петрова М. А. Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 97–102.

²²¹ Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав... С. 179.

²²² Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Oxford, 2012. Vol. 2: The Peace of Westphalia to the Dissolution of the Reich. P. 380.

²²³ См. циркулярный рескрипт от 15 июня 1745 г. об этом, адресованный всем российским дипломатам: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 114–115.

тор Франц I²²⁴. Только 14 (25) августа 1745 г., после того как на выборы съехались все собиравшиеся голосовать послы, Кейзерлинг передал свою верительную грамоту в канцелярию курфюрста и архиепископа Майнца, а 25 сентября (6 октября) 1745 г. Коллегия курфюрстов выдала ему в ответ рекредитивную грамоту, в которой он был назван полномочным министром императрицы и самодержицы Всероссийской. Грамоту подписали собственноручно курфюрст Майнца Иоганн Фридрих Карл фон Оштайн (*Johann Friedrich Karl von Ostein*, 1689–1763) и курфюрст Трира Франц Георг фон Шёнборн (*Franz Georg von Schönborn*, 1682–1756), а также первые избирательные послы курфюрстов Кельна, Баварии, Саксонии, Брауншвейг-Люнебурга (Ганновера) и королевы Богемии²²⁵. 2 (13) октября 1745 г. известительную грамоту о своем восшествии на престол Елизавете Петровне направил император Франц I, именуюя ее императрицей²²⁶.

Хлопоты Кейзерлинга о признании титула продолжились в 1746 г. в Регенсбурге, где для утверждения итогов выборов собрался рейхстаг. 25 июня (6 июля) 1746 г. он направил в Директорию этого учреждения (*Reichtagsdirektorium*) сначала кредитивную грамоту, затем 1 (12) декабря по местной традиции еще и отзывную, а 5 (16) декабря 1746 г. получил рекредитивную. В ней имперские штаты заверяли императрицу и самодержицу Всероссийскую Елизавету Петровну в своей искренней дружбе и благодарили ее за отправление на рейхстаг полномочного министра, который «по своим преизящным и отличным качествам, особливому искуству и истинности в своих негоциациях» им весьма приятен был²²⁷.

Миссия Кейзерлинга имела неожиданные последствия для германской политики России в целом. Еще 4 (15) июня 1745 г. он сообщил Елизавете Петровне, что курфюрст Майнца ничего так не желает, «как чтоб дружба между обоими Империями не токмо во веки пребывала, но и теснейшим образом к толь наивышшему общему благу, безопасности и пользе наипаче сопряжена и утверждена быть могла», ибо тогда все «неприятели мира», взирая на «такой узл дружбы», не станут по своему произволу нарушать безопасность и тишину в Германии²²⁸. Уже после вручения Кейзерлингу рекредитивной грамоты курфюрст высказался через своего министра о том, что России и Священной Римской империи необходимо заключить «взаимную дружественную и оборонительную алианцию» (*eine solche mutuelle Freundschafts- und Defensiv Alliance*) для совместной защиты от врагов на севере и на востоке (вероятно, речь шла о Франции и Османской империи) и что Коллегия курфюрстов готова способствовать этому на рейхстаге. Дипломат подчеркивал, насколько важной является позиция архиепископа Майнца как первого курфюрста и эрцканцлера империи, который председательствует в коллегии, «на сеймах Директорию отправляет и следовательно первоначальствующий и инструмент всем имперским действиям есть»²²⁹. Новоизбранный император Франц I, по слухам, тоже намеревался способствовать созданию этого союза, который мог бы служить «общей безопасности и благополучию»²³⁰. Когда же в ноябре 1745 г. до Франкфурта дошло известие, что Елизавета Петровна в силу оборонительного договора с Саксонией 1744 г. собирается выставить 12-тысячный корпус в помощь Фридриху Августу II, представители некоторых курфюрстов выразили надежду, что таким образом удастся сокрушить злобные намерения Франции и ее

²²⁴ См.: Wahlkapitulation Franz' I., Frankfurt am Main, 13. September 1745 // Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015. S. 470.

²²⁵ Оригинал грамоты и конверт с печатями на нем. яз. см.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 2. Л. 1 – 4 об.

²²⁶ Оригинал грамоты на лат. яз. см.: Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 2. Д. 134. Л. 2 – 2 об., 5 об. (так!).

²²⁷ Копию грамоты на лат. яз. и ее перевод на рус. яз. см.: Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 4. Л. 1–2, 5 – 8 об.

²²⁸ Там же. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 143 об. – 144. Здесь и далее цитаты из реляций и писем Кейзерлинга даны по переводам с немецкого языка, сделанным в Коллегии иностранных дел сразу по получении.

²²⁹ Реляция Кейзерлинга от 9 (20) октября 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 250 об. – 252 (нем. оригинал л. 229 об. – 231).

²³⁰ Письмо Кейзерлинга А. П. Бестужеву-Рюмину от 9 (20) октября 1745 г. // Там же. Л. 259 об. – 260.

союзников. Так, министр курфюрста Майнца высказывал мнение, что это ускорит заключение союза между Россией и Священной Римской империей²³¹.

Кейзерлинг тоже считал Францию главным врагом империи. На его глазах она пыталась вмешаться в выборы императора, ссылаясь на право гаранта Вестфальского мира 1648 г. и объявляя себя выразителем мнений имперских штатов и защитником имперской конституции²³². Версальский двор требовал проводить процедуру строго по букве Золотой буллы 1358 г., установившей среди прочего порядок выборов императора. Кейзерлинг считал, что гарантия Франции распространяется только «на дела о вере и принадлежащие к тому имперские уставы» (*die Religionssache und dahin gehörige Reichs-Satzungen*), а не на фундаментальные имперские законы (*Fundamental-Gesetze des Reichs*), каким являлась Золотая булла, не упомянутая в Вестфальских договорах²³³. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Франция заключила с империей Мюнстерский договор, а Швеция – Оснабрюкский договор, одновременно гарантировав не только свои международные обязательства, но и систему соглашений между имперскими штатами. Следовательно, обе державы могли обсуждать и религиозные вопросы, и вопросы войны и мира. Вестфальские договоры в историографии принято рассматривать как конституционный акт империи наряду с другими фундаментальными законами, включая Золотую буллу, которая, кстати, была упомянута в обоих договорах. На практике право гарантии было ограничено положением о том, что все споры должны были рассматриваться сначала в имперских судах, а функции гарантов запускались только в том случае, если спор не был разрешен мирным путем в течение трех лет²³⁴.

В рескрипте от 7 декабря 1745 г. Елизавета Петровна, отмечая, что ни от одного из германских дворов, в том числе римско-императорского, она никаких предложений о союзе не получала, задала резонный вопрос: «в чем такой представляемой союз состоять и на что клониться будет?» Кейзерлингу предписывалось разговоры о союзе не инициировать, а в случае необходимости «держаться генеральных терминов», ссылаясь на отсутствие инструкций, и посоветовать курфюрсту Майнца напрямую обратиться в Петербург, заметив от себя, что российскому двору это предложение без сомнений «не неприятно будет»²³⁵.

В реляции от 31 декабря 1745 г. (11 января 1746 г.) дипломат уточнил, каким образом может быть реализована идея союза. Поскольку император не имел права заключать договоры от имени империи, он мог или так называемым комиссариальным декретом предложить рейхстагу заключить союз с Россией, или подписать с ней договор от собственного имени, а потом пригласить империю к нему присоединиться, как неоднократно поступал Карл VI и обещал поступить Карл VII в вопросе о российском императорском титуле. Франц I вполне мог бы заключить такой союз, особенно если к нему обратиться с просьбой об этом Коллегия курфюрстов, а курфюрст Майнца вроде бы собирался сделать это в самое ближайшее время. По мнению Кейзерлинга, союзный договор мог быть составлен лишь в самых общих выражениях, поскольку стороны должны были взять на себя обязательства на вечные времена, а «вносить подробности» в такой договор «неприлично»²³⁶.

²³¹ Выписка из реляции Кейзерлинга от 5 (16) ноября 1745 г. // Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1745. Д. 10. Л. 3 об. – 5.

²³² См. анонимный мемуар на фр. яз., присланный в квартиру Кейзерлинга во Франкфурте, и его возмущенные комментарии по тексту в письме А. П. Бестужеву-Рюмину от 11 (22) июня 1745 г. // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 170 – 171 об., 176 – 179 об.

²³³ Ведомости из Франкфурта от 20 (31) августа 1745 г. // Там же. Д. 5. Л. 62 об. – 63, 75 – 75 об.

²³⁴ См. идентичные формулировки статьи § 116 Мюнстерского и статьи XVII (§ 6–7) Оснабрюкского договоров. <http://www.pax-westphalica.de/ipmipo/index.html>, дата обращения 29.07.2022. См. подробнее: Whaley J. Op. cit. Vol. 1: Maximilian I to the Peace of Westphalia. P. 630–631.

²³⁵ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 237 – 237 об.

²³⁶ Там же. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 9–11.

Дипломат считал, что успех всего дела целиком зависит от императора Франца I, особенно в свете новых интриг Фридриха II. В начале 1746 г. прусский король неожиданно заявил о возможных претензиях Священной Римской империи на Лифляндию, завоеванную Россией у Швеции, под предлогом того, что эта территория когда-то принадлежала Тевтонскому ордену и до 1561 г. находилась в составе империи. Кейзерлинг, подкованный в истории, развеял все опасения российского двора, показав юридическую необоснованность подобных претензий. Прежде чем стать российской, Лифляндия была в составе Великого княжества Литовского, затем Речи Посполитой, а с 1660 г. – Швеции, и никогда Священная Римская империя, потерявшая эту провинцию в 1561 г., не пыталась предъявлять на нее права. Но чтобы препятствовать интригам прусского короля в этом вопросе, необходимо было заручиться поддержкой императора, «ибо без согласия и соспоспособствования оного, империя ничего решить ниже в действо произвести не может», в том числе заключить союз с Россией. В случае реализации идеи союза право собственности России на Лифляндию будет признано всей империей через взаимную гарантию владений²³⁷. Отметим здесь, что титул Елизаветы Петровны как княгини Лифляндской был внесен и Коллегией курфюрстов, и рейхстагом в рекредитивные грамоты Кейзерлинга без всяких обсуждений.

Время шло, а никаких конкретных предложений о союзе от имперских штатов не поступало, поэтому в мае 1746 г. перед отъездом из Франкфурта в Регенсбург Кейзерлинг решил посетить майнцского курфюрста, чтобы заручиться его поддержкой в деле признания титула на рейхстаге и еще раз обсудить возможность заключения союза. Курфюрст заверил дипломата, что во всех вопросах ему будет помогать представитель Майнца на рейхстаге²³⁸. В это же время в Петербурге завершились переговоры между Россией и Австрией о заключении союзного договора. Он был подписан 22 мая (3 июня) 1746 г. и направлен против Пруссии. По договору Елизавета Петровна признавала Дрезденский мир 1745 г., но с условием, что он будет считаться недействительным, если Фридрих II опять нападет на Австрию, а также на Польшу или Россию. Мария Терезия в специальном сепаратном артикуле обязалась «уговорить» своего супруга императора присоединиться к договору²³⁹. 14 (25) августа 1746 г. Кейзерлинг сообщил из Регенсбурга, что в частных беседах представители некоторых (неназванных) имперских штатов на рейхстаге дали ему понять, что ожидают от этого союза «много добра в разсуждении своей безопасности и тишины», а также желают, «дабы сие основанием к тесному союзу [России] с империею быть могло»²⁴⁰. Однако сама Коллегия курфюрстов обсуждение этой темы на рейхстаге не инициировала, а у дипломата было много других хлопот – и по вопросу о титуле, и о включении Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имевших индивидуальный голос в светской курии Коллегии имперских князей (*Reichsfürstenrat*) на рейхстаге. Последнего он добиться не успел, поскольку по приказу из Петербурга торопился ехать к новому месту службы – в Берлин.

Признание российского императорского титула стало большим дипломатическим успехом России и личной заслугой Кейзерлинга, что по достоинству оценили и Елизавета Петровна, и канцлер Бестужев-Рюмин. Дипломат понимал, что в новых обстоятельствах может выговорить себе особые условия службы. Жалуясь канцлеру из Франкфурта на старость и слабое здоровье (ему было тогда около 50 лет), он просил обеспечить ему спокойный и, главное, постоянный пост, где он мог бы пробыть до конца своих дней, поскольку переезды требовали издержек на экипаж, заведение нового дома и плохо сказывались на самочувствии. Кейзерлинг был готов остаться при рейхстаге в Регенсбурге или отправиться куда-то еще, лишь бы быть на

²³⁷ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 130 – 136 об.

²³⁸ Реляция Кейзерлинга от 2 (13) мая 1746 г.: Там же. Л. 160–162.

²³⁹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 147–178.

²⁴⁰ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 315–316.

одном месте, заметив между прочим, что чем долее министр при каком-нибудь дворе пребывает, тем больше знаний он приобретает «о сентиментах и склонностях одного двора» и, таким образом, лучше исправляет порученные ему комиссии²⁴¹.

В ответ на эту просьбу рескриптом от 11 мая 1746 г. Кейзерлинг был произведен в действительные тайные советники и назначен полномочным министром к прусскому двору²⁴². Дипломат не позволил себе комментировать новое назначение, но, скорее всего, был им разочарован, ведь в реляции от 4 (15) апреля он писал, что с первых дней правления Фридриху II были тесны границы его наследственных земель и все его предприятия направлены на то, чтобы сделать свою державу одной из первых и сильнейших в Европе, обладающей весом в мире. Король прекрасно понимал, что его цели не соответствуют российским интересам, и потому пытался склонять всех кого можно против России, чтобы она не препятствовала его замыслам²⁴³.

Фридрих II, напротив, не скрывал досады по поводу назначения Кейзерлинга, но поскольку не мог ничего изменить, то решил переманить его на свою сторону. В письме военному и государственному министру графу Генриху фон Подевиллю (*Heinrich von Podewils*, 1696–1760) от 31 августа 1746 г. король отметил: «Эти люди знают, что я не люблю Кейзерлинга, и они правы, но вы должны их обмануть, сказав, что [это назначение] доставило мне большое удовольствие и что я расценил его как особый знак внимания со стороны императрицы, приславшей ко мне человека из семьи, члена которой я так любил и который недавно умер. И нужно говорить в таком тоне на публике»²⁴⁴. Фридрих II имел в виду своего ближайшего друга юности – троюродного брата российского дипломата барона Дитриха фон Кейзерлинга по прозвищу Цезарион, скончавшегося 2 (13) августа 1745 г.²⁴⁵ Однако уже в октябре 1746 г. прусский король с удовлетворением отмечал, что российский дипломат, вопреки курсу на сближение с Австрией, одобряет не все действия венского двора.

В августе 1746 г., накануне возобновления заседаний рейхстага, Мария Терезия попыталась добиться от Фридриха II гарантии Прагматической санкции в обмен на гарантию Дрезденского мира со стороны всех имперских штатов (*Reichsgarantie*), в которой прусский король был заинтересован. Берлинский двор в ответ заявил, что еще в 1731 г. покойный король Фридрих Вильгельм I (1688–1740) специальной декларацией обещал Карлу VI содействовать гарантии Прагматической санкции рейхстагом и слово свое сдержал: в феврале 1732 г. империя гарантировала дочери императора Марии Терезии австрийское наследство. Этой декларации предшествовали два соглашения – 1726 г. и 1728 г. – между королем и императором²⁴⁶. Вновь возвращаясь к этому вопросу, венский двор хотел обезопасить себя от возможного нападения со стороны Пруссии, поскольку статьей 8 Дрезденского мира Фридрих II гарантировал Габсбургам только их владения в Германии (т. е. в Священной Римской империи). Статья 9 гласила, что король Великобритании, вновь выступивший посредником, приложит все усилия к заключению общего мира в Европе, участники которого должны будут гарантировать Фридриху II и Марии Терезии уже все их владения. Однако прусский король не собирался давать императрице-королеве никаких дополнительных гарантий. Более того, позиция Вены, видимо, подтолкнула его отозвать предложение, сделанное российскому двору 9 (20) мая 1746 г., «приступить» к Дрезденскому договору, став его гарантом. Вместо этого 29 августа (9 сентября) Фридрих II неожиданно предложил Елизавете Петровне присоединиться к Бреславльскому

²⁴¹ Письмо от 9 (20) октября 1745 г. // Там же. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 260–262.

²⁴² Там же. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 27–30.

²⁴³ Там же. Д. 2. Л. 130 – 130 об.

²⁴⁴ РС. Berlin, 1880. Bd. 5. S. 168–169.

²⁴⁵ https://de.wikipedia.org/wiki/Dietrich_von_Keyserlingk; <https://bbld.de/GND136144101>, дата обращения 29.07.2022.

²⁴⁶ См. подробнее: *Whaley J.* Op. cit. Vol. 2. P. 159–162.

трактату 1742 г. и гарантировать ему Силезию и Глац. Императрица была удивлена сменой позиции прусского короля и отказала ему, попутно напомнив, что уже была гарантом Берлинского договора 1742 г и что еще на этапе переговоров о заключении Дрезденского мира в 1745 г. он отклонил предложение Марии Терезии о гарантии Россией этого договора. При этом Елизавета Петровна продолжала называть обоих монархов своими союзниками²⁴⁷.

Кейзерлинг всегда считал, что право и правда в Войне за австрийское наследство были на стороне Марии Терезии, защищавшей свои земли²⁴⁸, но в ее споре с Фридрихом II о гарантии Прагматической санкции высказался в пользу последнего, считая, что не следует выдвигать дополнительных условий, когда имеющиеся договоренности были достигнуты с таким трудом. В беседе с пфальцским посланником на рейхстаге в октябре 1746 г. он даже якобы заявил, что венский двор предлагает ложное толкование статей 8 и 9 Дрезденского мира и что российский двор не будет помогать ему в этом деле, поскольку «наши договоры не распространяются на поддержку беззаконий». Фридрих II был весьма доволен таким ответом, решив, что ему удастся расположить к себе Кейзерлинга и извлечь пользу из общения с ним²⁴⁹.

Комментируя уже из Берлина это дело в официальной реляции от 3 (14) февраля 1747 г., российский дипломат высказывался о споре нейтрально, хотя позиция Пруссии в его изложении выглядит более обоснованной²⁵⁰. В беседах с графом Подевилем он выступал за гармонизацию отношений между Берлином и Веной. Это укрепило короля во мнении, что Кейзерлинг будет со временем действовать в его интересах. Фридрих II приказал подобрать для дипломата золотую табакерку с бриллиантами и своим портретом, а также ружье или другое старинное оружие из Оружейной палаты (*Rüstkammer*). При вручении подарка граф Подевильс должен был заверить российского министра от имени короля, что тот готов оказать ему любую услугу²⁵¹.

Позиция Кейзерлинга не осталась незамеченной и для австрийского двора, который через своих дипломатов – посланника в Берлине графа Йозефа фон Бернеса (*Joseph von Bernes*, ок. 1691 – 1751) и посла в Петербурге барона Иоганна Франца фон Претлака (Бретлаха, *Johann Franz von Pretlack/Bretlack*, 1709–1767) – пытался очернить его в глазах Елизаветы Петровны «всевозможными выдумками, изображая его бесполезным человеком, который под предлогом мнимых болезней не шевелится и от которого России никогда не будет никакой реальной пользы»²⁵². Возможно, располагавший подобными сведениями Фридрих II несколько стусил краски или Бернес потом переменял свое мнение о Кейзерлинге, но российский дипломат всегда отзывался с уважением об австрийском коллеге, а накануне его перевода из Берлина в Петербург в марте 1748 г. дал ему весьма лестную характеристику, позволяющую судить о том, что сам Кейзерлинг ценил в людях: «Главнейшее его [Бернеса] качество есть искренность и честное сердце (*ein aufrichtiges und redliches Herz*), а оному и все его поступки соответствуют. Он обходителен, во общении приятен, в содержании дружбы рачителен, а интриг ненавистник. Любит он честь своего двора, старается всегда о утверждении доброго соглашения, а в произведении дел представлении свои пристойнейшим и умереннейшим образом учреждать тщится. О знании его в штатских делах я доброе мнение имею, хотя он в совершенном основании наук не весьма силен. Натуральная понятливость и искусство зрелости (т. е. опыт. – М. П.) разсуждениям остроту придали, которая сей недостаток награждает» (*Eine*

²⁴⁷ См. оригиналы и переводы сообщений прусского и российского дворов по этому поводу: АВПРИ. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1747. Д. 2. Л. 6 – 16 об.

²⁴⁸ См., например, письмо Кейзерлинга А. П. Бестужеву-Рюмину от 11 (22) июня 1745 г. // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 177 об. – 178.

²⁴⁹ РС. Bd. 5. S. 206–207.

²⁵⁰ АВПРИ. Ф. 74 Оп. 1. 1747. Д. 4а. Л. 90–92.

²⁵¹ Фридрих II – Подевилеусу, 17 мая 1747 г. Потсдам // РС. Bd. 5. S. 394.

²⁵² Фридрих II – секретарю прусского посольства в Петербурге Конраду Генриху Варендорфу, 9 мая 1747 г. // Ibid. S. 385.

*natürliche Fähigkeit und die Erfahrung hat der Beurtheilungs-Kraft eine Schärfe gegeben, die diesen Mangel ersetzt*²⁵³. А вот нового прусского посланника Карла Вильгельма Финка фон Финкенштейна (1714–1800), прибывшего в Петербург в мае 1746 г., Кейзерлинг, правда с чужих слов, потому что сам не успел с ним познакомиться, характеризовал как человека льстивого и склонного к интригам, который при отсутствии глубокого и острого ума способен только на мелкие коварства. Кроме того, «он в науках не весьма ж далеко углубился» и всем был обязан родственными и семейными связями²⁵⁴.

Относительно Фридриха II Кейзерлинг никаких иллюзий не питал. В письме А. П. Бестужеву-Рюмину от 2 (13) мая 1747 г. он писал, что иметь дело с берлинским двором, «где владычествующая страсть корыстливости все основательныя доказательства и представлении опровергает», для иностранного министра весьма неприятно и даже прискорбно, поскольку в таком месте он не может приносить пользу своему двору, и намекал на то, что хотел бы служить при другом, где его ревность и труды принесли бы больше плодов²⁵⁵. Спустя месяц граф Бернес доверительно сообщил Кейзерлингу, что Фридрих II хочет пригласить его на свою службу. Выражая канцлеру недоумение по этому поводу, российский дипломат заявил, что никогда не примет подобного предложения, хотя его личные обстоятельства далеко не блестящи: «Мысли мои противятся такому двору служить, где верность и вера толь мало уважаются»²⁵⁶. На оба эти сообщения Бестужев-Рюмин никак не отреагировал.

С течением времени Кейзерлинг уже не высказывался столь категорично о прусском короле (возможно, свою роль сыграли подарки), разгадав в какой-то степени загадку этого человека: во всех своих предприятиях Фридрих II поступает так, чтобы ни у кого не возникало даже мысли, что он делает что-либо против своей воли и особенно по воле иностранного двора. Хуже не было оплошности настойчиво просить его о какой-то мелочи, тогда он отказывал сразу, даже если сам изначально хотел предложить просителю гораздо больше. Дипломат советовал воспринимать прусского короля таким, какой он есть, отдавая себе отчет в том, что другим он не станет, и потому подстраиваться под обстоятельства и действовать по возможности тонко²⁵⁷.

Основываясь на прусских источниках, Ф.-Д. Лиштенау пишет, что Кейзерлинг «не нравился королю, однако отличался таким корыстолюбием, что при соответствующей оплате не наносил Пруссии прямого вреда». Надеясь провести в Бранденбурге остаток дней, он купил там дом и жил на широкую ногу, тратя в год по 20 000 экю: «хотя его услуги стоили недешево, пруссаки могли на него положиться»²⁵⁸. Последний вывод мало подтверждается российскими источниками. Никаких секретных поручений из Петербурга дипломат в 1747–1748 гг. не получал, скорее, делился наблюдениями о текущих делах: о перспективах прусско-шведского сближения; реакции германских государств на Рейнский поход российского корпуса, снаряженного на английские военные субсидии весной 1748 г. в поддержку австрийцев, терпевших поражение от французов; о начавшихся в марте мирных переговорах по итогам Войны за австрийское наследство и подписании 19 (30) апреля прелиминарного и 7 (18) октября окончательного Ахенского договора между Францией, Великобританией и Республикой Соединенных провинций, к которому 19 (30) октября присоединилась Австрия. К участию в переговорах Россию не пригласили, главным образом из-за противодействия Франции, отношения с которой были разорваны в июне 1748 г. на восемь лет. Отмечая поспешность заключения мира, Кейзерлинг

²⁵³ Кейзерлинг – А. П. Бестужеву-Рюмину, 1 (12) марта 1748 г. // АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1748. Д. 5. Л. 243–244 (оригинал – Л. 241 – 241 об.).

²⁵⁴ Реляция Кейзерлинга от 9 (20) мая 1747 г. // Там же. Оп. 1. 1747. Д. 4а. Л. 222 – 223 об.

²⁵⁵ Письмо от 23 июня (4 июля) 1747 г. // Там же. Л. 246 – 246 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 325 об. – 326.

²⁵⁷ Кейзерлинг – А. П. Бестужеву-Рюмину, 22 августа (2 сентября) 1747 г. // Там же. Д. 4б. Л. 56–57.

²⁵⁸ Лиштенау Ф.-Д. Указ. соч. С. 245.

философски заметил: «Однако ж толь доброе дело, какое есть мир, никогда не вовремя не приходит, ежели только с надлежащею предосторожностью всякой повод к новым неприятелствам избегается»²⁵⁹. Среди прочего он из Берлина хлопотал о расширении каналов информации, предлагая учредить пост во Франкфурте – городе, «производящем великий корреспонденции», и даже нашел подходящего человека – старого банкира Леерса, готового взять на себя функции резидента²⁶⁰, но ответа на это предложение не последовало.

Именным указом от 9 декабря 1748 г. Елизавета Петровна назначила Кейзерлинга полномочным министром в Дрезден – «в разсуждении вашего при оном наперед сего по долговременной бытности имевшаго кредита и знакомства, не менее же и для вашего доволнаго искусства в министерских делах». Причиной стал отзыв из Петербурга графа Финкенштейна и назначение на его место советника посольства Бальтазара Людвига фон дер Гольца (*Balthasar Ludwig von der Goltz*, 1722–1750). Чин советника посольства соответствовал военному рангу полковника или подполковника, а чин действительного статского советника, который носил российский дипломат, – полного генерала (*General en chef*)²⁶¹. Императрица не могла допустить такого несоответствия и назначила в Берлин бывшего полномочного министра в Париже, канцелярии советника Генриха Гросса (1714–1765)²⁶², уроженца Вюртемберга, недворянского происхождения. Служивший в Дрездене граф М. П. Бестужев-Рюмин был переведен послом в Вену.

6 (17) февраля 1749 г. Кейзерлинг сообщил графу Подевилльсу, что с сожалением покидает пост в Берлине, хотя рассчитывал остаться здесь до конца жизни, добавив в раздумье, что, возможно, этого бы не произошло, если бы королю «было угодно заполнить вакансию государственного министра Финкенштейна другим человеком такого же характера и достоинства». Фридрих II велел сделать дипломату при отъезде как можно больше комплиментов, но одновременно выразить сожаление, что российский и прусский дворы не слишком хорошо понимают друг друга²⁶³.

Так были разрушены надежды Кейзерлинга на спокойную старость. Все пришлось начинать сначала. Дом он, вероятно, продал, потому что уже в 1750 г. купил у первого министра саксонского двора графа Генриха фон Брюля (*Heinrich von Brühl*, 1700–1765) имение Гаусиг в провинции Баутцен. Но и в Дрездене надолго задержаться не получилось. В марте 1752 г. Елизавета Петровна решила отозвать посла М. П. Бестужева-Рюмина из Вены, поскольку в деле переселения австрийских сербов в Российскую империю он проявил излишнюю настойчивость и вызвал недовольство Марии Терезии. Кейзерлингу пришлось исправлять ошибки коллеги²⁶⁴.

В письмах вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову (1714–1767) сначала из Вены, а затем из Дрездена, где после отзыва М. П. Бестужева-Рюмина жил несколько лет, он не жалел красок, чтобы расписать пороки и слабости своего преемника на посту в Вене – человека ленивого, но «комодного» (с легким характером) и избалованного. М. П. Бестужев-Рюмин постоянно намекал на нечистоплотность Кейзерлинга и некие его «виды» во вред России (в сговоре с саксонским министром графом Брюлем), упрекал дипломата в том, что он когда-то служил Бирону, недоумевая, как польский подданный вообще может быть российским представителем в Польше, получать от короля земельные владения (в Литве и в Пруссах под Слуц-

²⁵⁹ Кейзерлинг – А. П. Бестужеву-Рюмину, 7 (18) мая 1748 г. // АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1748. Д. 5. Л. 321 – 321 об.

²⁶⁰ Кейзерлинг – А. П. Бестужеву-Рюмину, 23 января (3 февраля) 1748 г. // Там же. Л. 145 – 145 об.

²⁶¹ Там же. Д. 4. Л. 84 – 87 об.

²⁶² См. о нем: Анисимов М. Ю. Вюртембержец Генрих Гросс – дипломат Елизаветы Петровны // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 5. С. 60–70.

²⁶³ РС. Berlin, 1881. Bd. 6. S. 380.

²⁶⁴ См. подробнее: Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: от Ахенского мира до Семилетней войны. М., 2012. С. 113–129.

ком²⁶⁵) и при этом пользоваться расположением сильных мира сего как в России, так и за ее пределами, к примеру добиться для сына Генриха (1727–1787) чина рейхсгофрата (имперского надворного советника) в Вене²⁶⁶.

Личная жизнь курляндца также не давала покоя М. П. Бестужеву-Рюмину: в 1755 г. в Вене Кейзерлинг при живой жене и законных детях жил с некой женщиной из Тироля, недворянского происхождения, имел от нее дочь и добивался от венского двора пожалования обоим баронского титула. Получив отказ, он продолжил хлопотать по этому делу, и Мария Терезия разрешила произвести их в дворянство с уплатой обыкновенной таксы, что стоило дипломату тысячу гульденов. «Метреса» (т. е. любовница) садилась с гостями за стол, пользовалась посольским экипажем, в общем компрометировала посла, а в его лице и российский двор²⁶⁷. Обвинения, высказанные М. П. Бестужевым-Рюминым, можно расценивать как продолжение дискуссии, развернувшейся в начале елизаветинского царствования, о том, могут ли иноземцы честно служить России и не следует ли заменить их национальными кадрами. Но к этим аргументам явно примешивалась обыкновенная человеческая зависть, вызванная потерей престижного поста в Вене. Кроме того, М. П. Бестужев-Рюмин при живой жене А. Г. Бестужевой-Рюминой (? – 1751), сосланной на каторгу по обвинению в заговоре против Елизаветы Петровны в 1743 г., жил с уроженкой Саксонии Иоганной Генриэттой Луизой фон Гаугвиц и обвенчался с ней в 1749 г., не получив разрешения императрицы на брак.

Совсем другое свидетельство о пребывании Кейзерлинга в Вене оставил в 1753 г. будущий польский король Станислав Август Понятовский, с семьей которого дипломат подружился еще в начале 1740-х гг. в Дрездене. К юному Станиславу он тогда искренне привязался и даже в свободное от службы время преподавал ему логику и математику, называя своим учеником, а в 1750 г. настоял, чтобы родители отправили Понятовского в Берлин к опытному врачу Либеркюну для лечения (как оказалось, успешного) желудочных спазмов. В австрийской столице Кейзерлинг прослыл чудачком и домоседом, запустившим дела и проводившим время главным образом за книгами и беседами с учеными. С министрами императорского двора он общался только в случае крайней необходимости. Однако, по мнению Понятовского, это была лишь видимость, необходимая для того, чтобы успешно заниматься шпионажем²⁶⁸.

В 1752 г. в переписке Кейзерлинга с Коллегией иностранных дел вновь возникла тема союза между Россией и Священной Римской империей, как раз накануне переезда в Вену. Находившийся при дипломате секретарь посольства, прусский подданный Георг Генрих Бютнер (в русских источниках также Битнер, *Georg Heinrich Büttner*), обратился к А. П. Бестужеву-Рюмину с просьбой назначить его резидентом в Регенсбург. Брат Бютнера Якоб Фридрих служил в Петербурге статским советником в Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Кейзерлинг еще в 1745 г. по случаю получения обоими дворянского диплома Священной Римской империи «препоручал их в милость» канцлера²⁶⁹. Бестужев-Рюмин, сомневаясь в целесообразности создания постоянной российской миссии при рейхстаге, все-таки решил посоветоваться с дипломатом, как с человеком, лучше других разбиравшимся в имперских делах. Главный же вопрос канцлера состоял в том, является ли заключение союза между империями по-прежнему актуальным, если учесть, что ни Коллегия курфюрстов, ни ее председатель архиепископ Майнца с официальным предложением к российскому двору так и не обратились²⁷⁰.

²⁶⁵ Точность этих сведений нуждается в проверке. О приобретенных Кейзерлингом на свои средства владениях в Баутцене М. П. Бестужев-Рюмин не упоминает.

²⁶⁶ АКВ. М., 1871. Кн. 2. С. 263, 279–280, 289.

²⁶⁷ Там же. С. 292.

²⁶⁸ *Mémoires du Roi Stanislas-Auguste Poniatowski*. St.-Petersbourg, 1914. Т. 1. Р. 36, 71.

²⁶⁹ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 330 – 330 об.

²⁷⁰ Выписка из письма А. П. Бестужева-Рюмина Кейзерлингу от 19 мая 1752 г. // Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1745. Д. 10. Л. 13.

4 (15) июля 1752 г. Кейзерлинг составил пространный ответ, призванный убедить Бестужева в необходимости заключения союза между Россией и Священной Римской империей. В этом ответе он попытался аргументировать три принципиальных, по его мнению, соображения. Первое заключалось в том, что союз с империей придаст большую силу союзам России с Австрией и морскими державами исходя из того, что главными врагами Священной Римской империи на протяжении двух столетий были Франция и Османская империя. Поэтому Австрия и морские державы всегда подталкивали имперские штаты к тому, чтобы объявить имперскую войну (*Reichskrieg*) против общего врага, так как эти войны всегда были более успешны. Последняя имперская война против Франции была объявлена в 1734 г. во время Войны за польское наследство.

Рассуждая о Германской империи (а именно так он ее называл), дипломат использовал традиционный образ тела (корпуса) и членов, сильных и слабых, которые тянут его в разные стороны, препятствуя нормальной жизнедеятельности: «имперские чины никакой политической системы не имеют, и всякой туда обращается, откуда он или какой выгоды уповает, или где какого вреда опасается, почему и не бесплодно употребляются как французские денги, тако и прусские угрозы; а из сего разделения членов и происходит, что весь корпус слаб и силы его невидны». На самом деле, полагал Кейзерлинг, «империи в силах недостатка нет», дело состоит только в том, «дабы оныя воедино совокупить», а «союз с Россией наиудобнейшее к тому средство есть»²⁷¹. Важнейшие шаги в направлении такого союза, по его мнению, уже были сделаны при подписании оборонительных договоров с отдельными имперскими штатами: Ганновером (его курфюрст являлся одновременно британским королем), Саксонией, Австрией (Богемией). Остальные имперские штаты, особенно духовные, в скором времени должны были присоединиться к новому объединению, так как им особенно тягостны «прусские и французские законодательства».

Второе соображение дипломата заключалось в том, что Россия не получает от союза с Австрией и малой толики той пользы, которую она могла бы иметь, находясь в союзе со всей империей. Дом Габсбургов, избавленный от участия в имперских войнах, мог бы оказывать помощь России в случае конфликтов с Османской империей, Швецией и Данией. Сама же империя взяла бы на себя обязательство прилагать старания, чтобы никто из имперских штатов не нарушал «тишину и безопасность России и ее союзников», а если это произойдет, найти способы для нейтрализации зачинщика. Наконец, союз с Германской империей мог бы придать большую прочность всей союзной системе Российского государства, особенно в свете того, что оно находится в союзе с отдельными имперскими штатами.

Напрямую в тексте об этом не говорилось, но из его содержания следует, что Россия должна была занять в империи место Франции или Швеции – гарантов Вестфальских мирных договоров 1648 г. Влияние Версаля Кейзерлинг оценивал крайне негативно, отмечая, что некоторые имперские штаты стали «жертвой французского интереса»²⁷². Наиболее ярко это проявилось в начале 1740-х гг., когда императором был избран курфюрст Баварии: другие курфюрсты голосовали за него по большей части по принуждению, «против своей склонности» и интересов империи. Этого никогда бы не произошло, если бы «слабейшие чины» находились в союзе с какой-либо сильной державой (читай – Россией), что позволило бы им сопротивляться «посторонним и предосудительным видам» более сильных игроков в Германии²⁷³.

Таким образом, важнейшим фактором консолидации империи объявлялся союз с Россией, заключенный на вечные времена независимо от итогов выборов императора, хотя дипломат полагал, что сохранение короны за Австрийским домом является «существительным арти-

²⁷¹ Там же. Л. 17–17 об.

²⁷² АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1745. Д. 10. Л. 20 об.

²⁷³ Там же. Л. 21 об.

кулом российской системы»²⁷⁴. «Империя не умирает, – писал он, – а кончина верховной ее главы ни в ее штатском учреждении, ниже в принятых ее обязательствах никакой отмены не делает, будущей император обязан быть имеет оные подписать и содержать»²⁷⁵. Это ключевой тезис Кейзерлинга, его принципиальная позиция, так или иначе отраженная и в других принадлежавших ему текстах: несмотря на многочисленные сложности и противоречия, ресурсы империи не исчерпаны, она способна разрабатывать механизмы защиты имперских штатов на основе действующего законодательства и решать внутренние конфликты. Правда, обращает на себя внимание тот факт, что дипломат не говорил напрямую об угрозе, исходившей от Пруссии, о которой он упоминает лишь трижды и каждый раз в связке с Францией, называя последнюю виновницей происходивших в империи бед. В частности, он еще из Берлина писал в 1747 г., что версальский двор подстрекает Фридриха II нарушить Дрезденский мир²⁷⁶. Возможно, в 1752 г. Кейзерлинг действительно верил, что прусский король уже удовлетворил свои амбиции завоеванием Силезии и Глаца и не рискнет начать новую войну, хотя разрыв отношений Петербурга и Берлина в октябре 1750 г. скорее свидетельствовал об обратном²⁷⁷. Говорить о личных симпатиях дипломата к Фридриху II, как мы видели, не приходится. Поэтому остается предположить, что он мыслил в традиционной парадигме противостояния Габсбургов и Бурбонов в империи. Завершая письмо от 4 (15) июля 1752 г., Кейзерлинг высказал мнение, что для заключения союза с империей России нужен резидент на рейхстаге и лучшей кандидатуры, чем Г. Г. Бютнер, не найти²⁷⁸. Однако никаких решений по итогам рассуждений дипломата тогда не последовало.

К вопросу об учреждении постоянной миссии России в Регенсбурге Елизавете Петровне пришлось вернуться в 1756 г. – после смены союзов в Европе, вошедшей в историю как «дипломатическая революция»²⁷⁹, и начала Семилетней войны 1756–1763 гг. 19 (30) сентября 1755 г. Великобритания подписала очередную конвенцию с Россией о военных субсидиях. Целью Лондона была защита своих владений на континенте – курфюршества Брауншвейг-Люнебург (Ганновер) – и изоляция Франции, для чего 5 (16) января 1756 г. он также заключил союзный договор с Берлином (Вестминстерскую конвенцию). Фридрих II охотно дал гарантии не нападать на Ганновер, чтобы иметь еще одного союзника в Европе. 1 (12) февраля 1756 г. Елизавета Петровна ратифицировала субсидную конвенцию, но с условием, что российские войска для защиты Ганновера могут быть использованы только против прусского короля, которого к этому времени в Петербурге рассматривали как главного своего врага. Известие о заключении Вестминстерской конвенции, полученное через два дня после ратификации субсидной конвенции, выбило почву из-под ног А. П. Бестужева-Рюмина, долгие годы выступавшего главным сторонником союза с Великобританией и умевшего убеждать императрицу в целесообразности его сохранения. Предел доминированию канцлера во внешней политике был положен созданием в марте 1756 г. нового коллективного правительственного органа – Конференции при Высочайшем дворе. Весной 1756 г. втайне от Бестужева-Рюмина вице-канцлер Воронцов провел успешные переговоры о восстановлении российско-французских отношений. Параллельно шел процесс сближения вековых противников – Австрии и Франции, историческое примирение которых было зафиксировано Версальским оборонительным договором от 20 апреля (1 мая) 1756 г.²⁸⁰

²⁷⁴ Там же. Л. 22 об.

²⁷⁵ Там же. Л. 24.

²⁷⁶ См. реляцию от 24 января (4 февраля) 1747 г. // Там же. Ф. 74. Оп. 1. 1747. Д. 4а. Л. 72.

²⁷⁷ Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в.... С. 180–194.

²⁷⁸ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

²⁷⁹ О происхождении термина «дипломатическая революция» см.: Яковлев Н. Н. Дипломатическая революция 1756 г.: была и небыла // Яковлев Н. Н. Россия и Британия. М., 2000. С. 169.

²⁸⁰ Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в.... С. 147–163.

Заключение Вестминстерской конвенции привело российского посла в Вене Кейзерлинга в замешательство. 4 (15) мая, еще не зная о подписании австро-французского договора, переговоры о котором велись в строжайшей тайне, он написал канцлеру Бестужеву-Рюмину откровенное письмо, в котором были такие строки: «Сохранение старой системы, состоящей в тройственном союзе между Россией, Австрией и Англией, до сих пор было главным предметом моих усилий не только вследствие всех предшествующих... рескриптов, но и по собственному моему убеждению, поскольку я считал [этот союз] выгодным для интересов и славы ее императорского величества и ее империи» (перевод мой. — М. П.). Дипломат попытался угадать, как будет развиваться российско-австрийское сотрудничество в новых условиях. Ему казалось, что Великобритания вскоре устанет от войны с Францией и заключит мир, в результате которого сложится коалиция Лондона, Версаля и Берлина, направленная против Вены и Петербурга, как это уже однажды было в 1725 г. (так называемый Ганноверский союз, противостоявший Венскому союзу Австрии и габсбургской Испании; к последнему в 1726 г. присоединилась Россия). Швеция и Османская империя сразу войдут в эту коалицию, присоединение Саксонии и Баварии – дело времени. Кейзерлинг считал, что Австрия не пойдет на сближение с Францией, которая уже нанесла дому Габсбургов непоправимый ущерб, всякий раз демонстрируя вероломство и пренебрежение достигнутыми договоренностями. В отношении России Версаль также всегда действовал недружелюбно, неоднократно пытаясь посорить ее с Австрией²⁸¹. Мы видим, что даже опытные дипломаты ошибаются в своих прогнозах.

Размышляя в реляции от 22 июня (3 июля) 1756 г. о причинах, побудивших Вену заключить Версальский договор, Кейзерлинг предположил, что таким образом Мария Терезия пыталась удержать и сохранить «перевес как по религии, так и по императорской власти в Германской империи». Но для французской короны это означало бы отказаться от самой себя. Кроме того, она могла лишиться доверия протестантских дворов²⁸². Действительно, получалось, что теперь протестантскому союзу Пруссии и Великобритании противостоит союз католических держав – Австрии и Франции. В июле 1756 г. лондонский двор даже разослал промеморию имперским чинам, в которой пытался развеять слухи о том, что прусско-английский союз создан для притеснения римско-католической веры. Это укрепило Кейзерлинга во мнении, что главное намерение венского двора «к тому клонится, чтоб превосходящую силу не токмо в римской вере, но и в императорской власти приобрести», и оставлял на волю императрицы решить, будет ли это противоречить интересам ее империи и греческой веры (православия) или наоборот²⁸³. О том, что Мария Терезия нуждалась еще в одном союзнике против Пруссии, дипломат не писал, как и о целях Людовика XV. Между тем современная историография утверждает, что «дипломатическую революцию» следует расценивать как консервативную модификацию французской политики, направленной на поддержание мира в Священной Римской империи. Ключевым элементом этой политики была функция гаранта, которую Франция выполняла с 1648 г. В 1756 г. она увидела угрозу имперской конституции со стороны Пруссии и поэтому выступила на стороне Австрии в Семилетней войне. Это означало, что Франция отныне ориентировалась, скорее, на компромисс в империи, что позволило ей значительно сократить финансовую поддержку антигабсбургской оппозиции²⁸⁴.

В самой Вене сближение с Францией вызвало неоднозначные суждения: некоторых его противников, выступивших публично, даже посадили под караул. Критике подвергся вдохновитель и создатель союза граф Венцель Антон Кауниц-Ритберг (1711–1794), с 1753 г. австрийский государственный канцлер, служивший до этого три года послом в Париже. В письме А. П.

²⁸¹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1756. Д. 3. Л. 198–200.

²⁸² Там же. Л. 356 – 358 об.

²⁸³ Реляция от 31 июля (11 августа) 1756 г. // Там же. Д. 3а. Л. 26–27.

²⁸⁴ Externbrink S. Nach der «diplomatischen Revolution». Funktion und Aufgaben der französischen Reichstagsgesandtschaft. Zeitenblicke. 2012. 11 (2). 19. http://www.zeitenblicke.de/2012/2/Externbrink/index_html, дата обращения 29.07.2022.

Бестужеву-Рюмину от 25 мая (5 июня) 1757 г. Кейзерлинг сообщал, что в Вене немало тех, кто склоняется к прежней союзной системе, даже император Франц I и особенно имперский вице-канцлер граф Рудольф Йозеф фон Коллоредо-Вальдзее (*Rudolph Joseph von Colloredo-Waldsee*, 1706–1788), испытывавший давление со стороны французского посла. Российский дипломат считал, что новые идеи заглохнут так же быстро, как и возникли, и не верил в успех Кауница, называя его недостаточно опытным и искусным: «Я говорю это ни в коем случае не во вред ему, а лишь для того, чтобы доказать, что он не тот человек, который мог бы совершать великие дела, о которых мечтает»²⁸⁵. Однако этот прогноз также не оправдался, и досада Кейзерлинга была велика. Во всяком случае, в источниках зафиксирован факт, что он впоследствии иногда мог позволить себе не выходить к Кауницу, когда тот к нему приезжал²⁸⁶.

После нападения Фридриха II на Саксонию 18 (29) августа 1756 г. Кейзерлинг не мог не признать, что старая система союзов ушла в прошлое, и вновь напомнил Елизавете Петровне о своей миссии при рейхстаге в 1746 г. и об идее союза между Россией и Священной Римской империей. После начала войны средние и мелкие имперские штаты, как католические, так и протестантские, опасались за свои права и особенно религиозную свободу. Дипломат понимал, что эти опасения, в сущности, неосновательны, но, чтобы ни одна из сторон конфликта не могла сыграть на них, считал, что нужно воспользоваться моментом, заверив имперские штаты в неизменном покровительстве российской императрицы и учредив при рейхстаге постоянное представительство²⁸⁷. Такие же просьбы через некоторое время Елизавете Петровне высказали Мария Терезия и саксонский курфюрст Фридрих Август II, вынужденный под натиском прусских войск бежать из Дрездена в Варшаву.

7 (18) ноября 1756 г. этот вопрос был вынесен на обсуждение Конференции при Высочайшем дворе в Петербурге. Ее члены напомнили Елизавете Петровне об успешной миссии Кейзерлинга во Франкфурте и Регенсбурге в 1745–1746 гг. и зачитали его мнение 1752 г. о целесообразности создания миссии при рейхстаге, отметив, что сейчас она необходима как дополнительный канал связи, а после войны позволит России сохранить за собой право «вступаться в дела» своих союзников и отстаивать интересы великого князя Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского²⁸⁸. 12 (23) ноября резидентом в Регенсбург с производством в надворные советники и жалованьем в 3 тыс. рублей был назначен рекомендованный ранее Кейзерлингом секретарь посольства в Вене Георг Генрих Бютнер²⁸⁹. В инструкции, направленной ему 28 января (8 февраля) 1757 г., содержались выдержки из реляций его шефа, в которых говорилось о предложении Коллегии курфюрстов вынести на обсуждение рейхстага вопрос о союзе с Россией, так и не реализованном в 1746 г. Поскольку предложение это состояло «в генеральных только словах», Елизавета Петровна, «хотя и не несклонна была согласиться на толь полезное дело», «за нужно почесть не изволила иметь тамо своего министра», особенно в мирное время. Но после нападения Фридриха II на Саксонию и Богемию интересы Священной Римской империи и ее членов требуют сплотиться с другими державами, чему призвана способствовать и новая российская миссия в Регенсбурге. Если бы рейхстаг или отдельные штаты обратились к Бютнеру с предложением о союзе, ему следовало отвечать, что Елизавета Петровна «по всегдашнему и истинному участию своему в благополучии Германския империи не несклонна быть изволит на сие поступить», но при этом «искусным образом» выяснить, в чем

²⁸⁵ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1756. Д. 3. Л. 263 – 263 об.

²⁸⁶ См.: Биографические заметки о портретах русских деятелей XVIII века // АКВ. М., 1887. Т. 33. Приложение. С. 27. Заметки составлены по памяти Михаилом Семеновичем Воронцовым (1782–1856) на основе услышанного им от отца, Семена Романовича Воронцова (1744–1832), племянника вице-канцлера, с 1758 г. канцлера М. И. Воронцова.

²⁸⁷ Реляция от 21 сентября (2 октября) 1756 г. // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1756. Д. 3а. Л. 149–150.

²⁸⁸ См. записку в доклад, составленную по итогам обсуждения: СИРИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 390.

²⁸⁹ Там же. С. 409. См. рескрипт Бютнеру от 31 декабря 1756 г. с сообщением о назначении: АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 1. Д. 85. Л. 364 – 364 об.

именно такое предложение может состоять, действуя с осторожностью, чтобы инициатором предложения выступила Коллегия курфюрстов. Дипломат должен был также информировать российский двор о передвижениях воинских контингентов противника и действиях имперских посланников на рейхстаге, тесно сотрудничать с дипломатами союзных Австрии и Саксонии и дружественной Франции. Отметим, что на этом этапе Бютнера не уведомили о присоединении России 31 декабря 1756 (11 января 1757 г.) к австро-французскому оборонительному договору²⁹⁰.

6 (17) января 1757 г. рейхстаг объявил Фридриху II имперскую войну (*Reichskrieg*), а 11 (21) марта католическая Франция и протестантская Швеция как гаранты Вестфальского мира выпустили совместную декларацию, выражая глубокую обеспокоенность нарушением мира в империи и обещая употребить все свои силы, чтобы защитить религиозную свободу в Германии, пресечь разорение ее территорий и добиться возмещения нанесенного войной ущерба²⁹¹. Эта декларация вошла в текст заключенной между Стокгольмом и Версалем конвенции о защите шведских владений в Померании, к которой присоединилась и Вена. 5 (16) ноября Елизавета Петровна по приглашению трех дворов также «приступила» к этой конвенции, желая прекращения кровопролития и «всех тех пагубных следствий, кои от сей для насыщения безпредельного властолюбия и никаких законов неимеющего своевольтва своего Королем Пруским начатой несправедливой войны уже произошли» и впредь произойти могут²⁹². Хотя Россия фактически встала на одну ступень с гарантами Вестфальского мира, никаких предложений о союзе с империей ни от Коллегии курфюрстов, ни от рейхстага в годы войны так и не поступило.

Кейзерлинг оставался послом в Вене до 1761 г. Хотя он всегда считался человеком А. П. Бестужева-Рюмина, после опалы и ссылки канцлера в феврале 1758 г. дипломат сохранил и свой пост, и влияние на дела, став фактически главным советчиком нового канцлера – М. И. Воронцова, никогда не занимавшего дипломатических постов и не очень хорошо разбиравшегося в хитросплетениях европейской политики²⁹³.

²⁹⁰ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 350 – 356 об. Публикацию документа см.: Петрова М. А. Международное положение России в начале Семилетней войны в инструкциях Коллегии иностранных дел резидентам в Регенсбурге и Гданьске // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 181–195.

²⁹¹ Реляция Кейзерлинга от 28 марта (8 апреля) 1757 г. // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1757. Д. 6а. Л. 31 об. – 32.

²⁹² Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 216–224.

²⁹³ Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав... С. 328–330.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.